

Жаклин Питшаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

Жаклин Питшаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Ты называла меня младшей сестренкой...

Я познакомилась с Далидой в начале 70-х, с помощью одного друга, Жака Давида. Она пригласила нас к себе на ужин, где были несколько близких приятелей, в том числе Жак, работавший тогда на «Европе 1». Он был большим другом ее бывшего мужа, Люсьена Морисса.

Далида плохо себя чувствовала, с трудом оправлялась после попытки самоубийства. Жак Давид рассказал ей о Ги, моем муже, докторе. Она очень ценила Жака, она знала, что он хороший советчик, и вот почему она захотела пригласить Ги, чья репутация была ей известна. Ги был не просто доктором, эндокринологом, специалистом по иглотерапии и психоаналитиком; он был еще и аристократом духа. К нему на консультацию приезжали люди со всего мира, потому что он лечил и душу, и тело.

Когда мой муж объявил мне, что мы приглашены на ужин к Далиде, я была взволнована, что встречу с ней. По роду профессиональной деятельности я привыкла сталкиваться с самыми разными личностями из политики, кино или шоу-бизнеса: под началом мужа я руководила курсами похудения, и чьи-то лишние килограммы, целлюлит не были для меня тайной. Реклама передавалась из уст в уста. Клиенты, знаменитые или нет, приезжали лечиться у нас со всего земного шара, и это лечение давало, я признаю, эффективные результаты. Но познакомиться с Далидой было для меня совсем другим. Ее воркующий голос убаюкивал мою юность, мою первую любовь...

Я помню, в 60-е годы ее песни становились шлягерами на улицах. Люди напевали их, рабочие насвистывали их на лесах... Далида так очаровала народ тембром своего голоса, своей личностью, что оттеснила прекраснейший голос того времени: Глорию Лассо. Их соперничество было поразительным. Глория презирала дебютантку. Она восклицала: «Я происхожу от Августины Арагонской, которая на осаде Сарагосса заставила отступить французов только с помощью пушки!» Озадаченная Далида скромно отвечала: «Публика сделала свой выбор...» Глория возражала: «Я пою лучше Далиды». «Кто такая Глория Лассо?», отвечала она в шутку. Разъяренная Глория показала свое истинное лицо: «Что ж, Далида, держите как следует Люсьена Морисса. В моей жизни тоже был мужчина, который помог мне преуспеть: Морис Тезе, директор компании «Пате». Мы расстались, но я все-таки осталась звездой! Но вы, если однажды, к несчастью, потеряете Люсьена Морисса, на другой же день исчезнете».

Далида ответила со всей присущей ей элегантностью: «Она может говорить, что хочет! Мне нравится ее голос, у меня есть все ее пластинки, и мой брат Бруно восхищается ею». И чтобы подтвердить свои слова, она показала свою фотографию, на которой они с Бруно слушали пластинку Глории Лассо!.. Какой прекрасный урок скромности и любви! Далида была неспособна на злобу или зависть. Она никогда ни о ком не говорила плохо. Она была необработанным бриллиантом, моя дорогая старшая сестра! В 1962 году Глория Лассо покинет Францию.

В июне 1960 года Далида была на вершине. Она возглавляла «гигантов песни», опередив Жильбера Беко, Жака Бреля, Анни Корди, Саша Дистеля, Эдит Пиаф, Колетт Ренар, Катерину Валенте.

Пиаф заболела. Далида замещала ее в казино. Эдит Пиаф пришла ее послушать и сказала:

- У малышки это в крови! Она будет моей преемницей.

Настолько, что в 1965 году опрос общественного мнения от Французского Института для передачи «Избранные певцы» поставил ее «первой»! Это было царство Далиды; люди боготворили ее, молоденькие девушки подражали ее «фараонскому» макияжу.

Мысль, что я встречу с ней, приду к ней в гости, увижу ее в близком кругу, захватила меня. Жак говорил ей, что Ги никогда не принимает приглашений на ужин без своей супруги. Она легко согласилась с моим присутствием. В любом случае, если бы она отказалась, Ги не пришел бы. Мы были очень дружной парой, и наши знакомые это знали.

Далида принимала нас вместе с несколькими своими друзьями. Я впервые увидела ее. Конечно, это была уже не пухленькая брюнетка из 60-х годов, она совершенно переменилась! Она показалась мне еще красивее в жизни, чем по телевизору. Элегантная, аристократичная, в ореоле длинных солнечных волос. Сияя красотой, она источала бесконечную нежность. С первых же мгновений встречи я угадала в ней большую ранимость.

Помню, что во время ужина, пока мой муж сидел справа от нее, она без конца расспрашивала его о его концепции. Она была очень мистифицированной, увлекалась эзотерикой. Она гордилась, что показывает ему свои знания и цитирует своих любимых авторов: Тейяра де Шардена, Рабиндраната Тагора. Она казалась мне трогательной, как хорошая ученица, выучившая урок. Она показала мне другую грань того образа, который у меня сложился о ней судя по репертуару ее популярных песен.

Когда мы покинули дом 11-бис на улице Оршан, то были очарованы, узнав и другую сторону ее личности. Мы открыли в ней великолепную хозяйку дома. Ее стол был продуман до малейших деталей. Ужин был наслаждением. Квартира, обставленная с большим вкусом, была любезной, приветливой: огонь в камине создавал тихую атмосферу. Гости были искусно подобраны по сходству. Все было идеально. Между Ги и Далидой пробежал ток.

Со следующего дня Далида стала назначать встречи с моим мужем. Жадная до знаний, она хотела расширить свои интеллектуальные сведения. Когда она была в Париже, то регулярно приходила три раза в неделю, чтобы заниматься с ним сеансами психотерапии. Она была полна духовности, как люди, которые много страдали и хотят внутренне обогатиться. Потом он стал для нее надежным, верным другом.

В начале нашего знакомства я чувствовала в ней бесконечную грусть; у меня было ощущение, что она несет всю печаль мира на своих хрупких плечах. Она делила свою жизнь с Арно Дежарденом, который учил ее практике тантрического буддизма. Как и он, она искала абсолют, самопознание, духовность. Он увез ее в тибетский монастырь, чтобы познакомить со своим духовным учителем. В Бенгалии она познакомилась с индусом Свами Праджнанпадом. Эта встреча открыла ей законы мудрости... Позже она расскажет нам, что еще три года возвращалась к нему в ашрам Шанны, чтобы следовать учению этого индийского мудреца.

Целый месяц она проходила курс медитации, в спартанских условиях. Поднималась в пять часов утра, закутывалась в хлопчатобумажное сари, без макияжа, с собранными на-

Жаклин Питиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

зад волосами, чтобы медитировать в позе лотоса перед восходящим солнцем, вместе с мудрецом. Ее питание состояло из риса, йогуртов, фруктов... По вечерам были концерты индийской музыки, пока она медитировала перед цветком, чтобы, так сказать, проникнуться красотой мира...

Я слушала эти ее признания и не решалась вмешаться, чтобы сказать ей, что это учение противно жизни! Что это же чистый мазохизм! Зачем все эти лишения? Почему она наказывала себя за то, что живет? У Ги была другая теория! Он говорил мне:

«Всегда нужно все взвешивать, прежде чем бросаться куда-то очертя голову, не надо фантазировать, потому что воображение скудно, оно ведет к неврозу и психозу, оно только повторяет и никогда не создает. Ты не должна жить своими недостатками, ты должна быть оптимисткой и всегда идти до конца. Жизнь требует смелости и много, много труда! Если оплакивать себя, внимательно себя разглядывая, это ничего не дает. Нужно двигаться, трепетать, бороться, идти вперед; трудности есть и всегда будут. Земная жизнь всегда будет приносить тебе огорчения, проблемы, ты должна бороться с ними сама, как взрослая. Я не всегда буду рядом, чтобы направлять тебя. Если у тебя проблемы, радуйся, это доказывает, что ты живешь, только у мертвых нет проблем»

Он добавлял:

«Нужно уметь познать себя в человеческих отношениях, надо быть изобретательным, чтобы уметь, чем бы ты ни занимался, уноситься ввысь, в духовную жизнь, позволяя иногда, или в то же время, вмешиваться уму, благоразумию, интуиции; надо постоянно пытаться, каких бы усилий и размышлений это ни стоило, жить любовью. Любые огорчения несерьезны, включая самые страшные: болезнь и смерть»

С тех пор, как Далида занимается анализом с Ги, ее поведение меняется, ее лицо расцветает. Она снова делается кокетливой, женственной, соблазнительной. Она утратила свою суровую маску, которая придавала ей неловкий, несчастный вид. Арно дуется. Безумно влюбленный в нее, он просит ее все бросить, прекратить свою карьеру певицы, следовать за ним по пути мудрости. Он хочет ее только для себя. Он готов на все, чтобы сохранить ее, даже развестись и покинуть детей...

Но сеансы с моим мужем заставляют ее понять, что у нее другой путь, что они не созданы быть вместе. Она, однако, всеми силами пыталась хранить и разжигать это пламя. Она переделала первый этаж своего дома, превратив его в центр духовных встреч, чтобы он мог принимать своих учеников по страданию... Она отменяла концерты, чтобы оставаться рядом с ним. Она даже едва не перестала петь ради страсти к нему. Вместо того, чтобы помочь ей в поисках любви, он изводил ее, налагал запреты. После всех пережитых несчастий она была так слаба, что думала, будто обрела в Арно, согласно его учению, душевный покой.

Какое разочарование для нее! Ее инстинкт выживания, ее ум заставляют ее осознать, что она не создана для жизни, полной лишений, ограничений, запретов. Ведь она попросила помощи у моего мужа. Во время одного сеанса она просила его совета. Он убедил ее продолжать свою карьеру, если она хочет выжить

Несмотря на это, Арно продолжал приходить на наши ужины с Далидой, зная, что она берет консультации у Ги. Это было для меня двусмысленно. Это означало широту ума и мудрости. Этот человек, должно быть, пережил исключительную внутреннюю борьбу,

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

чтобы выдержать эту неудачу и видеть Далиду в руках доктора, который учил ее новому существованию.

Я вспоминаю один индийский ужин, который организовала в нашей квартире, на улице Клебер. Я пригласила оркестр, и индийские официантки обслуживали нас в сари. Я заказала еду в одном из лучших индийских ресторанов столицы. Я обожала театральность, это была моя стихия. Я думала, что эти люди, которых постоянно приглашают на ужины, должно быть, будут удивлены. И они и впрямь удивились! Когда я увидела, с каким серьезным видом они пришли и уселись на краю канапе и кресел, я щедро налила им напитков: пунш более действенный, чем шампанское; он приводит людей в эйфорию, не вызывая плохого самочувствия; отсюда, может быть, эта мысль: подать пунш!... Арно Дежарден сыпал индийскими сказками... Жак Мартин тоже был там. Вечер удался, все оценили его.

Были и другие ужины Далида расцветала среди наших знакомых, к ней понемногу возвращался вкус к жизни.

Это было в июле. Далида, Ги, Арно Дежарден и я плыли на яхте, в заливе Сан-Тропе; мы двигались к Островам. Погода была отличной, море спокойным. Далида сидела впереди, рядом с моим мужем, я была на скамейке сзади, а Арно – на юте. Он медитировал в позе лотоса. Эта поза плохо подходила к обстановке, но Арно так показывал Далиде, что он в другом мире, далеко от нас... Большая волна, вызванная другим кораблем в заливе, заставила его потерять равновесие. Он перевернулся вверх тормашками и упал бы в море, если бы не схватился за винт яхты! Далида подавила улыбку; я смущенно отвернулась. Арно, понимая нелепость ситуации, сел в нормальной позе.

Эта пара рассталась, несмотря на безумную любовь, связывавшую их. Они любили друг друга до того, что терзали... Один изводил, другая задыхалась. Когда она была с ним, он заставлял ее ненавидеть «Далиду»; он предпочитал Иоланду! Каждый вернулся на свой путь в жизни. Мудрое решение, чтобы возродиться и взглянуть в лицо новой судьбе.

Что стало бы с Далидой, если бы она прекратила петь? Благодаря Жаку Давиду она встретила Ги, который помог ей осознать ошибку. Он научил ее жить, взять новый старт в жизни, расцвести в своей профессии, обрести потерянную веру в себя, любить себя и полюбить другого. Днем и ночью она могла позвать его, он всегда был свободен для нее.

Она познакомила нас со всей своей семьей. Так мы узнали ее маму, Джузеппину, которая была очень нежной и любезной; ее кузину Розу, которая была очень важна для нее, будучи ее правой рукой; и, конечно, ее старшего брата, Орландо, и младшего, Бруно.

Далида была очень близка со старшим братом Орландо, ныне покойным. Это был ее любимый брат, между ними была большая дружба, очень сильная привязанность. Орландо глубоко любил свою «Иоланду», свою обожаемую младшую сестренку. Когда ей было грустно, она звонила ему, для нее он всегда был на месте, всегда был очень нежным. Он не принадлежал к шоу-бизнесу, он работал в Авиационном Клубе на Елисейских Полях. Это младший брат Бруно работал с Далидой в качестве менеджера.

Я никогда не понимала, почему Бруно позаимствовал имя своего брата Орландо! Настоящий Орландо согласился еще при жизни. Несомненно, чтобы доставить ему удовольствие... Зато Далида всегда называла младшего брата настоящим именем: Бруно, как и

наши друзья. Если люди знали Орландо, сейчас похороненного в склепе Далиды рядом с матерью и теткой, они ничего не понимали!

Для них Орландо не был в шоу-бизнесе. Что означает вся эта шумиха вокруг его имени, ведь он был таким скромным человеком!.. Почему Бруно взял имя своего брата Орландо? Почему отказался от настоящего имени, Бруно? Это же красивое имя. Здесь заключена тайна его личности, которую он не хочет открывать.

Как грустно должно быть для вдовы Орландо приходить на могилу мужа – в склеп Далиды – и не видеть имени мужа... Имена мамы Далиды, ее тети, ее старшего брата Орландо, упомянуты очень незаметно, в самом низу скульптуры... Когда Бруно присоединится к ним, какое имя он выберет? Бруно или Орландо?

Далида должна записать одну из важнейших передач за свою карьеру, «Воскресный гость», за целый вечер. У нее три часа, чтобы говорить обо всем, что у нее на душе. Она умоляет моего мужа сопровождать ее, чтобы объявить вслух, перед тысячами телезрителей, что именно доктор Питшаль ее спас. Ги отказался выступать на телевидении, сказав ей, что это нормально, что заботиться о пациентах – долг врача. Но Далида настаивала; она была тем более слаба, что недавно потеряла самого дорогого человека, давшего ей жизнь: свою обожаемую мать. Присутствие Ги было для нее еще более необходимо.

В тот же вечер я организовала большой ужин дома, для всей команды журналистов передачи, участников, ее семьи, Бруно, Розы, всех близких и друзей, потому что Далида не могла сделать это у себя дома. Она, как и Бруно, была в трауре. Я провела этот ужин так, что он не стал поминками. Кроме родственников, никто не знал о несчастье, случившемся с Бруно и его сестрой. И так было лучше, мы избежали смущения, излияний. Дали очень крепко обняла меня, сказав мне со слезами в голосе:

- Спасибо, моя Жакотта, за этот ужин. Моя мать была для меня всем, я не могу поверить, что ее уже нет. Я больше не могу выносить все эти беды, которые на меня сваливаются. Я не знаю, что со мной стало бы без вас. Вы – часть моей семьи. Не покидайте меня...

- Мы слишком любим тебя, чтобы покинуть! Ты можешь на нас рассчитывать, мы всегда будем с тобой. И ты знаешь, что для нас это не пустые слова.

- Я тебя люблю, моя Жакотта. Ты моя сестренка, о которой я всегда мечтала, - сказала она, целуя меня.

Ее щека, мокрая от слез, взволновала меня. Она была трогательной, привлекательной, нежной, очень ласковой со мной. Я всегда хотела доставить ей удовольствие, чувствовать, что с нами она счастлива. Ей нравилась моя беззаботность, заразительная радость жизни. Я развлекала ее. Она вела себя как старшая сестра; она была моей «Иоландой», естественной, романтической, очень скромной. Мы были очень дружны, мы понимали друг друга с одного взгляда.

Мы обе приходим от южных итальянцев по линии бабушек и дедушек. Я родом из Сардинии, со стороны матери; а со стороны отца моими предками были французы из Лиона, аристократы. Эта смесь дает мне непринужденность в общении с людьми из народа и аристократами... Дали родом из Калабрии. Отсюда наш огненный темперамент, у каждой свой.

Далида происходит из Серрастретты, в Калабрии, в Южной Италии. Для жителей этой страны Далида не египтянка, а калабрийка! Когда она приезжает в деревню своих предков, ее встречают как настоящую Святую Далиду! Женщины протягивали ей детей, чтобы она прикоснулась к ним и принесла им счастье. Некоторые мамы называют своих дочерей «Далида»! В соседних деревнях такая же эйфория. Зато образ мыслей там средневековый; они шокированы, увидев, что она носит обтягивающую одежду. В этих деревнях маленькие улочки, дома, говорящие о бедности, напоминают ей квартал Шубры, где она родилась. Для итальянцев она своя. К тому же, хоть она и родилась на берегах Нила, ей все же выдали документ, гарантирующий итальянское гражданство, пусть ее собственный отец родился не в Италии!

У ее дедушки со стороны отца, Джузеппе Джильотти, младшего из пяти братьев, есть только одно стремление: уехать и покорить новый мир, чтобы добыть себе состояние. И эта страна для него – Египет! Мы в 1893 году; ему всего шестнадцать лет, этому маленькому крестьянину, но он полон мечтаний. Почему Египет? Потому что эта страна под английским протекторатом. Это провидение внушило ему такое желание, и он очень храбр для молодого человека своих лет.

Бабушка со стороны матери родом из Пуйе, в Италии. В юности ее соблазнил очень богатый человек, большой враль, певший ей под окнами серенады. Едва узнав, что она ждет ребенка, он трусливо сбегает, несмотря на ее мольбы, и женится по расчету на другой. Сраженная горем, совершенно растерянная, отчаявшаяся, она уезжает из деревни, чтобы скрыть свой позор. Она отправляется в Калабрию, в Серрастретту, чтобы найти младенцу кормилицу. Она очень тяжело работает, чтобы выжить и платить за содержание дочери. Она понимает, что в этой бедной стране они не выберутся из нужды, она и ее ребенок. Поразмыслив как следует, она принимает решение: она уплывает с дочерью в Египет, а точнее в Каир. Позже она вернется, чтобы показать свою дочь этому гнусному типу, который позорно бросил ее ради более богатой. Однажды ее дочь, Джузеппина, станет богатой, знаменитой, и это будет ее месть!

С этим неистовым желанием выжить, одна с ребенком в чужой стране, неграмотная, не зная ни слова по-арабски, она собирается бороться с жизнью. Да, несмотря на все неудачи, преследующие ее, она всеми силами хочет преуспеть. Не эта ли несправедливость судьбы ведет ее, дает ей яростную жажду реванша? Несомненно, именно поэтому она думает лишь об одном: заработать денег, чтобы дать своему ребенку минимум комфорта. Она мужественная и трудолюбивая, ей удастся получить место гувернантки у одного политика: Нахас-Паши, премьер-министра, который осмеливается противоречить королю Фаруку. Скрывая, что она мать-одиночка, она говорит, что отец ее ребенка скончался, чтобы избежать трудностей своего положения... Это пресекает любые разговоры. Елена берет в свои руки домашние дела. Хозяин доволен ее работой, ее умом, серьезностью, преданностью, она постепенно переходит к более почетной роли советчицы! К ее большому сожалению, ее дочь выйдет замуж за артиста, скрипача. Не такими были ее желания, но это выбор Джузеппины... Елена не вернется в Калабрию...

Бабушка Далиды со стороны отца, Роза - артистка, совершенно чокнутая, но очень талантливая. Она любит танцевать, петь, и у нее очень красивый, мелодичный голос. Жажда жить в своей странной вселенной, к несчастью, заставляет ее забывать, что она мать... Отец Далиды будет страдать от этого. Он артист, скрипач, он будет «первой скрипкой карирской Оперы».

Когда разражается война, для него и его семьи все переворачивается. В 1936 году Муссолини ведет в Египте кампанию антибританской пропаганды. Англичане теперь под-

Жаклин Питшиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

держивают «Вафд», буржуазную антинацистскую партию. Тот самый «Вафд», главой которого является Нахас-Паша, хозяин Элены! Египетские итальянцы становятся подозрительными. Итальянские эмигранты не верят, что война может придти в их страну, а Европа так далеко! Война объявлена в Египте в 1940 году, народ ошеломлен. Король Фарук, при поддержке англичан, втянул свою страну. Тоска царит в итальянской общине. Уже давно люди в черных рубашках ездят по деревням и городам, чтобы выслеживать «красных». Маленькая Иоланда чувствует, несмотря на юный возраст, окружающий страх. Англичане начинают задерживать мужчин. Итальянцы боятся, не зная, когда они придут. Чья очередь? Однажды ночью два типа с суровыми и мерзкими физиономиями, в плащах и шляпах, появляются у Джиллотти. Отца, Пьетро, уводят, чтобы интернировать в лагерь в Файеде, в пустыне недалеко от Каира.

По возвращении из лагеря этот человек изменился. Его гордость ранена, когда он увидел, что его семья выжила крайними средствами, огромным трудом его жены, которая проводила большую часть времени за швейной машинкой, до поздней ночи, чтобы прокормить своих детей. Он потерял свое место в каирской Опере, он вынужден соглашаться на случайные заработки, он, великий скрипач! Его характер ожесточается. Он больше не похож на патриарха. Денег мало. Он становится яростным; его крики доносятся за тонкую перегородку комнаты, где маленькая Иоланда прячет лицо под подушку, чтобы не слышать его. Он внушает ей ужас, и она злится на него за то, что он держит в страхе ее братьев и мать. Она не выносит покорности матери. Она возмущена, и восклицает своим детским голосом: «Я на это не пойду, никогда!»

Она слишком мала, чтобы понять, что крики отца – это призыв о помощи, так как он не может дать своей семье самое необходимое. Заключение подточило его сердце и душу; он чувствует себя приниженным в глазах тех, кого любит. Надломленный заботами, тревогой за будущее, страхом перед голодом, он быстро угаснет, пораженный инсультом. Ему едва исполнился сорок один год.

От своих двух бабушек она унаследует лучшее. Далида всегда будет чувствовать себя ближе Элене, которая подаст ей пример строгости, мужества, амбиции, упорства, и большого труда. От Розы она унаследует голос и артистизм. От отца у нее останется огненный темперамент, который поможет ей сражаться с ловушками судьбы.

Удивительно было наблюдать за Дали; у нее было много граней, и она приспосабливалась к любому человеку, как хамелеон. Но, в нашем маленьком замкнутом кругу верных друзей, мы образовали некий клуб взаимопомощи, где Ги был патриархом. Мы были очень дружны, очень сплочены, всегда на месте для каждого из нас, в любом положении. Это было очень сильно, восхитительно. Дали чувствовала себя с нами в безопасности. Она была нашей «Дали», настоящей, безыскусной. Здесь она расцветала во всем своем блеске, в своей новой жизни женщины и своей профессии. Следуя советам Ги, которого она слушалась беспрекословно, она начала менять свой репертуар, чтобы петь песни, отражающие цвет ее души.

На наших вечерах мы больше никогда не видели с Далидой Арно Дежардена. Для Далиды страница была перевернута. «Я выбрала не тот путь», скажет она позже.

Она писала о моем муже:

Жаклин Питишаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

«Он заставил меня узнать, что такое бессознательное. Я многим ему обязана, потому что выбрала путь ложной духовности, которая всего лишь игра бессознательного»

Далида была очень близка с Ги. Она называла его «мой Ги». Их отношения были скорее дружескими, чем профессиональными, и этой позволяло ей видеть нас в интимной обстановке, делить наши вечера, наши выходные, отпуска, наших друзей. Она стала частью нашей семьи. Новогодние праздники мы проводили вместе, дома.

Рождественский вечер был для нас ритуалом. Женщины должны были быть в вечерних платьях, мужчины – очень элегантными. Ровно в полночь мы шли будить мою дочь Виржини, и Далида пела для нее песню «Petit papa Noel», которую подхватывал хор наших друзей. Виржини было три с половиной года; голос Дали будил ее, она открывала сонные глазки. Ее предупредили, что ночью придет Дед Мороз. Далида поднимала ее на руки, покрывая поцелуями, чтобы отнести ее в столовую, где стояла рождественская елка, окруженная подарочными пакетами. Глаза Дали были такими же счастливыми, как глаза моего ребенка. Она обожала мою дочь, которая отвечала ей взаимностью и ценила этот особенный момент. Пока мы обменивались подарками, и каждый восхищался сюрпризами, Дали сидела с Виржини прямо на полу и помогала ей открывать пакеты. Я слышала ее крики радости, ее смех, который смешивался со смехом моей дочери. Конечно, Виржини не хотела возвращаться в кровать. Слепленная, счастливая, она кудахтала от счастья. Это был единственный вечер в году, когда я позволяла ей не спать, пока она не устанет... Видя ее счастье, я была на седьмом небе... Мой муж не одобрял такое отношение, но мне удавалось уговорить его... Это были волшебные минуты для нас и наших друзей. Это был настоящий семейный праздник, который мы с мужем проводили так, что все были довольны. Далида будет с нами каждое Рождество в течение долгих лет.

Далида, удачливая в жизни, хорошая ученица моего мужа, с удивительной быстротой преуспевала в позитиве. Она не была уже грустной молодой женщиной, которую я знала, а женщиной, сияющей радостью жизни. Я обожала, когда у нее было хорошее настроение. Сеансы психотерапии с моим мужем полностью изменили ее; она сияла, лучилась красотой, была счастлива жить рядом с друзьями, которые ценили ее по-настоящему, ради нее самой.

Когда жила она без мужчины, то часто приходила на наши обеды в обществе своей тогдашней большой подруги, которую считала сестрой: Марианны Ланг. Женщина великих достоинств. Настоящая дама! Умная, восхитительная, всегда рядом, чтобы дать ей совет, утешить ее, поддержать, когда дела у Далиды шли плохо. Это была бывшая жена Жана Фридмана, хозяина «Европы 1». Мы знали Фридманов еще до Далиды.

Марианна и Дали расстались из-за Ришара Шамфре (графа де Сен-Жермена). Он вел при ней антисемитские разговоры. Она не могла это терпеть. Я понимаю ее реакцию. Но после этого случая я сказала ей, что Ришар вовсе не был антисемитом, мать его сына была еврейкой! Он сказал это, чтобы позлить ее. Иначе мы бы никогда не согласились принимать его у себя. Мы бы вышвырнули его вон!

Мы часто принимали Дали и Марианну, они были неразлучны. Они присутствовали на наших ужинах, большей частью в компании известных людей: ученых, философов, писателей, докторов, художников, промышленников, министров, послов, патронов прессы, радио, ТВ, и т.д. Это были увлеченные люди, и Далида обожала эту интересную мешанину.

Жаклин Питшалъ
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

Она была очарована интеллектуальным миром, не имевшим отношения к шоу-бизнесу. Она обожала учиться, поглощала книги как лакомка, и зная ее, можно подумать, что она, должно быть, делала заметки, возвращаясь домой...

Печаль, наконец, покинула ее, она была очень счастлива с нами, мы всегда называли ей имена людей, которых приглашали на ужин. Для нее всегда было радостью снова найти знакомых, как, например, Мориса и Женевьеву Сигель, которые знали ее с Люсьеном Мориссом, в самом начале ее карьеры на «Европе 1». Ее поражало впечатляющее количество личностей, приглашенных к нашему столу. Это приводило ее в восторг. С этими людьми она не блистала как певица, никто не расспрашивал ее о карьере, она была нашей подругой «Дали», ее любили ради нее самой, а не за то, что она собой представляла. Эти связи обогащали ее жизнь. Наконец-то! любили Иоланду, и Иоланда сияла на наших вечерах! С нами она оставляла Далиду в гардеробе...

Любовная дружба завязалась между нею и Ги. Я привыкла к его перемещениям, я не грустила. К тому же, разве я не переживала большую любовь со своим мужем? Он изменил мою жизнь. Я была довольной женщиной. Естественно, что в его работе психолога я держалась в стороне, оставаясь бдительной. Женщины, которые слишком приближались к нему, прекрасно знали, что я была пантерой. Дали тоже это знала, и уважала меня, отведя себе роль старшей сестры.

Что меня покоряло в ней, это то, что между нами не было никакого соперничества, ни тени ревности. Мы были, однако, диаметрально противоположны. Она повторяла мне:

- Ты звезда в жизни, моя Жакотта, а я звезда на сцене!

Она, очевидно, намекала на наш успешный брак. В профессиональной жизни ее окружали гомосексуалисты, которых она ценила, но которые не давали ей желанного равновесия. Далида ни с кем не хотела нас делить. Она была очень властной. Мы были для нее, она держала нас в стороне. Она основательно отделила работу от личной жизни. Если она узнавала, что мы знакомы с кем-то из шоу-бизнеса, кино или эстрады, то страдала. Нам приходилось ограждать наш маленький круг от этого человека. Мы разделяли наших друзей, как и она. Так мы никого не раздражали.

Конечно, мы иногда делили круг семьи ее брата Бруно-Орландо, и компанию ее друзей. Воскресные вечера были посвящены им. Была партия в карты, потом все эти близкие люди помогали Далиде готовить ужин со спагетти, куда она включала и большие сложные салаты. Обстановка была безумной, разговоры чаще всего были пропитаны ядом! Это было для смеха, разумеется, но не стоило уходить первым...

Дали очень нежно относилась к Паскалю Севрану. Она высоко ценила его ум, его огромный талант, его язвительный юмор; у него был дар смешить ее. Он был из тех немногих, кого она впустила в наш кружок. А у меня было больше общего с его другом, Паскалем Ориа, великим композитором, который был приветлив со мной. Я любила его красивое лицо, нежное и романтическое. Несмотря на известность, он был очень простым, он не был «важной шишкой»... Как все великие, он умел оставаться скромным.

В Далиде мне нравилась юность ее сердца, которому всегда было восемнадцать лет. Когда она влюблялась, ее глаза блестели как звезды. Однажды вечером она отправилась в Оперу с подругой Анн Беранже. Там состоялся ужин в честь американского баритона Ри-

чарда Стилвелла, высокого, светловолосого, очень красивого мужчины, с восхитительными изумрудно-зелеными глазами. Анн Беранже познакомила их, и Ричард пришел в восторг от Далиды. Она же, глядя на его красоту, его талант, поддавалась его обаянию. Она представила его Ги. Двое мужчин понравились друг другу, и это стало началом новой дружбы.

Снова сердце Дали начало петь... Но красавчик должен был снова уехать; профессиональные обязательства заставляли его путешествовать по миру. Дали, со своей стороны, давала концерты за границей. Он постоянно звонил ей, признаваясь в своей страсти, он посылал ей цветы. Когда она приехала в США по профессиональным делам, то позвонила Ричарду и сообщила, что она здесь. Они встретились в Германии между двумя концертами. Он пригласил ее в ресторан; он был очень смущен. Расстроенный, он, в конце концов признался ей... что женат! К счастью для нее, у нее не было времени привязаться к нему, как она с улыбкой сказала мне, вернувшись.

Она была обезоруживающей, очень привлекательной. Когда она возвращалась из путешествия, то приходила домой, как ребенок, который пришел в гости к родителям. Когда ей нужно было рассказать какие-то секреты, она ехала в офис Ги, чтобы поговорить с ним. Сначала она не могла обходиться без него. Она была как слепой без своей трости, когда отдалялась от него. Он был как ее отец. Она прошла через период рассказов о себе. Ей нужно было говорить, очиститься от тревог.

Она все время говорила о своем отце, который наказывал ее, о своих конфликтных отношениях с ним, со своим младшим братом Бруно или «Орландо». В нашем обществе она могла избавиться от этого страха перед жизнью, мы ее любили, мы ее защищали. Она знала, что мы ценили ее просто так, без всякого расчета. Ги никогда не брал с нее плату за консультации!

Сначала она проходила анализ; потом, так как мы очень быстро стали друзьями, она перешла к психотерапии. Аналитик, если он хочет вылечить свою пациентку, не должен делить ее личную жизнь. Он сказал об этом Далиде, она сделала свой выбор, не желая нас терять. В любом случае, она прошла с ним некоторый курс анализа; психотерапия теперь подходила ей лучше. Она была рада своему выбору, потому что Ги был с ней, когда она хотела. Она сознавала свою удачу, и ее превращение было впечатляющим.

Ги называл ее «мой пылесос»; она записывала его слова в блокнот, чтобы не пропустить ни одного! Я помню, когда она спрашивала, слушает ли он по радио ее интервью, он говорил мне:

- Я только что слушал Дали по радио. Забавно, что она говорит как я... сказала журналистам, что читала Фрейда... Это благодаря ему она поняла, что ошиблась дорогой.

- Когда лечишь людей бесплатно, они редко бывают благодарны. Они почти оказывают тебе честь, приходя к тебе. А если ты устанавливаешь цену, они не только платят за консультации, но и говорят тебе «спасибо».

- Ты, без сомнения, права. Но я счастлив, что проделал эту работу не впустую, она в расцвете своей карьеры. Она очень хорошая ученица, и я горжусь ею.

Я не знаю, почему Ги с такой страстью следил за успехами Далиды, он считал их почти своим личным делом. У него же было столько других знаменитостей, других еще более важных персон, чтобы заниматься ими. Все эти люди были признательны ему и говорили о нем хвалебные речи. Для Далиды Ги был ее сокровищем, как будто он принадле-

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

жал ей. Она совершенно не хотела ни с кем его делить, давать его адрес. Сегодня я понимаю, что наша маленькая группа состояла из друзей, которых мы знали до нее!

Единственное, в чем я могу упрекнуть Дали, так это в излишнем эгоцентризме. Все вертелось вокруг нее. Это, кажется, удел всех звезд. Они слишком боятся, что их любят за то, что они собой представляют, и не умеют ничего давать.

Но Дали очаровывала всех нас своим обаянием. Мы прощали ей маленькие капризы, которые на самом деле немного значили. У нее были другие достоинства, которые внушали любовь нашим друзьям.

Она постоянно, как сестра, приходила искать у меня нежности. Никогда я не видела ее в плохом настроении. Моя дочь, которая была совсем маленькой, помнит ее радость жизни, ее ласку, ее приветливость. «Я помню ее как счастливую женщину», сказала она мне однажды, ужиная со мной.

На Дали ужасно повлияла ее попытка самоубийства. Когда она была с нами, ей порой нужно было поговорить об этом, облегчить тяжесть на сердце. Один образ все время возвращался к ней. Она говорила нам, что ей часто приходилось раздваиваться. Она видела свое неподвижное тело на кровати, а сама парила наверху. Она вспоминала другой образ: длинный туннель. В конце – ослепительный свет. Луиджи и отец пришли ее встретить. Она в малейших подробностях рассказывала нам, как обставила свое самоубийство:

«Я заставила Розы (ее кузину) поверить, что улетаю в Турин. Я ждала добрых полчаса, пока она и ее муж спокойно уедут, думая, что я в самолете. Они настойчиво хотели сопровождать меня, я чувствовала, что они волнуются, особенно Розы, с ее интуицией. Она украдкой смотрела на меня сквозь ресницы, как будто боялась отпустить меня. Я пошла в туалет, повязала на голову платок, надела черные очки, чтобы меня не узнали. Я взяла такси в отель Принц де Голль, на авеню Жорж V. Внизу я назвала свое девичье имя: Иоланда Джильотти. Я полагаю, что они меня узнали, но были очень сдержанны. Я заказала бутылку минеральной воды. Я попросила портье, чтобы меня не беспокоили, ни под каким предлогом. Я повесила табличку «Просьба не беспокоить». Я написала три письма: одно моей матери, другое Люсьену Мориссу, третье моей публике. Я хотела покончить с этим миром страданий. Я была спокойна, снимая макияж. Я приняла ванну, я надела голубой халат. Расчесывая волосы, я удивилась, увидев в зеркале свое лицо, уже безжизненное... Я легла на кровать, посмотрела на часы, еще не было восьми. Я подумала о матери, и тут мое сердце сжалось. Я подумала: Боже мой, если бы она знала, что я здесь, в Париже, собираюсь без сожаления расстаться с жизнью! Но мое горе было таким, что заглушало разум. У меня в голове было только одно – Луиджи. Меня утешала мысль пойти за ним...

Когда я проснулась, то подумала, что еще понедельник. Я увидела перед собой людей в белом и спросила себя, доктора это или ангелы... Я не знала, где я. Еще здесь, или на небесах? Я узнаю, что я до сих пор жива! Это большой шок для меня. Все эти хитрости, чтобы вернуться туда, откуда я начала! Они не захотели взять меня на небо! Я чувствовала себя обманутой, смешной. Ведь я же приняла сильную дозу! Позже я узнала, что когда выпиваешь слишком много таблеток, они не действуют!»

Она показывает шрам на своей лодыжке. Она помнит того чудесного доктора, который лечил ее. Она называет его имя с большой нежностью.

Ей рассказали о горничной, которая сообщила дирекции, что в номере проблема. Но ей ответили, что этот постоялец не хотел, чтобы его беспокоили. Но в 22 часа она берет инициативу на себя. Не слыша через дверь никакого шума и, заметив луч света, который просачивался снизу, она не выдерживает и тихо стучит. Она повторяет стук громче. Снова ничего. Несмотря на надпись «Просьба не беспокоить», она вставляет ключ в скважину. То, что она видит, парализует ее: положив руки на затылок, скрестив ноги, Далида как будто спит. Приблизившись еще, она замечает, что ее лицо слегка посинело... Она видит на столике у изголовья пустые упаковки из-под барбитуратов! Дрожа, она звонит портье. Тот просит ее хранить хладнокровие, не шуметь, чтобы не привлечь внимание постояльцев отеля.

Далида прерывает свой рассказ, чтобы показать нам шрамы:

- Мои лодыжки были соединены, как будто срослись... Мое тело начало...

Дрожь пробегает по ней.

- Перестань, Дали, - говорю я, видя, что она бледнеет. – Ты делаешь себе хуже.

- Нет, не волнуйся, мне лучше говорить об этом... Я очень часто думаю о Луиджи... Он был замечательным мальчиком.

Глядя в прошлое, она вспоминает свой роман с Луиджи. Был назначен ужин для директоров звукозаписывающей фирмы RCA. Они приходят к ней на улицу Оршан представить певца Луиджи Тенко, чтобы она поддержала его на фестивале Сан-Ремо. С первым же пылким взглядом, который бросает на нее красивый брюнет двадцати девяти лет, Далида чувствует, как ее пронзает ток... Весь ужин она взволнована его присутствием, сдержанным, робким. У организаторов фестиваля только одна мысль в голове. Они знают, что Далида осуждает его за алчность, с которой он за один вечер губит карьеру артиста или поднимает его на вершину славы.

Фестиваль Сан-Ремо, который проходит на этом восхитительном курорте итальянской Ривьеры, превращается в гигантскую народную мессу, а телевидение передает ее на всю страну. Это будоражит, и атмосфера напоминает эйфорию Кубка Мира по футболу. Этим сказано все! Но артисты опасаются этого национального фестиваля; им кажется, что их бросают на арену, откуда они выйдут либо растерзанными... либо увенчанными славой.

Далида всегда отказывалась играть в эту жестокую игру. Она приезжала по приглашению, чтобы выбрать песни, которые хотела бы включить в свой репертуар. До сих пор она собирала богатый урожай. Именно так она выбрала песни «Прощай, прощай, малышка», «Как прежде», «Романтика», «В синеве синего неба», «10 000 воздушных шаров»... Ей доставалось лучшее, от худшего она уклонялась. Даже великая итальянская певица Мина сокрушительно провалилась на фестивале. Больше она там не покажется.

Весь ужин разговор вертится вокруг фестиваля. После еды они спускаются в студию на первом этаже, чтобы послушать песню Луиджи: «Прощай, любовь, прощай». Луиджи садится за пианино, чтобы петь. Его красивый голос взывает к Далиде, напомнив ей тембр Тино Росси... Покоренная, она соглашается поддержать молодого человека на фестивале, тем более что организаторы подчеркнули: она одна, с ее талантом и популярностью, может дать шанс Тенко. Они настаивают очень дипломатично, зная, что она против жестокого метода, бросающего артистов на арену с хищниками... Но для молодого человека это идеальный трамплин, чтобы выйти из тени! А Далиде нечего терять, она только поддержит песню, исполнив ее тем же вечером.

В конце концов она, убежденная, и особенно восхищенная молодым человеком, просит время на размышление, потом соглашается. Для нее это лучший предлог снова увидеть этого красивого брюнета и поработать с ним, чтобы подготовиться к конкурсу: «Да, я буду защищать эту песню! Я хочу, чтобы она стала мировым шлягером!», восклицает она с энтузиазмом.

Песня или красивый молодой человек дали ей эту смелость бросить вызов? Со своей обычной интуицией она чувствует, что в ней рождается большая любовь, когда видит его снова. Ее сердце на репетициях загорается все больше, и эта страсть взаимна. Влюбленные скрывают свою идиллию от окружающих, боясь, что будут говорить: она выбрала его песню из любви... Луиджи нужна поддержка, а ей любовь... Она хочет поднять своего любимого на пьедестал, чтобы восхищаться им. Чтобы растрогать ее, он рассказывает ей о своей жизни. Ушедший отец, покинутая мать... Все это волнует ее, она чувствует, что его страдания ей близки. Разве не привлекали ее всегда мужчины, потерявшие отца, как она сама? В любви она была немного Матерью Терезой... Ее привлекают только мужчины, страдающие в душе! Она хочет помогать им, заботиться о них, тогда как она сама нуждается в защите! Но она такая. Луиджи нужно добиться успеха, чтобы утвердиться в жизни. А она на вершине славы, говорит он ей, она может помочь ему взойти по ступеням!.. Далида, безумно влюбленная, старается давать ему лучшее, что у нее есть.

День «Икс» стремительно приближается. Далида изобретает любые предлоги, чтобы оставаться в Италии, рядом с ним, и работать. Ее близких не обманывает ее занятость, но они хранят сдержанность. Вечером перед конкурсом она приезжает в личный номер в отеле «Савой». Луиджи навещает ее тайно; он поселился в комнатке напротив, в пристройке. Паоло Д. и Марио С., которые занимаются ею и Луиджи, наносят ей неожиданный визит в номер. Они находят ее в обществе Луиджи, растянувшегося на кровати с мрачной миной... Далида, напротив, светится радостью, когда объявляет им:

- Решено! Мы женимся в апреле!
Все четверо выпивают шампанское.

В вечер фестиваля Луиджи вступил в перепалку с одним певцом, бросившим ему:

- Тебе легко добиться успеха! Ведь твою песню поет Далида!

Настала его очередь. Он не в силах подавить страх, его голос звучит приглушенно, почти неслышно. Далида дрожит от волнения. Что с ним случилось?

Она не узнает его тембр. Покидая сцену, он бормочет: «Для меня все кончено». Немного позже Далида поет его песню. Ей устраивают настоящую овацию. Луиджи думает, что это песня имеет успех; он еще надеется, что жюри ее выберет. Всеми силами он верит, что Далида проведет песню в финал. Увы, песня проиграла. Он узнает, что из 900 голосов набрал только 38... Он кричит: «Мне никогда не везло!» Он оскорбляет жюри. Далиде трудно его успокоить, тем более что он недурно наглотался виски!

Каждая компания звукозаписи устроила ужин, закрывая вечер. Луиджи отказывается идти туда. Он хочет лечь спать. Далида садится в автомобиль Луиджи. Бруно и Роза уезжают тоже. Застыв, они видят, что Луиджи рванул с места как вихрь. Они боятся худшего. Бруно нападает на директоров RCA: они вовлекли его сестру в это дело. Но он успокаивается, когда входит в ресторан «Ностромо»: Далида уже там, очень спокойная, она его ждет.

Она печальна, они спорили с Луиджи, и он в жутком состоянии. Она поедет к нему после ужина. Он успокоится. Она должна присутствовать на ужине из вежливости, но не может проглотить ни куска; у нее ком в горле. Тогда она просит позвонить в отель «Савой», чтобы узнать, вернулся ли Луиджи. Ведь он был в таком состоянии, что она боялась аварии. Ее уверяют, что да. Не хочет ли она поговорить с ним? Нет, пусть лучше он успокоится и отдохнет после всех волнений. Но она не может больше, она слишком подавлена. Она была шокирована, когда у ресторана он грубо вытолкнул ее из машины. Он вел себя ненормально, он слишком много выпил.

Двое друзей отвозят ее в отель. Пока они паркуются, Далида берет у портье ключ от номера. Она как будто идет к себе в комнату, но проходит к Луиджи через потайной выход. Паоло и Марио следуют за ней.

Она подходит к комнате 219, номеру своего любимого, и видит ключ в дверях. Она входит. Луиджи лежит прямо на полу, на животе. Она думает, что он пьян, или, может быть, ему плохо. Она идет к нему, зовет его. Но никакого ответа. Она встает рядом с ним на колени и, нежным жестом, берет его голову в руки, прижимает к груди. Вдруг она с ужасом видит, как ее белая блузка становится красной. Она испускает вопль. Ее руки в крови. Марио и Паоло, привлеченные этими криками раненого животного, стремительно вбегают в комнату. «Скорее, скорее! Врача! Луиджи ранен!» Но они быстро понимают, что Луиджи мертв. Он пустил себе пулю в висок. Далида кричит, держа окровавленную голову в руках...

Никто рядом с комнатой не услышал выстрела. «Компаньон де ла Шансон», поселившиеся по соседству, репетировали. Должно быть, это приглушило шум выстрела.

Я понимаю, что Далида в тот момент потеряла желание жить и петь. Для нее было ужасно пережить такую драму: держать в своих руках безжизненную, окровавленную голову человека, которого она любила больше всех. Это выше человеческих сил. Я поняла тогда, как она страдает, как ранима в жизни.

Когда она закончила рассказ, я дрожала. Я не могла говорить. Я любила ее, восхищалась ею еще больше. Какой головокружительный путь подарила ей жизнь! Какие испытания заставила пережить! Я уважаю ее силу и мужество. Бывают люди, которые ноют от любой болячки; но она, с высоко поднятой головой, достойная в своей красоте, с хрупким силуэтом и разбитым сердцем, она боролась со своей кармой, предначертанной небом.

Я думала, что профессия Ги, возможно, увлекательна, но выслушивать весь день несчастья людей должно быть утомительно. Люди, приходившие на консультацию, должно быть, забирали у него всю энергию, выплескивая на него свои проблемы.

Но его ремесло доктора тела и души была его Вселенной, он был счастливейшим из людей. Работу он любил больше всего на свете, больше самого себя, больше, чем меня и свою дочь! По вечерам перед ужином он уходил в комнату и ложился на несколько минут, чтобы восстановить силы. Когда ему было четыре года, он сказал матери: «Я хочу быть доктором!» Он осуществил свою мечту.

Все время, пока Дали жила без мужчины, она делила нашу семейную жизнь, наши выходы, наши отпуска, наших знакомых, наших друзей. Она бережно выбирала себе друзей, тех, кого она достаточно ценила, чтобы разделить нашу дружбу. Так мне выпало сча-

Жаклин Питшиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

стье узнать, каковы в узком кругу восхитительные люди, бывшие частью нашей «счастливой жизни» в течение долгих лет.

Увы, многие уже на небесах. Другие, слава Богу, еще живы! Среди тех, кто ушел, были дорогие ей люди, те, к кому она особенно привязалась, и кого я тоже глубоко любила, потому что они дали мне много любви и теплоты: Боб Оттовик, телепродюсер, и Жан-Поль Тузен, дантист. Увы, их больше нет с нами! Я оглянусь и на других, деливших с нами те прекраснейшие годы; их присутствие украшало наш тесный кружок большой дружбы, ведь это были исключительные люди.

Ги и Далида были крайне избирательны. Она испытывала большую нежность к Максу Гуадзини, который начал карьеру рядом с ней. Я хорошо помню, как он начинал. Это был высокий, очень красивый молодой человек, очень сдержанный (он и сейчас очень красив!) Он подходил обнять нас, когда мы встречались в ресторане. Дали смущала его. Позже, благодаря вмешательству Дали в дела правительства, радио NRG, которым он руководил, выплывет! И, конечно, был Грациано, которого она любила как брата, и который отвечал ей взаимностью.

На улице Лепик, как раз напротив ее дома, был ресторан под названием «У Грациано». Я всегда очень растрогана, когда думаю об этом человеке. Я храню о нем неизгладимое воспоминание. Он согревал мое сердце своей любезностью, все те счастливые годы с Далидой и моим мужем. Он любил Далиду как сестру. Его любовь не была притворной, основанной на расчете; Дали это знала. Вот почему она была очень близка с ним. Грациано был тем братом, которого хотелось бы иметь. К тому же Далида и считала его именно таким. Он обладал человеческой теплотой, он был хрупким и с очень щедрой душой. Всегда улыбающийся, приветливый, полный юмора, совершенно бескорыстный, он позволял себе роскошь любить людей ради них самих. Я люблю людей, настоящих людей, и я особенно привязалась к нему, как и Дали.

Мы постоянно ужинали в его ресторане, где собирались все знаменитости. Это была роскошная столовая для звезд! Я встречала Аджани, очень молодую и застенчивую. Я помню ее чудесные улыбки, обращенные ко мне. У Грациано был дар создавать для нас очень теплую атмосферу. Настоящий волшебник, он придумал очень красивый декор, состоящий из темной обшивки, зеркал и красного бархата. На стенах висели фотографии «его Далиды». Столики были очень изысканными, покрытые кружевными скатертями, с подсвечниками и серебряными приборами. Из ресторана открывался вид на романтический сад... А его кухня, это был пир! Это место соответствовало его характеру. Здесь всегда был полный зал, но для друзей всегда находился свободный столик.

С тех пор, как ушли два моих самых любимых человека, я больше не возвращалась к Грациано. И с тех пор ресторана «У Грациано» больше нет. Грациано был для меня отражением моих прекрасных лет с Дали. Я на всю жизнь сохраню в своем сердце место для этого чудесного человека.

Обычно каждые выходные мы ездили в Довиль, когда не было сезона, и останавливались в «Клубе 13», отеле Клода Лелуша. Здание, которое по своему замыслу не походило ни на одно другое. Клод Лелуш создал роскошный дом, в котором чувствовалась магия архитектора. Каждый номер был двойным; высококачественная отделка была из светлого дерева. Номера походили на небольшие частные апартаменты. На первом этаже находилась маленькая гостиная с камином; комнаты были наверху. В ванных комнатах, отделан-

ных мрамором – множество приятных мелочей для постояльца: флакон дорогих духов, крем для кожи, и т.д.

Местечко было гостеприимным; многие знаменитости приезжали сюда отдохнуть инкогнито. Все было продумано, чтобы гости хорошо себя чувствовали. Конечно, был и красивый бассейн, и теннисный корт. В округе была возможность заняться гольфом, поло, верховой ездой, и т.д. Но самым необыкновенным был роскошный личный кинотеатр Клода, где он показывал нам фильмы до их премьеры. Это было божественно, фантастично. Кухня его ресторана была очень хороша. Так хороша, что поскольку нас так лелеяли, у нас не было никакого желания выходить в город!

Клод был здесь, наблюдая за нашими удобствами, и нам казалось, что мы у него в гостях, потому что место ничуть не походило на отель; это был большой дом, полный друзей, знавших друг друга, или начавших испытывать друг к другу симпатию, благодаря любезности Мартины Лелуш, его сестры, у которой был талант заставить людей общаться!

Мы постоянно отвозили сюда Дали, когда она не была на гастролях. Она обожала это место, где она восстанавливалась и прекрасно себя чувствовала. Она всегда находила своих друзей по эстраде, кино, телевидению. И потом, между Клодом Лелушем и ею была большая привязанность. Они ценили очень друг друга, их симпатия была взаимной.

Когда мы возвращались в Париж в воскресенье вечером, так как консультации Ги начинались в понедельник рано утром, мы были пьяны от свежего деревенского воздуха, восхитительных моментов, проведенных вместе. Далида засыпала от здоровой усталости, доверчиво кладя голову мне на плечо всю дорогу... Я чувствовала тогда ее хрупкость, насколько она была одинока и как нуждалась, чтобы о ней заботились. Вот почему я так сильно ее любила.

Клод Лелуш – человек чувств, который никого не может оставить равнодушным. Неординарная личность, не только из-за таланта, но и из-за своей харизмы, жизнерадостности. Когда он появлялся, казалось, что вокруг него все искрится, как хорошее шампанское. Я очень люблю Клода Лелуша. Он восхитителен, внимателен со мной.

Я вспоминаю, как мы провели у него Рождество вместе с Дали. Мы подарили моей дочери щенка, йоркширского терьера, и Клод организовал все как спектакль. Мартина Лелуш и я спрятали щенка, названного «Джой», в коробке с красной лентой. Несмотря на три дырки, бедное животное скулило от страха. Клод вышел на сцену и от имени деда Мороза подарил сверток моей дочери, предложив ей открыть его перед всеми. Когда появился черный комочек, счастливый, что его выпустили из тюрьмы, то он начал кружиться вокруг себя, под радостные крики моей Виржини. Люди аплодировали под растроганными взглядами Дали, моего мужа, меня, и всех гостей. Клод Лелуш, как ребенок, был счастлив видеть лицо Виржини, восхищенной сбывшейся мечтой.

Я не хотела держать дома собаку, но так как моя дочь настаивала, я сказала ей: «Если ты будешь лучше всех в классе, то получишь собаку». Моя дочь стала первой, но я не уступала, говоря, что это случайность. После трех раз мне пришлось исполнить обещание! Отсюда ее волнение и радостные крики!

В 1973 году Далида познакомилась с Паскалем Севраном, поэтом-песенником, и его другом Паскалем Ориа, композитором. Она пригласила нас на ужин и представила обоих.

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

Они были молоды, красивы, с очень романтической внешностью. Тогда в моде были длинные волосы у парней. Смущенные Дивой, они были очень немногословны. Но когда после еды Дали предложила нам пройти в ее студию записи, которую она оборудовала для работы, двое молодых людей разговорились.

Паскаль Ориа сел за пианино; он перебрал несколько нот. Паскаль Севран, облокотившись об инструмент, напевал песню «Ему исполнилось восемнадцать лет» своим пылким и мелодичным голосом. Дали повернулась к нам, очень воодушевленная, и спросила нас:

- Что вы об этом думаете?
- Очень, очень красивая песня! – похвалил Ги. – Она создана для тебя!
- Мне так нравится! – воскликнула я. – Слова, музыка. Мелодия прекрасна, трогательна. Поздравляю!

Двое молодых людей были счастливы видеть нашу реакцию. Их глаза блестели, они рассказывали, объясняли, что не решались предложить ей эту песню, боясь оскорбить ее.

- Но это же прекрасная история! Какая тридцатишестилетняя женщина не мечтала о таком приключении!

И недаром! Она пережила его в 34 года, с Лючио Дж., красивым двадцатидвухлетним итальянцем из скромной семьи, которого она встретила в Риме на съемках «Партиссимы». Он присутствовал на записи этой передачи в «Театре Виттри», римском «SFP».

Это интеллеktуал, он вовсе не интересуется популярными песнями, он играет роль статиста, чтобы подзаработать денег.

Лючио поэт, он пишет фантастические истории, рассказы. Он интересуется видениями Лотреамона. Они на одной волне! Как и она, он склонен к мистицизму. Он говорит, она восхищенно слушает. Лючио становится тенью Дивы. Тайная идиллия с этим красивым молодым человеком, совершенно неизвестным, дает ей новую юность. Он безумно влюблен в Иоланду. Как только расписание позволяет ей, она исчезает в Рим, чтобы видеться с ним. Но Лючио чувствует себя обиженным ее отсутствием, он страдает, он хотел бы, чтобы она была рядом всегда.

Рождественским вечером 1967 года, когда вся семья Джильотти собирается вокруг елки, которую Дали любовно нарядила в честь своего племянника и крестника, маленького Луиджи, в дверь звонят. Удивленная Далида говорит слугам:

- Я никого не жду!

Метрдотель возвращается, сообщает, что с ней хочет поговорить молодой человек по имени Лючио. Семья раздосадована этим вторжением. Но мама Дали разряжает атмосферу, предложив Лючио остаться и провести праздничный вечер с ними. Он признается, что приехал из Италии автостопом! Он в джинсах, с рюкзаком на спине, оцепеневший от холода, и Дали он кажется трогательным.

Но Бруно не слушает его. В ярости от этого вторжения в семью, он устраивает Дали сцену и уходит продолжать вечер к друзьям. Дали, растерянная таким отношением, идет перед сном поплакать в объятиях матери, чтобы утешиться. На другой день Лючио уезжает обратно к себе, с печалью в сердце. Он понял, что Дали была для него миражем. Сразу после его отъезда Дали узнает, что она беременна. Она не сохранила этого ребенка, при-

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

знается она нам. Лючио был слишком юным, незрелым; она не хотела ломать его молодость. Он так и не узнал правду. Она часто рассказывала нам эту историю о потерянном ребенке, со слезами в голосе...

Было удивительно видеть, как преображается наш друг Далида с течением месяцев. Она была как красивый цветок в полном расцвете. У нее была двойная натура. С нами она была самой собой, без притворства. Она обладала красотой полевого цветка. Возможно, потому, что она была не на выступлении, и потому, что с нами ей было хорошо. Она призналась нам, что с тех пор, как стала частью нашей «семьи», ей больше нечего желать, она чувствует, что ее защищает магический круг. Она понимала, что берет от нас все, и у нее ничего не просят взамен. Мы с мужем могли позволить себе роскошь любить близких просто так, без всякой корысти. Вот почему мы были очень избирательны. Но наша сердечная семья была из алмаза: мы были сплочены. Наш девиз: давать любовь, и делать наших друзей счастливыми.

Когда мы ходили ужинать «К Ивонне» с группой наших приятелей, в совершенно старомодное местечко, вне времени, спрятанное в деревне в окрестностях Сан-Тропе, это каждый раз был поход, потому что нам приходилось пробираться по ухабистым, очень извилистым дорогам. Машине, качающейся во все стороны, трудно было преодолеть все неровности почвы. Каждый раз мы терялись и оказывались посреди виноградников!

Хозяева этого поэтического места: замечательная пожилая пара. Ивонна прислуживала, ее муж готовил блюда. Посуду они мыли вместе... Там не было меню, только блюдо дня! Так как столиков было мало, надо было заказывать места заранее. Немногие знали это место, молва о нем передавалась только устно.

Мы встречали Роми Шнайдер, ужинавшую с Клодом Соте, и других знаменитостей, которые приезжали «К Ивонне», чтобы уйти от толпы Сан-Тропе, и обрести в этом месте человеческую теплоту, настоящие местные ценности. Лично мне этот адрес дал мой парикмахер, Ив Кампаниль, который работал тогда «У Жака Дессанжа». Это было местное дитя! Уроженец Коголена, он хорошо знал эту пару, как и все чудесные местечки, незнакомые туристам.

Ивонна, как дома, запросто ставила нам на стол все закуски! Мы это обожали. Далида лакомилась. Она хрустела молодым луком, макая его в творог. Мы смотрели на нее и подругески подкалывали ее, говоря, что это несъедобно. Но она смеялась и говорила, что когда мы будем возвращаться, в автомобиле, она накинет на рот платок, чтобы мы не чувствовали запах лука... Во всяком случае, сейчас у нее нет мужчины, напоминала она. Итак, приятели, если хотите составить ей компанию, ешьте тоже лук!

Атмосфера была добропорядочной, беззаботной, и наш безумный смех, наше прекрасное настроение были заразительны.

Когда я смотрю на фотографии того времени, я вижу ее сияющее лицо. Нет ни одного фото Дали с нами, где бы она не улыбалась. На всех фотографиях, которые у меня остались от нее, она счастливая, цветущая.

Кроме одного-единственного, последнего нашего фото, который Ги сделал незадолго до того, как она окончательно покинула жизнь! Ее лицо отмечено меланхолией. Да, последнее фото, которое помещено на обложку этой книги!

Это неслучайный мой поступок: я нашла это фото в тот самый день, когда решила написать книгу в память о своих двух любимых людях. Может быть, это был ее знак? Я верующая, я думаю, что над нами, на небесах, что-то есть.

Это безумие, но вспоминая все истории, пережитые с ней, я постоянно чувствую рядом ее присутствие, как будто она воскрешает наши воспоминания и ведет меня за руку. Я никогда не писала книгу с такой удивительной скоростью. Я изумленно замечаю, что пишу до четырех часов утра без малейшей усталости, как будто раздвоилась, отделилась от тела! Я снова обретаю моих любимых умерших. Я их вижу, как будто они передо мной, я их даже слышу... Это очень странное, угнетающее ощущение – рыться в памяти, чтобы оживить воспоминания тридцатилетней давности разрывающие мне душу!

Однажды она пригласила нас на ужин. Она хотела представить Ги нового поклонника, чтобы узнать его мнение. Мы пришли на улицу Оршан. Далида была одна. Она желала поговорить с нами, пока не явился ухажер. Немного позже прогремело прибытие Ришара, «графа де Сен-Жермена». Этот человек был удивительным, и он это знал. Его безумные разговоры сразу завладели обстановкой. Дали в тот вечер была ослепительно красива. Ее лицо сияло светом влюбленной женщины, а ее глаза горели как звезды.

За ужином Ришар не прекращал задавать Ги вопросы. Тот вежливо отвечал. Должно быть, Дали говорила о Ги в очень хвалебном тоне, потому что Ришар пытался ему противоречить. Атмосфера накалялась. Я ожидала худшего. За десертом Ришар, неизвестно почему, набросился на моего мужа, сказав, что тот ему неприятен, что он хочет набить ему физиономию! Мы с Дали окаменели.

Ответ моего мужа не заставил себя ждать. Побледнев, сжав челюсти и кулаки, он испепелил его взглядом и бросил такую яростную реплику, что я увидела, как Ришар изменился в лице. Я уже не помню, что именно он сказал, но приблизительно вот это:

- Из уважения к моему другу Далиде я не дам вам сейчас кулаком по лицу, но еще одно слово, и я вышиблю ваши птичьи мозги.

У нас с Дали исказились лица, мы переживали кошмар. Напряжение достигло предела. Неужели разразится гроза?

- Простите меня, доктор, - сказал он виновато. – Я вас испытывал. Я вижу, что вы настоящий мужчина! Дали не лгала мне.

Мы ожидали чего угодно, только не такой реакции. Ги, врач, психиатр, чувствовал воинственную личность, легко выходящую из себя. Лед был сломан, и в итоге мы провели прекрасный вечер. С той минуты Ришар обожал Ги. Мачо превратился в маленького мальчика. Он нашел трюк, чтобы покорить его: он его смешил. «Лучше психи, чем дураки», говорил Ги.

Дали была счастлива. Ришар был ей другом, любовником, секретарем, шофером, ребенком. Этот вечный мальчишка показывал себя во всех красках. Она была безумно влюблена, она прощала ему все, находя предлоги, чтобы затушевать его глупости. Один Бог знает, сколько он их нагромоздил! Он без конца дразнил людей, в том числе важных лиц. Он был способен испортить официальный обед расистскими разговорами, хотя и не был расистом, или просто выставить гостей за дверь.

Где-то он завидовал успеху Далиды. Он тоже хотел преуспеть, в песне, в кино. Ему надоело быть Месье Далида. Чтобы жить, он выдумал себе маску «графа де Сен-Жермена». И он рассказывал, с большой театральностью, что ему двести лет, что он – новое воплощение графа де Сен-Жермена, авантюриста из XVIII века, и предполагаемого сына королевы Испании, Марии-Анны Неубургской. Он говорил, что он алхимик и владеет секретом философского камня, превращающего свинец в золото. Чтобы подразнить меня, он назвал меня «мадам Помпадур».

Его краснобайство забавляло Ги, потому что с Ги он не играл комедию, это был «отец», которого боятся и уважают. Ги считал его немного «паяцем». Ришар об этом знал и ничуть не смущался, скорее наоборот. Я думаю, он был бы разочарован, если бы Ги стал читать нравоучения. Иногда, на наших домашних вечерах, он устраивал спектакль. Тогда Ришар был счастлив оказаться в центре внимания среди наших гостей!

Однажды вечером мы пригласили на ужин одного друга, ювелира. Чтобы поймать Ришара в ловушку, мы скрыли от него профессию нашего друга. Ришар гордо вошел со своей черной кожаной шкатулкой около 50 см, полной флакончиков.

После ужина Ришар начинает свое «шоу». Он обращается ко мне:

- Найди железную проволочку, отметь ее, чтобы показать, что она действительно твоя, и что я не жульничаю.

Я вытаскиваю одну шпильку из своего шиньона, я делаю пометку. Я протягиваю шпильку ему.

- Нет, нет, не показывай ее мне. Ты сама опустишь эту шпильку в тигель. Я ни к чему не прикоснусь, я посмотрю на тебя. Потом ты включишь нагреватель.

Я подчиняюсь. Он подает мне толстый пинцет:

- Достань свою шпильку из тигля, и положи в воду! Потом вытащишь ее.

Чудо! В самом деле, моя шпилька превратилась в золото!

Наш друг ювелир признает очевидное! Я иду в кухню и приношу кастрюлю, чтобы он ее тоже превратил в золото. Он не делает этого, но все смеются.

Ришар любил быть сценическим героем. Он был удивительным, непредсказуемым, его трудно было остановить, так как он получал особенное наслаждение, провоцируя кучу неприятностей. Если он не был в центре внимания за ужином, то мог испортить всю обстановку, осыпая гостей сарказмами. Если Ги был поблизости, то контролировал его, но как только Ги отворачивался, как Ришар кидался на гостей с поразительной наглостью!

Во время одного светского ужина, сидя слева от одной дамы, чьего имени я не могу назвать, он наклонился к ней и галантным тоном спросил:

- Чем вы надушились?

Польщенная дама сообщила ему, чем. И вот раздался звон:

- От вас воняет, мадам!

Я была рядом с Ришаром и подумала, что упаду в обморок от стыда. Бедная женщина чуть не задохнулась. Я была не единственной, кто это услышал. Он получал злое удовольствие, повышая тон, чтобы и другие гости поучаствовали в его корриде. Мне удалось вмешаться, чтобы разрядить атмосферу. Я хорошо знала эту супругу одного магната прессы.

- Не обращайтесь на него внимания, мне он уже сказал дерзость. Это его особенность, которую я нахожу лишней вкуса и неуместной.

Я повернулась к Ришару, испепеляя его взглядом, и пнула его под столом. Он тут же извинился, признав, что пошутил, что на самом деле он обожает этот аромат.

От такой грубой шутки за столом возник холодок. Ришар просто-напросто хотел все испортить. Он был счастлив только с близкими, или наедине с ней.

Я помню другой ужин, который Дали организовала для моего мужа. Подбор гостей был очень тщательный, она любила окружать себя людьми из высшего круга. Ришар дулся, потому что такие люди нагоняли на него сон. Весь вечер я наблюдала за ним, он нервничал. Уставившись в пустоту, он ерзал на своем кресле. С минуты на минуту я ждала, что же он сделает, чтобы развеяться.

Началась научная дискуссия. Тот, кто взял слово, рассуждал вовсю, позволяя себе повышать голос, чтобы подкрепить свои доводы. Тогда-то и вмешался мой муж, чтобы высказать противоположную точку зрения. Разговор оживился, и одна подруга Далиды, Анн Беранже, высказалась в пользу того человека, ее знакомого. Ришар мгновенно вскочил, схватил Анн за плечо и дал ей пощечину с криком:

- Идиотка, не смей спорить с моим другом Ги! Слышишь?

Дали накинулась на него, обзывая его психом. Она осыпала его тумаками, от которых Ришар еле-еле уворачивался. Гости пытались разнять их, голоса звучали все громче. Анн плакала. Я, застыв от изумления на своем канapé, разинув рот, смотрела удивительный спектакль, разворачивающийся у меня перед глазами. Я была поражена, я была зла на Ришара, испортившего ужин, который Дали любовно готовила.

Ги решительно вмешался, чтобы повлиять на Ришара; он единственный мог его успокоить. После того, как ураган стих, Анн в слезах спряталась в объятиях моего мужа. Гости немедленно откланялись. Мы остались с Дали и Ришаром. Ги очень рассердился на него; его вывело из себя, что Ришар посмел поднять руку на женщину. Ришар заслужил хорошую порцию суровых упреков. Плачущая Дали была подавлена. А он без конца повторял:

- Я не допущу, чтобы всякие дураки спорили с моим другом Ги.

Любой предлог годился для него, чтобы устроить скандал! Неужели любовь настолько ослепляет, настолько, что можно стерпеть даже помешательство любимого человека?

Что за вечер! Ришар тогда зашел слишком далеко в своем безрассудстве. Анн пожаловалась на него. Ее глаз, окруженный синяками, стоил ей перерыва в работе, потому что в тот момент она вела передачу на телевидении. Дали рассыпалась перед ней в извинениях.

Эта драма была не единственной. Она безумно любила Ришара, и любовь перевешивала дружбу. Нужно было выбирать между ним и приятелями. Любовь всегда побеждает разум.

Далида не скрывала страсти, которую испытывала к моему мужу. Однажды вечером, когда мы давали ужин в нашей квартире на авеню Клебер, дом 89, Далида, к моему большому удивлению, очень смело повела себя с ним. За столом сидело около двенадцати человек, она была справа от него. Очень кокетливо, забыв о присутствии моем и Ришара, она принялась делать ему громкие любовные признания. Она сказала, что он мужчина ее жизни и откровенно напомнила ему их общие воспоминания.

- Ты помнишь, мой Ги, как ты повез меня на мотоцикле, чтобы избежать пробок в Сан-Тропе? Я прижималась к тебе, я боялась машин, которые проезжали рядом с нами...

Она с удовольствием стала рассказывать истории, которые они вместе пережили в Сан-Тропе. Мы пригласили ее туда несколько лет назад, после разрыва с Арно, чтобы она провела несколько свободных дней в домике, который мы снимали у подруги Анни С., рядом с Пинедским пляжем. Виржини было тогда два года, и мне было удобно водить ее на пляж, располагавшийся в стар метрах от этого восхитительного домика. Далида разделила наш семейный круг. Жюльетт С., подруга из Сан-Тропе, одолжила нам для нее канопе. Действительно, она всегда делила с нами отпуск. Мы плавали на лодке, совершали прогулки. По вечерам мы ходили ужинать на площадь Лис, «к Иветт Бен», где встречались все знаменитости. Дали обнимала своих друзей, их было много на полуострове: Эдди Барклай, Саша Дистель, и многие другие.

Позже мы остановились в отеле Пинед. Дали навещала нас там, и все друзья приходили тоже. Действительно, она была очень близка к нам. Отсюда воспоминания, приходившие ей на память. Если бы в то время между ними что-то произошло, она вела бы себя совсем по-другому! Она была слишком умна, чтобы при свидетелях будить у меня подозрения. Она рисковала бы навсегда потерять мою дружбу, я бы закрыла перед ней дверь. К тому же, в присутствии Ришара!

Я внутренне кипела, слушая ее, я была поражена! Я была как вулкан, готовый вспыхнуть ярким пламенем. Я держала себя в руках; я была хозяйкой дома, и должна была уважать своих гостей. Но нельзя же терпеть их нападения! Я ждала подходящего момента, чтобы отреагировать.

Ришар, сидевший слева от меня, прямо напротив них, побледнел. Было от чего! Однако меня удивило его спокойствие. На него похоже было бы подняться из-за стола, ответить ему две оплеухи, схватить ее за руку и наорать на нее, увлекая к выходу. Но Ришар окаменел на своем стуле, как оглушенный.

Наши гости были ужасно смущены. Далида, ничего не замечая, продолжала свои пламенные речи. Я ошеломленно слушала ее, находя ее дерзость несколько неуместной. Я знала, что мой муж пользовался большим успехом у женщин. Он даже получал любовные письма, которые я перехватывала. Я читала их, снова запечатывала и с ироническим видом передавала мужу. Мой муж не был дураком, он прекрасно знал, что мне известно содержание. Ни разу я не устроила ему из-за этого сцену, чтобы не выставить себя на посмешище. Мое оружие? Ирония и безразличие. Конечно, я выжидала некоторое время, прежде чем сделать неприятное разоблачение, обезглавить свою жертву. Это всегда было хорошо рассчитано, чаще всего происходило на публике.

Но ни одна не осмеливалась вести себя так беззастенчиво, напротив меня, насмехаясь надо мной так, что забыла о моем присутствии!

Мой муж, смущенный, но польщенный, глупо улыбался. Он все же решил добавить:

- Но ты забываешь, что я женат на Жаклин!

Положение звезды давало прекрасной Далиде право играть в роковую женщину, открыться признаваться в своих чувствах, настолько, что она подкрепляла свои слова, прижимаясь к нему. Но ведь я же сидела напротив нее. Ей казалось, что я невидимка! Это было так вопиюще, это совсем не было на нее похоже.

Я разозлилась на моего мужа, потому что он ничего не сделал, чтобы поставить Далиду на место, хотя бы ради наших гостей. Попав в ловушку соблазна, месье парил в облаках! Однако он-то знал, какая пантера дремала во мне. Я была очень любезной, учливой, скромной, но меня ни в ком случае нельзя было злить. Я была непредсказуемой и могла взорваться, как бомба. Вообще, я никогда не отпускаю свою жертву, я умею попадать в цель. Мой девиз: я нападаю только тогда, когда нападают на меня. Так как люди не ожидают этого, эффект еще сильнее.

Пораженный Ришар наклонился ко мне и сказал:

- Мы с тобой выглядим как два идиота! Она сумасшедшая, что это на нее нашло? Она хочет заставить меня ревновать? Нам нужно что-то сделать! Я отвечу тем же, и буду ухаживать за тобой.

- Нет, подожди, не будем выставлять себя на посмешище. Я угощу их десертом! Доверься мне.

Ришар знал, что я не шучу. Мой тон был ледяным, мои глаза метали молнии, но он не решался вмешаться, потому что боялся Ги. Я же не боялась никого, но не хотела скандала у себя дома, и тем более не хотела унижаться, устроив сцену ревности. Я осторожно смотрела на тарелки гостей. Они закончили десерт, и мы собрались встать из-за стола, чтобы пойти в гостиную пить кофе. Я поймала нужный момент, чтобы вмешаться. Далида была напротив меня: я посмотрела ей прямо в глаза и бросила насмешливым, но решительным тоном:

- Знаешь, Дали, я внимательно слушаю, как с самого начала ужина ты делаешь Ги признания, и не прерываю твои пылкие речи: это чтобы не портить прием. Я понимаю, что ты к нему чувствуешь, потому что я сама поддалась его шарму, и до сих пор безумно влюблена в него. Если бы другая женщина, кроме тебя, повела бы себя так... все содержимое скатерти тут же оказалось бы у тебя на голове! Но к тебе, не знаю почему, я совсем не ревную. Может быть, потому, что это осталось бы в семье...

- Тебе было бы все равно, если бы Ги изменил тебе со мной? – удивленно сказала она.

- Все равно! Абсолютно все равно!

- А почему?

- Не знаю, - сказала я презрительно, с широкой улыбкой. – Я уже сказала тебе, это осталось бы между нами!

Ну вот! Уф! Я почувствовала облегчение. Ги поднялся, избегая моего взгляда. Он пригласил наших друзей пройти в гостиную. Они были в замешательстве, особенно женщины. Моя молодость, моя красота, моя непосредственность придали мне смелости преподать королевский урок Диве, сгорающей от стыда.

Я направлялась к кухне, когда Дали нагнала меня в прилегающем коридоре. Она загородила мне путь и сказала:

- Почему ты не ревновала бы ко мне? Почему? Потому что я старше тебя?

- Нет, вовсе нет. Дело не в возрасте. Я не знаю, почему. К тебе – совсем не ревновала бы! Повторяю тебе, уж лучше это будешь ты, чем другая, - сказала я медовым голосом, с лукавой усмешкой.

Она осталась с пораженным видом, прислонившись к стене. Только что я показала ей свое истинное лицо.

Мой муж ни слова не сказал мне об этой неприятности. Ришар, перед тем как уйти от нас, шепнул мне на ухо:

- Ты была гениальна! Ты дала ей хороший урок!

Может быть, она выпила слишком много вина в тот вечер? У нее ведь не было привычки пить. У моего мужа был прекрасный погреб хмельных вин. Должно быть, подали вино «гитар», от которого теряешь голову...

С того дня Дали смотрела на меня по-другому, с большим уважением. Больше никогда в наших отношениях не было ни малейшей трещины. Я так терялась рядом с личностью моего мужа! Я была: «будь добра, помолчи!» Но люди высокого интеллектуального уровня знали, кем я была. Мой муж никогда не женился бы на дуре! Я была великолепной хозяйкой дома, мой муж обожал принимать гостей, и, несмотря на непрерывную работу, я не показывала признаков усталости. От меня требовалось всегда быть безупречной, улыбающейся. Я не хотела разочаровывать его: я постоянно старалась нравиться ему, соблазнять его, чтобы оставаться достойной его любви. Чтобы тебя уважали, надо уметь заставить уважать себя.

Ришар был провокатором, у него случались приступы неудержимого безумия. Друзья Далиды, близкие родственники знали, с кем имеют дело. Ради Далиды они закрывали глаза, это было нелегко, но у него был талант заставить забыть о своих промахах. Он был безумно обаятелен в свои спокойные минуты. В припадке щедрости он преподнес моему мужу картину Сальвадора Дали, которую одна поклонница ему «якобы» подарила. Недавно я захотела продать ее и показала оценщику. Зная Ришара, я сомневалась в ее подлинности, он был способен купить репродукцию. И действительно, она оказалась фальшивой. Ришар был гениален, но наизнанку. Он обладал художественной культурой, даром рассказчика, безупречным знанием истории Франции, но у него была мания разрушать все вокруг себя. Он превратил свое существование в убийство своей личности, своих произведений, своей любви к Далиде. Он все ломал и просил прощения. Под внешностью мачо скрывалась слабость.

С Дали, в начале их романа, он был предупредительным, нежным, влюбленным. Он делал то, что она хотела, стоял «по стойке смирно» перед Дивой. Далида тогда купалась в полном счастье. Ее работа, личная жизнь, круг друзей, все было прекрасно уравновешено.

Каждый отпуск они проводили с нами, в Сан-Тропе. Весь день мы катались на яхте. Ги бросал якорь в бухточках, мы готовили ужин и устраивали пикники под музыку, между двумя купаниями. Это было божественно. Мы часто отправлялись на острова Поркероль, ужинать «У Лангустьеров». Около шести вечера Ги брал курс на Сан-Тропе. Иногда море яростно поднималось, оно опасно покачивало нашу яхту, волны достигали нас, как удары прямо в лицо. Мы заворачивались в плащи, когда тельняшки промокали. Когда дело становилось опасным, когда мы попадали в бурю, Ги готовил ракеты, спасательные буи... Я ужасно боялась разбушевавшегося моря и пряталась в каюте, стуча зубами. Несмотря на

плащ, ветер хлестал меня по лицу, меня пронзал холод... Мы промокали... Когда мы начинали различать вдали Камарат, я успокаивалась. Далида же не боялась бури. Из каюты я слышала, как она смеялась, ее забавляли волны, от которых она теряла равновесие, и которые окатывали ее...

- Внимание, Ги! Посмотри на эту волну, она огромная!

Что до Ришара, то он по-прежнему паясничал, что вызывало смех Ги. Мы возвращались в порт, промокшие с головы до ног, но счастливые ступить на твердую землю. Мы очень редко ходили в рестораны, а предпочитали ужинать дома с друзьями. Мы играли в карты. Для Ришара большим удовольствием было заставлять крутиться столики в гостиной. Это вызывало самый большой смех. Каждый раз я приседала под стол, чтобы следить за Ришаром, убедиться, что он не жульничает. И я видела собственными глазами, как стол поднимается, наклоняется к гостю... Это очень впечатляло, мы вызывали умерших, которые появлялись, ударяя по ножкам столика...

Дали и Ги играли в это время в карты, они наблюдали за нами с лукавым видом. Мы были счастливы и веселились, как сумасшедшие. Ги купался в этой бане молодости, ему было хорошо с нами. Это очень отличалось от серьезной трудовой жизни, когда он работал по четырнадцать часов в день.

Все друзья Дали появлялись в этом доме, этой был маленький рай, открытый людям, которых мы любили. Я никогда не видела ее такой счастливой, как в те минуты. Это был ежедневный праздник. По вечерам мы наслаждались каждым мгновением, как будто предчувствовали, что однажды все закончится драмой. Многие из них уже на небесах. Однако, они были так молоды, когда ушли от нас: Дали, Ришар, Ги... Боб Отговик, деливший нашу жизнь, Жан-Поль Тузен, и столько других! Увы, список слишком длинный.

Когда Дали приезжала к нам отдыхать, у нее не было желания одеваться. Целый год она показывала на сцене платья, ей нужно было почувствовать себя непринужденно, в повседневной одежде. Но Ришар считал по-другому, он хотел, чтобы она всегда была одета, как на концерте, пусть даже только для него. Однажды громкие голоса проникли в гостиную. Я удивленно посмотрела в окно. Они только что вернулись из поездки, и Дали поднималась в свою комнату, чтобы успокоиться.

- Посмотри на Жики! – говорил он ей. – Она всегда кокетливо одевается для мужа! Ты могла бы немного постараться для меня!

- Да, но она не проводит все свое время на гастролях в сценических платьях! Я хочу расслабиться, быть здесь как дома! – сердито сказала она в ответ на эти несправедливые упреки, в присутствии наших друзей.

Мне стало неловко от этих слов, я ушла в комнату, чтобы снять свое красивое длинное платье из белого пике (модное в Сан-Тропе) и надеть брюки. Впервые я услышала, как она злится из-за меня, и я вовсе не хотела быть причиной ссоры. Тем более что она была права.

В последующие дни Дали больше ни разу не надела джинсы! Чтобы доставить удовольствие Ришару, так как таково было его желание, она носила красивые, очень женственные туалеты, и я замечала, что ей это нравится. Ее обожаемый монстр не переставал делать ей комплименты, петь ей дифирамбы, не сводя с нее глаз. Она поняла, что Ришар, неуверенный в себе, ревновал ее даже к публике. Так как она была очень женственна, для нее не составило проблемы сделать ему приятное.

Мне нравилось слушать по утрам, как Дали поет свои вокализы в ванной комнате. Потом она приходила в мою комнату и садилась на кровать, пока я ела легкий завтрак. Мы болтали, как девчонки. Со мной она возвращалась в свои восемнадцать лет; наш безумный смех очень забавлял Ги. Он любил видеть ее такой, беззаботной, полной радости жизни. Для него это была лучшая награда за его труд. Она погружалась в бездну, и вот родилась новая Далида.

Когда после гастролей она приезжала в Сан-Тропе, у нее не было времени делать покупки. Тогда она говорила:

- Покажи мне, моя Жакотта, платья, которые ты купила.

Потом она выбирала. Потом я должна была пойти вместе с ней, чтобы купить такие же. Ги и Ришар нас сопровождали. Сначала это мне льстило, потом стало немного раздражать. У нас были одинаковые костюмы, одинаковые купальники. Почти одинаковые прически, один цвет волос... Так как в Сан-Тропе мы всегда были вместе, очевидно, что людям казалось, что я подражаю Далиде. Она понимала это. Она обнимала меня и шептала на ухо:

- Ты моя младшая сестренка, моя Жакотта. У нас один стиль, одинаковые вкусы. Естественно, что ты моя модель.

Сколько счастливых минут мы провели вместе! Это был праздник. Дали со смехом говорила мне:

- Мы перемыли косточки стольким знакомым, что они тоже вошли в наш круг!

На самом деле, чтобы попасть к нам, нужно было доказать свою надежность!.. Когда мне позвонил известный фотограф из агентства «Сигма», Джеймс Эндамсон, и сказал, что он хочет сделать фотографии Ришара и Дали, я чуть не задохнулась:

- Об этих фото не может быть и речи! Они отдыхают, оставьте их в покое!

- Но...

- Никаких «но»... К тому же, сейчас их здесь нет.

- Меня позвала сама Далида...

- Что?..

- Она сказала, что обстановка подходящая. Но не волнуйтесь, я сохраню тайну, я не упомяну это место, и я сделаю снимки на фоне моря, чтобы не был виден дом. Даю вам слово чести.

Его тон был искренним. И ведь Далида дала свое согласие! Я ревностно хранила ее инкогнито, я была поражена. И потом, это правда, что я тоже хотела пожить спокойно, чтобы меня не тревожили фанаты, журналисты, желающие сфотографировать нас у бассейна. Конечно, она была достаточно красивой, чтобы не бояться камер; скорее наоборот, она ослепляла их своей божественной красотой. Нет, я хотела, чтобы они уважали ее личную жизнь, и нашу тоже. Не знаю, почему, но я боялась, что меня потревожат в моем счастье. Моя работа была не такова, чтобы обо мне говорили. Я любезно выставляла журналистов за дверь, когда они хотели сделать репортаж о моей методике похудения. Я говорила им, что лучшая реклама для меня – результаты, которых я добиваюсь, и конечно, устная реклама!

Я помню одну восхитительную журналистку, которая работала в большом журнале мод – нужно было заплатить состояние, чтобы добиться у них маленькой статейки – я отказалась ее принять. Она посмотрела на меня большими удивленными глазами, когда мои слуги встретили ее у самой двери, запретив войти:

- Впервые мне отказывают в репортаже, который мог бы принести вам много клиентов!

- Ваши будущие клиенты пришли бы из любопытства. Мои приходят, потому что видели результат! С самого начала они доверяют мне, и это экономит время! Вот вся разница.

- Надо же! Если когда-нибудь мне понадобятся ваши услуги, я обращусь именно к вам!

Зная о моем отношении, Дали не решилась попросить меня впустить в нашу «Крепость» этого талантливого фотографа, который продал ее снимки на вес золота по всему миру! Я видела их в газетах, фото были прекрасны, очень романтичны. Они вдвоем влюбленно лежали на гамаке, или в белом кресле-качалке, на фоне моря и сосен... Это были фотографии полного счастья!

Ришар был счастлив с нами, на своем месте, насколько позволяла его натура. Это был профессионал по К.Б.С.Г. (Какую бы сделать глупость). В нашем кругу мы справлялись с ним по-своему. Мы организовывали вечеринки, приглашали тщательно отобранных друзей. Днем все были свободны. Было море, бассейн, прогулки, сиеста, покупки, игры в карты. Но по вечерам мы переодевались. Была мода на длинные легкие платья, очень женственные. В волосы мы вставляли цветок. Мужчины были безупречны. Спектакль обеспечивали наши гости, знавшие правила игры. Ришар был на седьмом небе среди тех, кого любил. Дали могла отдохнуть. С ней он не был таким надежным.

Однажды Ришар сказал Ги, что этим вечером он приготовил нам собственное представление. Он начал свое шоу перед нашими друзьями, пока мы пили кофе в гостиной. Он умел придумывать постановку, и потом, в душе он был актером. Он мог бы сделать карьеру в кино, со своей бойкой речью, своим умом, своей внешностью героя-любownika. Сколько раз он признавался мне, что хотел бы играть в кино! Но, что любопытно, никого не интересовал «месяц Далида». Когда он терпел неудачу, это всегда было из-за Далиды, говорил он.

С высокопарными жестами он поднялся и подошел к вазе, где распускались роскошные розы, которые мы с Дали купили утром. Он взял одну из них, обрезал стебель, положил цветок в ладонь и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Мы смотрели на него, не пропуская ни единого жеста. После нескольких гримас, чтобы еще лучше сосредоточиться, он открыл ладони и протянул розу одной гостье, Жаклин Стоун, матери Оливера Стоуна. Роза была обожжена по краям! Аплодисменты были наградой Ришару.

В углу гостиной, на столике, стоял большой папоротник. Одним поворотом руки он сделал жест, и папоротник полностью застыл. Овации и изумление. Ришар отправился в туалетную комнату, чтобы освежиться; капли пота блестели у него на лбу.

После короткой паузы он продолжал представление. Он попросил меня сесть за столик напротив него. Я должна была передвинуть стакан двумя руками, не касаясь его, двигая только взглядом. Невозможно! Ришар, чье лицо было покрыто потом от усилий, чтобы сконцентрироваться, толкнул стакан вперед, не дотронувшись до него. Он показывал и другие фокусы, такие же зрелищные. Наши гости были очарованы.

На другое утро Дали села на канapé рядом с Ги, который читал газету и пил свой кофе. Ги не удержался, чтобы не сказать Дали:

- Знаешь, Дали, вчера вечером Ришар меня удивил. У этого парня на самом деле есть паранормальные способности!

Дали вскричала:

- Нет, Ги, только не ты!

Ги изумленно смотрел на нее, не понимая ее реплики, этого крика души. Тогда она открыла ему секрет Ришара. Она не хотела, чтобы он попался в ловушку ее безумца.

Фокус с обожженной розой он подготовил до прихода гостей. Он взял уже отмеченную розу, а лепестки заранее обжег зажигалкой. Что касается стакана: во время паузы он ушел в туалетную комнату вместе с Дали. Он вырвал у нее длинный светлый волос, с помощью которого – он потушил люстру, оставляя только неяркий свет свечей – двигал стакан. Что касается папоротника: он натянул резинку у корней растения. Так, движением руки, он величественно поднимал конец резинки, который фиксировал листья в воздухе.

Мой муж рассказал мне это, раздосадованный, что его одурачили. Мы сохранили секрет. Ришар так радовался своим фокусам, что мы не хотели портить ему удовольствие.

Когда мы ездили на рыбалку в Сан-Тропе, он покупал у мясника говядину, чтобы приманивать рыбу. Напрасно я говорила ему, что нужно покупать червяков, а не мясо, что мы будем ловить рыбу, а не раков. Невозможно было его переубедить. Пока Ги и Дали купались, мы, сидя на носу «Ривы», прекрасной сверкающей яхты, но неприспособленной для рыбалки, все утро ждали, что на наш крючок попадет рыба.

В то утро Ришар решил остаться на вилле, пока мы с друзьями отправились на лодочную прогулку, перед завтраком. Когда мы возвращаемся около 14 часов, мы видим, как Ришар лежит на парапете террасы, убрав руки на затылок. Неподвижный, словно мертвый. Я встревоженно бегу к нему:

- Ришар! Ришар! Что-то не так? – говорю я, склонившись над ним.

Он смотрит на меня блуждающим взглядом, его лицо восковое. Он проводит рукой по лбу, чтобы вытереть следы пота.

- Что такое? Что случилось? Да говори же!

Дали, Ги и наши друзья встревоженно присоединяются.

- Что случилось? – говорят они хором.

- Ришару плохо.

Ришар с трудом выпрямляется, спотыкаясь, встает. И вот он рассказывает нам неправдоподобную историю. Ему попалось сокровище! Согласно имевшейся у него карте из римской эпохи (он знал все о французской истории) он копал в очень похожем месте в сосновой роще, и там обнаружил предметы того времени. Он показал нам вещи, разложенные на подоконнике. Чудесно! Там был очень красивый браслет, оправленный драгоценными камнями, и брошь, с помощью которой закалывали драпировки римской туники.

Мы все пораженно смотрим друг на друга. Ги реагирует первым:

- Где ты нашел все это?

- В сосновой роще!

Мы с Далидой радостно делим добычу... Я взяла браслет, она брошь. Ришар ушел в комнату, чтобы придти в себя от волнения. Когда немного позже он выходит к нам, разговор крутится вокруг невероятной находки нашего феномена!

На другое утро, около 7 часов, Ги ест на веранде свой легкий завтрак; он видит, как Ришар проходит в сад. Его поведение кажется Ги странным; он как будто крадется, словно не хочет, чтобы его заметили. Видя эти маневры, Ги снимает трубку и звонит в нашу комнату. Я сонно отвечаю:

- Алло?

- Извини, что бужу тебя так рано, но посмотри в окно – что Ришар обделывает в такой ранний час в сосновой роще? Кстати, у него в руках инструменты.

Все еще сонная, я выпрыгиваю из кровати, мне любопытно, что я увижу. Я смотрю и вижу, как Ришар роется в земле. Он останавливается, вытирает лоб, и поднимает какую-то вещь, на которую внимательно глядит. Я слишком далеко, чтобы увидеть этот предмет. Я беру бинокль со столика у изголовья, и удивленно наблюдаю. Так и есть, я его поймала. А он хотел сохранить это место в тайне! В полном восторге я бужу Далиду:

- Дали, пойдем скорей! Мы поймаем Ришара, он как раз откапывает сокровища в саду!

- Иду! – говорит она сонным голосом.

И вот мы вдвоем, в легкой одежде, фыркая как девчонки, со всех ног сбегает по лестнице, чтобы нагнать Ришара. Мы идем осторожно, на цыпочках, чтобы не привлечь его внимания. Ги, наблюдающий эту сцену с веранды, сгибается пополам от безумного смеха. Мы как две школьницы, которые собираются сыграть шутку.

Мы идем тихо, но под нашими ногами трещат сосновые иголки. Привлеченный шумом, Ришар поднимает голову и видит нас. С виду он как будто в ярости, что его застали на месте преступления. Он прекращает копать и забрасывает землей яму, которую вырыл. Мы подходим ближе, счастливые, что прижали его.

- Что это вы тут делаете вдвоем в такое время? Вам не спится? Вы следите за мной? – сердито говорит он.

- Ты разбудил нас ударами своей кирки здесь, в сосновой роще! – говорю я, притворяясь, что задета.

- Ага! Мы тебя поймали! Показывай нам, что ты нашел, - со смехом просит Дали.

Он гордо предъявляет две вазочки римской эпохи. Великолепно! Мы восторженно предлагаем ему помочь откопать другие сокровища... Но Ришар тут же отказывается. Не может быть и речи, чтобы мы делили его находки. Он подарит нам все, что найдет, этого нам должно хватить. Мы не должны портить ему удовольствие.

Мы с сожалением отступаем. Я пытаюсь хотя бы запомнить место. Это нелегко, потому что поляна обширная. Я хочу отметить землю, сделав ногой круг, но Ришар, зная мою проницательность, бросает на меня мрачный взгляд. Приморская сосна поблизости будет служить мне ориентиром... Мы уходим, оставляя позади Ришара. Он разочарован нашим вторжением, прекращает свои раскопки и приходит к нам на террасу.

Когда мы поднимаемся в комнаты, я шепчу Дали:

- Завтра, пока все будут спать, мы вернемся. У меня есть идея, я думаю, что запомнила эту просеку.

На другое утро, все последующие дни, когда Ришар уходил в деревню, мы копали во многих местах. Друзья, ночующие у нас дома, которым мы доверили этот секрет, помогали нам руками, и наконец... киркой!

Через три дня мы вернулись с долгой прогулки на яхте раньше, чем планировали, потому что в тот день дул сильный мистраль. Мы застали сторожа виллы усердно копающим

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

яму, в том же месте, что и мы. Очевидно, этот отважный человек, видя, как мы потихоньку собираемся, ходим туда-сюда с садовыми инструментами, которые берем у него для охоты за кладом, тоже захотел свою часть добычи!

Спустя много лет я задаюсь вопросом: а если Ришар, с благословения Ги, грандиозно разыграл нас? Он был на это вполне способен! Он обладал чувством инсценировки и бьющим через край воображением. Он любил уходить в фантазии. Драгоценности? Должно быть, он купил их у парижских антикваров. Он придумал этот сценарий, чтобы разнообразить наш отпуск...

Это было хорошо сыграно, хорошо задумано, и он заставил нас пережить минуты настоящего восторга! Сумасшедший отпуск! Это был настоящий волшебник. У него было большое сердце, он был очень щедр, он отдавал все, ничего не оставляя себе.

Его непоследовательное поведение соответствовало его причудливой, яркой роли. Он существовал только в фантазии. Именно так он нас всех покорила. Дали первой заставила нас признать его. Он трепетал, сиял только при соприкосновении с огнем, с ярким пламенем. Он любил играть с огнем, который, увы, превратит его жизнь в пепел...

Однако, сколько прекрасных минут мы все провели с ним! В их красивом доме на Корсике было счастьем видеть их такими радостными, такими влюбленными, сияющими жизнью и любовью! Немногих женщин любили с таким жаром, страстью, безумием. Конечно, нужно быть артисткой, немного непохожей на других, чтобы мириться с этими крайностями... На самом деле Ришар был для Дали настоящим фейерверком... С ним все взрывалось повсюду! Ей это нравилось, ведь она терпела его девять лет!

Каждый раз, когда я говорю о прошлом с друзьями, которые были частью нашего маленького круга, или с близкими знакомыми о наших дорогих умерших, все без исключения хохочут, вспоминая фантазии Ришара. Для них Дали и Ришар остаются неразделимыми. Именно с ним она была счастливее всего, потому что он заставил ее признать свою истинную сущность: Иоланду. Я вижу, что люди, любившие Иоланду, никогда не предавали ее!..

Мы как раз ужинали, когда Дали, Ги и Ришар решили на другой день совершить прогулку на яхте, очень рано утром. Так как я не любительница рано вставать, я отказалась, предпочтя поехать туда днем.

После завтрака, как мы договорились, Ги предложил мне проехаться по морю. Теперь настала очередь Дали и Ришара отказаться. Они должны были пойти в гости к друзьям.

Море было немного беспокойным. Ги, как обычно, посреди моря выключил моторы, чтобы искупаться. Я лежала на животе на юте яхты, мое тело упивалось солнцем, мои мысли свободно блуждали по волнам. Я наслаждалась этой счастливой минутой, когда мой взгляд остановился на сероватой пыли, просочившейся во все складки матраса! Яхта всегда была вылизана до блеска, я удивилась такой небрежности со стороны моряка, который ежедневно убирался на ней.

Когда Ги улегся рядом со мной, куря сигарету, я не удержалась и сделала ему замечание:

- Знаешь, Ги, это опасно. Ты куришь рядом с канистрой бензина!

- Не волнуйся, опасности нет. Она очень герметична.
- Вот только сегодня утром, не знаю, что вы там вытворили, но смотри, повсюду пепел!
- Но ведь Тонио прошел здесь со шлангом.
- Ты мне сказал, что вы были с друзьями Ришара. Должно быть, они курят как паровозы! Посмотри на пепел, он разлетелся повсюду! Это отвратительно!

Ги все больше и больше смущается.

- Не волнуйся, Тонио немедленно все почистит. В следующий раз я попрошу не курить на юте. Расслабься, наслаждайся этой особенной минутой. Нам так мало нужно!

С этими словами, чтобы положить спору конец, он поднимается, ставит музыкальную кассету и приносит мне бокал анисового ликера. Мы долго остаемся так, размышляя, убаюканные музыкой, морским ветром, между двумя купаниями.

Когда мы прибываем в порт, и Тонио помогает нам пришвартовать яхту, я говорю ему:

- Тонио, яхта грязная, там полно пепла. Это на вас не похоже!

Тонио сердито возражает:

- Но, мадам, я не виноват! Я больше часа чистил яхту, чтобы убрать этот пепел! Он просочился везде. Даже в кабине!

- В кабине?

- Когда они бросили пепел в море вместе с цветами, подул ветер, и пепел разлетелся!

- Цветы? Пепел? Что еще за история? – говорю я, поворачиваясь к мужу, который ужасно конфузится.

- Не нервничай. Я тебе объясню. Я не хотел говорить тебе об этом, я боялся, что тебя это шокирует.

- ?..

- Ришар попросил меня об услуге. Я не мог отказать.

Я узнаю, что сестра Ришара была помолвлена с неким высоким типом ростом 1 м 90, прекрасным, как греческий Бог. (Этого парня я не очень хорошо помню, я познакомилась с ним, когда он работал в Понше у кутюрье Лори Аззаро, у которого я была клиенткой). Сестра Ришара и этот парень были в отпуске у друзей в Сан-Тропе, где переживали большую любовь. После обильного ужина красавчик в одиночестве улегся на краю бассейна, где и заснул под раскаленным солнцем. Во сне он свалился в бассейн и утонул! Несколькими днями раньше он дал пророческий обет. Он попросил свою красотку, чтобы его прах развеяли в заливе Канубьер, в Сан-Тропе!

В то же утро, после похоронной церемонии, они все поехали в порт; их было двенадцать человек, и они сели на яхту. Невеста, с букетом цветов в руке, прижимала к себе обувную коробку с прахом своего умершего жениха... Яхта двинулась в залив Канубьер, и там, согласно желанию своего любимого, невеста бросила букет цветов и пепел из коробки в море. Ирония судьбы: только что море было спокойным, ни дуновения воздуха, и вдруг резко подул ветер. Они все оказались с головы до ног в пепле! Это было ужасное ощущение! Далида стояла рядом с невестой, и пепел попал ей прямо на лицо, на губы. Ее светлые волосы стали серыми! Они все мгновенно разделись, чтобы, полуголыми, стремительно нырнуть в морскую воду! Когда они вернулись в порт, их одежда и яхта были в неопишемом состоянии.

Жаклин Питшалъ
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

- Представляешь себе, в обувной коробке был прах такого здоровяка, под 2 метра! - говорил он мне, качая головой.

А я с ужасом думала, что лежала на прахе этого парня! Я все еще дрожу из-за этого... Вечером я приготовила ужин, чтобы утешить невесту. Ужин не был печальным. Ришар нашел способ рассмешить всех, изображая сцену этих странных похорон...

Далида должна была петь в Бейруте; она предложила нам поехать с ней в турне. Было решено, что потом у нас будет отдых. Мы поедем в круиз по Нилу, все четверо. Мы согласились. Ришар обожал Ги, и с ним Дали могла расслабиться. Она знала, что только Ги может успокоить это чудо природы. Он властвовал над ним. Ришар знал, что с ним нельзя переступать границы. Он вел себя, как ребенок с отцом.

Путешествие проходило в хорошей атмосфере. Когда Далида спустилась с трапа, ее встретила пресса, местное телевидение. Большой друг, журналист, которого она очень ценила, Самир Назри, живущий в Ливане, с которым она познакомилась в Каире, галантно преподнес ей букет роз, как и мне. Этот поступок очень тронул и удивил меня!

Журналисты с микрофонами в руках собрались вокруг Дали. Ги и я были в стороне, Ришар бродил рядом со своей самой мрачной физиономией. Он не выносил, когда его игнорировали. Он любил, когда его тоже чествовали.

Он подошел к одной журналистке, пытаясь очаровать ее. Покоренная его актерской наружностью, она начала брать интервью о нем, о Далиде. И тут случилась катастрофа! Ришар разошелся в прямом эфире. Он начал говорить ей «ты», оскорблять ее внешность. Кошмар! Ги схватил Ришара за руку, приказал замолчать. Я воспользовалась этим, чтобы сказать журналистке, что Ришар ведет себя не как обычно, что в путешествии он принял очень много спиртного, тогда как он не привык пить. Ришар нашел способ извиниться, во время нашего пребывания там, и подружиться с ней. Еще раз мы скрыли от Дали выходку Ришара.

На другое утро Ришар ждал меня в 10 часов, как мы договорились, в холле отеля. Он уговорил меня пойти с ним за покупками. У Ги были проблемы с ногой, он не мог сопровождать нас. Дали, которая давала концерт, должна была вечером быть в форме.

Когда Ришар заметил меня, улыбка появилась на его губах.

- Ты слишком элегантна, чтобы идти на рынок! – воскликнул он.

- На рынок? Но ты не предупредил меня об этом. Я пойду переодеться.

Ришар отказался. Он боялся, что у себя в комнате я передумаю.

- Нет, нет, оставайся как есть! У нас мало времени.

Скрепя сердце я пошла с ним. Я оказалась посреди шумного рынка, в толпе бедных людей, которые смотрели на меня как на инопланетянку. Я была совершенно выбита из колеи. Как раз началась война, в народе было большое волнение. Этот полоумный завел меня в самую гущу толпы. Даже милиция не заходила в эти места. Портье позже сказал об этом Ги.

Ришар проверял, боюсь ли я. Он побуждал меня заглядывать в крысиные норы, в обветшалые дома. Я не могла вернуться назад. Я была пленницей, я не знала ни слова по-

арабски. Ришар ликовал, видя, что я в его власти. Почему? Я до сих пор задаюсь этим вопросом.

- Смотри, - сказал он, приподнимая брючину на лодыжке.

Он вытащил из ботинка нож.

- Если только к тебе подойдут... – сказал он, изобразив жестом, как перерезает глотку возможному обидчику.

Я запаниковала. Я рассердилась, что меня поймали в такую ловушку. Он увидел, что я измотана, что едва передвигаюсь на своих высоких каблуках, и пригласил зайти отдохнуть в омерзительное кафе, где сморщенные, отупевшие старики, глядя в пустоту, курили кальян.

Он недоверчиво рассматривали нас. Хозяин бросился к нам, чтобы принять заказ.

- Чай с мятой, - сказала я неслышным голосом.

Ришар заставил меня повторить просьбу.

- То же самое, - сказал он.

Хозяин принес чай. Моя чашка была подозрительной.

- Ты не пьешь свой чай?

- Он горячий. Мне нравится холодный, - сказала я, уничтожая его взглядом.

Он понял, что зашел слишком далеко, что я заставлю его дорого заплатить за его поведение, как только окажусь в безопасности. Он поднялся. Он бросил взгляд в мою чашку, где плавал черный волос. Во мне поднялась тошнота. Я вышла. От свежего воздуха мне стало лучше.

Чтобы я его простила, он повел меня в лавку антиквариата. Я смотрела на очень красивый браслет. Когда я спросила о цене, продавец сказал, что это подарок мне от Ришара. Это была очень ценная вещь. Я хотела отказаться, но Ришар настаивал, чтобы я взяла браслет, в память о нем, чтобы он извинился.

Вернувшись, я рассказала о своих злоключениях мужу. Я показала браслет, который подарил мне Ришар, прося прощения. Ги преподал ему хороший урок, но мы ничего не сказали Дали.

В 13 часов мы были приглашены на ужин с друзьями Далиды, журналистами. Они ждали нас в холле отеля Сен-Жорж. Мы собирались уходить, когда консьерж подошел к моему мужу и передал письмо. Мой муж изумленно посмотрел на Ришара. Один журналист попросил разрешения открыть и перевести это письмо. К моему великому удивлению, оно было адресовано мне. Кинокомпания, известная в Ливане, предлагала мне роль в съемках. Увидев, что я сопровождаю диву французской песни, они подумали, что я, может быть, актриса.

Журналисты подтвердили, что предложение серьезно. Я, казалось, была портретом их героини. Голубоглазая блондинка. Я была очень польщена, мой муж побледнел. Ришар, увидев реакцию Ги, взял письмо из рук журналиста и разорвал на мелкие кусочки. Потом, обращаясь к консьержу отеля:

- Вот ответ! – сказал он, складывая кусочки обратно в конверт.

- Ты ненормальный, Ришар! – вскрикнула Далида. – Какое право ты имел разорвать письмо? Это же предложение для Жаклин. Мы могли бы, по крайней мере, спросить ее мнение!

- Это ее не интересует. Не так ли, Жики?
- Ришар прав.

Инцидент был исчерпан. Не первый раз у моего мужа просили разрешения занять меня в фильме. Он передавал мне предложение и говорил, что если я соглашусь, наша семейная жизнь изменится. Разумеется, я отказывалась.

Мы с Ги и Ришаром посетили руины Баалбека, античного финикийского города, пещеры Сейты, но Дали с нами не было. Она отдыхала в отеле, чтобы быть в форме. Но пребывание в Ливане приближалось к концу. Я была околдована Востоком, тронута приемом ливанцев, ослеплена историческими богатствами этой страны. Мы были счастливы, думая о круизе в Египет, о том, что проведем этот отпуск вместе. Дали хотела совершить паломничество в квартал своего детства.

Мы сели на корабль после полудня, чтобы совершить этот долгожданный круиз. Мы устали после путешествия на самолете из Ливана и решили отдохнуть. У нас были смежные каюты, по просьбе Дали. Было проще оставаться группой.

Мы с Ги отдыхали, когда нас разбудили яростные удары в перегородку нашей каюты. Голос Ришара доносился до нас:

- Ги! Ги! – вопил он через стенку. – Дали с вами?
- Нет!
- Я не могу найти ее, я ее везде ищу! Ее нет на корабле!

Мой муж направился к двери, чтобы пройти в каюту Ришара. Тот показался тоже, бледный.

- Успокойся, - сказал Ги. – Она, должно быть, пошла прогуляться по городу, в поисках своих воспоминаний.
- Выйти здесь одной – она совершенно ненормальная! Я иду ее искать!
- Подожди, я с тобой. Я только переоденусь.

Ришар убежал, не дождав. Прошло несколько минут, потом в нашу дверь робко постучали. Ги открыл. Дали, плача, упала в его объятия.

- Что произошло? Почему ты в таком виде? Что-нибудь случилось с Ришаром?
- Нет, нет, но я больше не могу терпеть его безумие.

Продолжая рыдать, она рассказала ему, что Ришар застал ее, когда она беседовала на молу с капитаном корабля. Он был привлекательным молодым человеком. Подумав, что он ухаживает за Дали, и не дожидаясь объяснений, Ришар выхватил нож и нанес ему удар в лицо. Дали вмешалась, прохожие тоже. К счастью, раны оказались легкими. Капитан пообещал Дали не подавать жалобу.

Она как раз заканчивала свою историю, когда явился Ришар с выпученными глазами. Разразилась ужасная ссора.

- Ты мне надоел! – кричала Дали. – Надоело, что из-за тебя у меня без конца проблемы, с друзьями, с работой. Мне за тебя стыдно. Я больше никогда не хочу тебя видеть!
- Атмосфера накалялась. Ришар снова стал причиной драмы.

- Оставайся в комнате с Жаклин. А ты иди со мной, - сказал Ги, обращаясь к Ришару повелительным тоном.

Ришар подчинился, расстроенный как ребенок. Он вышел из комнаты, опустив голову. Дали оказалась в моих объятиях. Я утешала ее, как могла; столько воспоминаний волновали ее в тот момент. Этот мужчина, которого она встретила на набережной, капитан корабля, был ее другом детства. Они обменивались общими воспоминаниями, когда возник Ришар, не слушая никаких объяснений. Безумная ревность охватила его. Тем более, немного было нужно, чтобы он взорвался!

Ги снова пришел через несколько минут и успокоил Дали. Ришар вернулся, обнял Дали и в очередной раз попросил у нее прощения, оправдываясь тем, что его любовь так сильна, что он теряет голову. Мы попали в итальянскую комедию. Он едва ли не падал перед нами на колени, чтобы вымолить прощение! Мы решили сложить чемоданы и сойти, пока не подняли якорь, потом сесть на такси и пересечь пустыню до Асуана. У нас не было другого выбора.

Мы покидали корабль, опустив голову. Огласка уже сработала, и взгляды членов экипажа были полны ненависти. Подъехало такси – старая колымага, которую Ришар остановил на улице. Началось приключение, и какое приключение! Под оружие звуки радио мы собирались переехать через пустыню. Вместо того, чтобы ехать обычным путем, шофер свернул и поехал к центру. Коллега ждал его у бара.

- Что вы делаете? – спросила Дали по-арабски.

Мужчина подскочил, удивившись, что француженка так хорошо говорит на его языке.

- Мой друг едет с нами. Дорога длинная, он составит мне компанию на обратном пути.

- И речи быть не может!

Она продолжала спорить с ним по-арабски. Ее голос был нервным, неузнаваемым. Шофер повинился и отослал своего приятеля.

Поездка через пустыню обещала быть утомительной. Мы позволили везти себя незнакомцу, которого остановили на улице. Если бы, по крайней мере, мы вызвали его через коммутатор на корабле, остался бы след, но теперь... В дороге, чтобы шофер не заметил нашей тревоги, мы разговаривали на «верлане»¹. Я выучилась ему в школе на переменах. Я научила этому языку своего мужа, потому что не хотела, чтобы наша маленькая дочь понимала наши разговоры о родственниках. Это очень забавляло Ги, но теперь сослужило нам хорошую службу.

- Мы ни о чем не подумали! – жаловалась Дали. – У меня в чемоданах сценические платья, украшения, гонорар за концерт! Все, что мы с собой везем, стоит целое состояние! Нас могут прирезать и за гораздо меньшее.

Ришар бросил Ги:

- Ты захотел, чтобы я выкинул свой нож в Нил, и больше не было бы соблазна его использовать. Вот и результат! Теперь нам нечем защищаться.

Наступала ночь. Мы проезжали через деревушки. Это было райское видение; это небо, утопающее в мириадах звезд. Этот месяц, который сиял тысячью огней. Эти мужчины в джелаба² пастельного цвета, эти женщины в розовых и голубых вуалях. Эти овцы, эти ко-

¹ **Верлан** - французский сленг, созданный на базе слов литературного языка, [согласные звуки](#) которых идут в обратном порядке, а [гласные](#) часто меняются на *eu* (*Arabe* → *beur* 'араб', *mes* → *keum* 'парень', *mère* → *reum* 'мать'). Иногда задом наперед идут [СЛОГИ](#), а не звуки (*prison* → *zonpri* 'тюрьма'). Само название «верлан» представляет собой верланское образование (второго типа) от французского наречия *à l'envers* (наоборот).

² Джелаба – одежда в Северной Африке

зы, эти ослы, перевозящие дрова, в этой сиреновой ночи. Боже, как это было красиво! Если бы их не было со мной в автомобиле, я могла бы подумать, что вижу сон.

Перед нами открылась картина Рождества. Посреди пустыни, перед какой-то лачугой, женщина в синей одежде сидела прямо на земле, рядом с ребенком на охапке сена. Мужчина стоял, опираясь на посох, и... осел! Я подумала, что у меня видение; я воскликнула:

- Посмотрите туда! Скажите, мне это не кажется? Как будто дева Мария, младенец Иисус, Иосиф, есть даже осел... Это словно сон!

- Боже мой, это правда, ты не спишь, - возразила Дали, на которую зрелище произвело впечатление.

От всего этого у нас перехватывало дыхание, пока мы не прибыли в Асуан.

Едва мы приезжаем в асуанский отель, как туристы узнают Далиду.

- Далида! Это Далида!

Ее пугает эта туристическая группа, с которой ей пришлось встретиться после долгой поездки. Она решает, с нашего согласия, поужинать в нашем номере. Корзиной фруктов, украшенной цветочной композицией, директор приветствует нас.

На другое утро мы решаем посетить руины Асуана. Отдохнув ночью, мы все четверо в отличной форме, счастливые, что вместе делим эту радость. Ги и Дали идут впереди, мы с Ришаром оказываемся сзади; он без конца показывает мне детали и все комментирует. Он увлечен этим предметом, хорошо осведомлен. Я гуляю, глядя во все глаза, я взволнованно восхищаюсь чудесами, которые открываются моему взгляду, когда замечаю, что Ришар сзади присел перед стеной и пытается просунуть руку в дыру. «Что он там еще выдумал!» не могу я удержаться от мысли.

- Жики, иди сюда!

Я подхожу к нему, вопросительно глядя. Видя мое сомнение, он велит мне:

- Подойди! Просунь руку в дыру, попробуй взять статуэтку внутри. Моя рука слишком большая, я не могу. Тебе это будет легче.

- Откуда ты знаешь, что в этой дыре статуэтка?

- Знаю. Делай, что я тебе говорю!

- Ну нет! Я боюсь! Там может быть животное, змея... Брр...

- Доверься мне! Ты ничем не рискуешь.

Каким-то удивительным образом он умел меня убеждать. Я осторожно сую руку в дыру. Я действительно нащупываю нечто, похожее на статуэтку. Я вытаскиваю вещицу, которая, увы, раскололась у меня в руках. Это бюст.

- Я сломала ее, - разочарованно говорю я.

- Попробуй вытащить остальное. Не торопись, доставай очень аккуратно.

Мне не без труда удается вытащить остаток статуэтки, она очень красива. Я очарована. Этот тип со своим волшебством, своей эксцентричностью, эрудицией, все-таки поражал меня.

- Что это вы там делаете? – кричит Дали вдалеке. – Идите к нам!

- Мы идем!

Я собираюсь пойти к ним, но Ришар удерживает меня за руку. Он показывает красивый каменный квадратик, который поднял с земли.

- Смотри!
- Эти скульптуры прекрасны.

Он ломает квадратик пополам, прежде чем я успеваю отреагировать, потом проворно открывает мою сумочку и кладет обломки туда.

- Ты ненормальный? Ты не имеешь права, это святыня!
- Ришар! Жакотта! Идите сюда!

Они останавливаются, чтобы подождать нас. В тот момент, когда я собираюсь достать камень, чтобы вернуть его назад и рассказать все Ги, из-за колонны появляется мужчина в джелаба. Он обращается ко мне, знаком требует открыть сумочку. Я начинаю дрожать. По моему растерянному взгляду Ги и Дали понимают, что я совершила нечто серьезное. Охранник настаивает по-арабски. Он говорит Дали, что я украла ценность. Он грубо вырывает у меня сумочку, вынимает камень. Я подумала, что Дали упадет в обморок... Она в шоке прислоняется к колонне. Я не решаюсь встретиться взглядом с Ги.

Охранник собирается достать свисток, чтобы позвать своих коллег и арестовать меня, когда Ришар набрасывается на него, хватая за горло и угрожает. Мужчина в панике, его лицо багровеет. Вмешивается Ги, пытаюсь разнять их. Ришар ослабляет хватку. Охранник, позеленевший от страха, умоляет Ришара отпустить его, говорит, что не будет подавать жалобу. Он вдруг заговорил на отличном французском! Говоря, он берет камень, подбирает с земли, энергично трет его, чтобы убрать все следы новой поломки. Потом он отделяется от нас, уходит.

Далида поворачивается к Ришару, уничтожая его взглядом, и бросает ему:

- Решительно, ты времени не теряешь! Ты чуть не отправил Жаклин в тюрьму! Ты опасен!

Потом, обращаясь ко мне:

- А ты его слушаешь! Ты очень меня удивляешь. Нам даже не разрешили бы принести тебе апельсины, моя Жакотта! – иронизирует она. – И тюрьма в этой стране должна быть кошмарной!

Я дрожала от страха, избегая взгляда Ги. Я поняла, что Ришар хотел навредить мне. Это был манипулятор. Однако я была начеку. Этот случай мог иметь драматические последствия. Я была уверена, что статуэтку он купил у мальчишек, продающих подделки у ворот храма. Он делал все это, чтобы ослепить меня, заставить поверить, что у него есть дар, власть, переданная ему предком, графом де Сен-Жерменом. Его выводило из себя, что я не принимаю его всерьез, ничуть не верю его бредням, что я смеюсь над ним. Тогда он начинал использовать любые приемы.

Измощенные, мы вернулись в отель отдохнуть. Ги, зная меня, понимал, что я здесь не причем. Он отвел Ришара в сторону и отчитал его. Смущенный Ришар извинился.

Около 20 часов в дверь нашего номера стучат. Это Ришар, он спрашивает, можно ли заказать ужин. Мы так хорошо угостились в Ливане восточной кухней, что мечтаем, все четверо, о жареной курице! Злоключение пробудило наш аппетит. Служащий сервирует столик в нашем номере, ставит еду. Дали все еще не хотела встречаться с туристами; она желала, чтобы мы оставались в своем кругу.

- За стол! – говорю я, хлопая в ладоши.

- Мы идем, мы идем! – отвечает Дали жизнерадостным голосом из-за двери своей комнаты.

Входя в номер, Ришар потирает руки, выражая удовольствие.

- М-м! Я голоден как волк!
- Не ты один, - отвечает Дали, занимая место.

В ожидании лакомства, с сияющими глазами, она поднимает серебряную крышку. То, что она видит, заставляет ее застыть. Мы склоняемся над блюдом. Мы ожидали увидеть золотистые кусочки курицы. Каждый выбирал между крылышком и бедром... Перед нами в коричневом соусе плавают липкие куриные эскалопы.

- Там черви! – с отвращением восклицает Дали.
- Это омерзительно! – говорит Ги.
- Должно быть, вся еда такая. Что будем делать?
- Остаются фрукты, апельсины, бананы, - отвечает Дали.

Ришар встает из-за стола, подходит к телевизору. Слишком занятые своими жалобами, мы не обращаем на него внимания. Вдруг Дали замечает, что Ришар снимает крышку с телевизора. Она говорит, перекатывая «р» (она говорила так, когда была очень расстроена):

- Ришар! Что ты делаешь с телевизором?
- Я его чиню!
- Но зачем? Мы его даже не смотрим!

Без единого слова он снимает крышку, кладет на пол, берет куриный эскалоп и запикивает под катодную трубку. Потом он спокойно ставит крышку на место, а мы оторопело смотрим.

- Ришар! Ты совершенно сдурел! Зачем это?
- Они нам подали г... Они увидят г...!

Это так поразительно, что Ги и я разражаемся безудержным хохотом. Ги часто говорил: «Дуракам я предпочитаю психов». С Ришаром ему нравилось, мы ни минуты не скучили, это было постоянное веселье.

Дали качает головой, но видя нашу реакцию, очень быстро присоединяется к нам. Мы представляем себе физиономию того, кто включит телевизор после нашего отъезда. Какой будет аромат обедов! Вдруг мы слышим, как кто-то пытается открыть дверь нашего номера. Ришар на цыпочках подходит к ней, я с любопытством следую за ним. Дали и Ги не сдвинулись с места. Они ждут... Дверь открывается, появляется коридорный, его лицо застывает, когда он нас видит. Ришар хватается его за горло, резко спрашивает:

- Чего ты хотел? Ограбить нас, а?
- Бедняга дрожит от тона Ришара.
- Я...

Ни звука не слышно из его горла. Потом он обретает присутствие духа, так как Дали вмешивается и просит Ришара успокоиться, и бормочет:

- Я приходил проверить телевидение... Там плохой контакт, кажется.

Мы, все четверо, пораженно смотрим на него.

- Мы же в королевском номере, здесь, наверное, есть микрофоны, камеры... - встревоженно говорит Дали.

Но Ришар недоволен этим объяснением. Он трясет парня.

Жаклин Питиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

- Признавайся! Ты думал, что нас нет. Ты хотел нас ограбить! – орет он.

Мужчина встает на колени, просит у Ришара прощения. Он действительно приходил, чтобы украсть; у него жена, дети, и т.д. Он умоляет нас не жаловаться директору. Ришар, подавшись жалости, успокаивается.

- Ладно, вон отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

Мужчина поднимается, целует ему руку, благодаря. Он уходит потихоньку, отвешивая поклоны...

Ришар гордо усаживается в кресло. Миссия выполнена. Мы смотрим друг на друга, все четверо, и хохочем. Мы заканчиваем вечер на пустой желудок, но сгибаясь пополам от безумного смеха.

Мы решили сократить нашу поездку и закончить отпуск в Каире. Мы с Дали проводили время, околавываясь на всех рынках. Ги и Ришар ждали нас в кафе неподалеку. Еще мы играли в туристов, посещали памятники. Это было чудесно.

Дали хотела показать Ришару дом, где она родилась³. Она не возвращалась туда много лет. Я все еще вижу ее в своих воспоминаниях, как она стоит перед дверью здания на улице Камра-Вейя, и табличка с именем ее отца вызывает у нее слезы.

- Смотри, Ги, они оставили табличку отца. Он был первой скрипкой в каирской Опере, - меланхолично говорит она, глядя ее.

В самом деле, табличка до сих пор висит у входной двери, и там можно прочитать: «Pietro Gigliotti Primo violoniste».

Она глядит вокруг себя, взволнованно шепча:

- Квартал очень изменился...

Она открывает дверь своего дома, где порог и фасад изъедены временем. В этом обветшалом, пыльном здании она с трудом узнает дом своего детства. Мы поднимаемся по лестнице, и Далида, шатаясь, прислоняется к стене. Она проводит рукой по лбу, где выступают крупные капли пота. Перед ее печальными глазами проходят, словно удары бича, ужасные воспоминания прошлого, которые без конца ее преследуют, мучают по ночам. Да, она вспоминает, она помнит, как будто это было вчера... Та страшная ночь в ее детских глазах...

«У нее связаны руки, мать связала их, чтобы помешать ей сдернуть повязку с больных глаз. Ее крики боли: пронзительные мятые вопли из-за того, что у нее нет права видеть солнце, дневной свет. В таком возрасте не понимаешь несправедливости, хочешь играть, смеяться, смотреть на яркую жизнь, как все! Отчаяние мрачно отзывалось в сердцах бессильных родителей. Маленький десятимесячный комочек, с лицом, искаженным

³ Уже позже один режиссер снимет для телевидения документальный фильм, где частично будет воспроизведена эта сцена. Когда она вернется домой, то с ужасом заметит, что табличку ее отца убрали, чтобы заменить на ее собственную! От шока, кто кто-то посмел такое сделать, у нее случился нервный срыв! Ее брат Бруно, чтобы успокоить ее, пообещал, что после репортажа табличку отца вернут на место. Может быть, он и был виноват в этом недоразумении?

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

страданием, отчаянно искал свет перед глазами. Но местный доктор предписал родителям держать эту повязку на глазах сорок дней, чтобы защитить их вот внешних раздражителей: ветра, пыли, потому что глаза были очень раздражены. Он поставил диагноз: «обычная офтальмия».

Глядя в ночь, она слушает шумы вокруг себя. Мама поет ей колыбельные, чтобы утешить ее, успокоить ее печаль. Отец, терзаясь от того, что видит страдание своей дочери, сочиняет песни, играя на скрипке. Сорок дней кошмара! Когда мать снимает, наконец, проклятую повязку, она негодуя кричит: глаз покрылся гноем! Глазной нерв, от напрасных поисков света сместившийся к краю глаза, вызывает косоглазие. Маленькая Иоланда изуродована! Горе ребенка и ее родителей ужасно, безмерно. Они крепко обнимают ее, по очереди, эту малышку, которая плачет, потому что долгожданный дневной свет причиняет ей боль... В последующие дни у нее ужасные головные боли... Врачи, к которым обращаются, оказываются бессильны. Крест маленькой Иоланды будет длиться много месяцев. После нескольких операций, в возрасте четырех лет, ей приходится надеть большие, очень сильные очки, которые уродуют ее. Родители отдают ее в школу сестер «Марии Асильятриче». Безжалостные дети издеваются над ней, называют ее «четырёхглазой». Чувствуя себя изгоем, уродиной, она прячется в спокойном уголке школы, возле мадонны с каменными глазами, которая находится в маленьком гроте, и которой она доверяет все свои надежды и свои большие печали»

Эти страшные воспоминания жестоко потрясают ее. Она раздражается плачем, укрывается, как маленькая девочка, в объятиях моего мужа.

Мы с Ришаром были в стороне, неподвижные от чувств, которые нас переполняли. Мы смотрели на Дали, взволнованные, что видим ее такой; слезы выступили у нас на глазах. Это была очень сильная минута, я еще дрожу, вспоминая ее. Это не Далида, а маленькая Иоланда в огромных очках, скрывающих лицо, стояла на лестнице перед дверью своего детства. Поколебавшись, она даже позвонила в дверь, но там никого не было... Она заметила, что на месте террасы построили этаж – той террасы, где она мечтала о побеге, о прекрасном принце...

Поглощенная воспоминаниями, она начала рассказывать истории из своего детства. Мы были поражены, слушая эти страшные откровения, невыносимые для маленького ребенка. Когда мы вышли из дома, полные переживаний, женщины из соседних окон узнали ее, закричали ее имя. Дали послала им воздушные поцелуи...

Она захотела увидеть школу итальянских сестер, где бесчисленные воспоминания пришли ей на память, образы сменялись перед ее глазами, как на экране. Укрываясь от непредсказуемого гнева своего ужасного, сурового отца, который внушал ей страх, она чувствовала себя хорошо в окружении добрых сестер, любивших и утешавших ее.

У нее сжималось горло, когда она робко входила в этот простой дом, где удивленные дети смотрели на нее как на инопланетянку, шепчась между собой. Мы остались позади, уважая ее чувства. Сестры столпились вокруг нее; одна из них крепко обняла ее и поцеловала. Когда Далида вернулась к нам через несколько минут, ее лицо было влажным от слез. Она сказала нам, как рада снова видеть сестру Феличину, свою бывшую учительницу. Она была очень мила с ней в школе.

«Она вспомнила, что на празднике в честь окончания учебного года, где она должна была петь перед всеми родственниками, ее охватил жуткий страх. За несколько минут до выхода она потеряла голос! У сестры Феличины появилась хитрая мысль, как утешить свою подопечную. Она будет петь вместо нее за кулисами. Иоланда должна изображать, будто говорит эти слова, и делать жесты. Хитрость сестры Феличины уда-

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

лась и вызвала в зале аплодисменты и поздравления. Ей было только четыре года. Это была ее первая фонограмма!»

Она рассказала нам, насколько, будучи школьницей, она чувствовала себя отвергнутой обществом, физически не похожей на своих подружек, гадким утенком. Она укрывалась в своем воображении, придумывала мечты. Ее очаровала героиня, воплотившая ее детские мечты: Далила, женщина, перед которой не устоял Самсон. Она тоже хотела стать монахиней, потому что у нее была вера... Она даже узнала бывшую одноклассницу, которая надела покрывало...

В машине, увозившей нас в отель, Далида, положив голову мне на плечо, вложив свои дрожащие руки в мои, продолжала вспоминать истории о своем отце, матери, братьях. В ее голосе были слезы, как будто она хотела вернуть время назад...

В тот вечер, когда мы приехали в Каир, ее большой друг, Юсеф Шанин, пригласил нас поужинать у него. Я помню, что в этом районе была стройка. Мы с Дали, на наших каблукках, еле-еле могли идти! Юсеф встретил нас со всей восточной теплотой и гостеприимством. Его жена подала нам изысканный ужин. Мы с Дали были большими лакомками, и когда хозяйка предложила нам добавку, мы не заставили себя упрашивать! Я помню, что Ги и Юсеф очень понравились друг другу. Как могло бы быть по-другому? От него исходила, помимо ума, внутренняя сила, большая щедрость души. Это был увлеченный человек, которого Далида очень ценила. Он знал, что она хочет быть актрисой; в тот вечер он сказал ей, что однажды он найдет для нее великую роль. Он сдержал обещание!

Далида мечтала сниматься в кино, но никто не предлагал ей роль, которая устроила бы ее. Готовился проект, где она должна была играть Клеопатру; она угадывала себя в этой роли, которая прекрасно ей подходила, потому что она была создана для сильной, трагической героини. К сожалению, проект так и не был завершен...

Когда мы вернулись в Париж, я звоню ей, чтобы позвать их на ужин; она со смехом говорит мне:

- Угадай, что я сейчас делаю!
- ?..
- Я отмываю до блеска кухню!
- Твоя горничная заболела?
- Нет, но с тех пор, как мы вернулись, у меня началась аллергия на малейшую пылинку! Я вычищаю даже пазы холодильника!
- ?.. Надо же!

Действительно, в некоторых кварталах грязь и бедность гуляют по улицам, и когда мы возвращались в отель, то первым делом шли в ванную и мылись! Но сейчас, после возвращения, отчищать пазы холодильника...

Однако я понимаю ее поступок. Когда я потеряла мужа, меня удивило первое, что я сделала. Я оставила у изголовья Ги медсестру, я безмолвно прошла в ванную, прилегающую к нашей комнате, и долго принимала душ... Потом, как сомнамбула, я вышла в гостиную, чтобы предупредить мою дочь и друзей, которые ждали там. Я до сих пор не поняла, почему так поступила.

Однажды она звонит нам, чтобы объявить новую удивительную новость: она нашла участок земли в Нейи, на улице Перронне, чтобы построить там большой дом. Но прежде чем подписать контракт, она хотела показать нам это место. Мы отправились туда, но в любом случае, даже если бы у нас нашлось какое-то возражение, Дали была настроена решительно.

- Я решила оборвать связь с моей семьей! Ришар прав, когда я не на гастролях, я все время у «Грациано». Для нас это просто, ресторан всего в нескольких метрах, а мой брат... вечно вмешивается в мою личную жизнь, как и его друзья. Там я буду дома! Это будет трудно, но все же не конец света! Мне нужно пойти на это отдаление. Мой брат душит меня, мы часто спорим. Вдали от них я смогу отгородить мою личную жизнь от профессиональной.

Так как Далида ничего не любила делать наполовину, она сразу покупает журналы об архитектуре, и с помощью одного архитектора набрасывает планы. Она была довольна собой, когда водила нас по этому участку, с планами в руках, и гордо говорила:

- Здесь будет гостиная, а здесь...

Я, как всегда, совершаю бестактность:

- Здесь напротив здание! Окна этих людей будут упираться в твой дом!

- Я подумала об этом. Я посажу ряд деревьев.

- А твой брат, что он об этом говорит?

- Ему совсем не нравится, что я покидаю Монмартр. Сейчас на Монмартре паника среди моего брата, Розы, Грациано и друзей. Но если таково мое желание, Бруно... *(она всегда называла его настоящим именем)* придется отступить. Это моя жизнь. Правда, это немного пугает меня. Покинуть Монмартр, эту маленькую деревню в центре Парижа, где я чувствую себя дома, в безопасности среди любимых людей, рядом с братом, который мне очень близок. Но для моей жизни с Ришаром так лучше. Ришар не выносит Монмартр, ему надоело видеть всех этих фанатов, которые ночуют перед домом, следят за всеми моими делами и жестами: когда я ухожу, когда возвращаюсь! Они даже роются в моих мусорных мешках!.. И потом, восхитительно строить дом своей мечты с любимым человеком!

Когда мы приходили к ней, она, как маленькая девочка, которая строит Дворец мечты, показывала нам архитектурные журналы, которые покупала, чтобы черпать идеи. Она часто звала архитектора, чтобы поменять планы. Он был очень терпелив, видя энтузиазм и любезность своей клиентки. По мере того, как шли дни, она хотела видеть свой Дворец все красивее, все роскошнее. Она потратила целое состояние на материалы. У ее брата Бруно чуть не случился сердечный приступ, когда он увидел огромные счета... Он воскликнул, размахивая руками и перекатывая «р» (Дали прекрасно его передразнивала...):

- Если она продолжит в том же духе, то разорится на этом доме!

Он не понимал, что это реванш за ее детство в бедном квартале Шубра, где она выросла. Это не Далида тратила деньги, а Иоланда! Да, Иоланда! Хозяйка дома своей мечты, в Нейи, в одном из самых роскошных кварталов! Какой путь, усеянный ловушками, был пройден, чтобы осуществить ее желания! Но она была упорной, она всегда умела ставить недостижимые цели...

В этом доме она никогда не жила... Она сказала своим родным, как всегда, предусмотрительно:

- Не паникуйте. Дом еще далеко не завершен! Он будет готов не раньше чем через три года, и я не собираюсь продавать дом на Монмартре. Если я поселюсь в Нейи и мне там не понравится, покажется слишком далеко от вас, я вернусь на Монмартр! Дом будет дорого стоить, я продам его, совершив хорошую сделку с недвижимостью! В чем проблема?

Далида звонит Ги и спрашивает, может ли он срочно принять их после работы, то есть в 19 часов. По ее голосу Ги понимает, что произошло нечто серьезное.

В этот час секретарши уже нет, я сама открываю им дверь. Дали и Ришар растеряны; у них только что разыгралась ужасная драма.

- Ришар стрелял в человека! – говорит она со слезами в голосе.

Я не могу поверить! Они говорят одновременно, волнуются. Ги просит их успокоиться, быть яснее. Дали берет слово и объясняет факты. Около часа ночи они вернулись с дружеской вечеринки за городом. Когда они открывают ворота дома, чтобы припарковать «Остен», то замечают свет в комнате Марии, ее горничной, которая ушла в отпуск на несколько дней. Они удивляются. Дали спрашивает себя, не забыла ли она погасить свет. Но Ришар смотрит на это по-другому; как всегда, он ведет себя необузданно, горячится:

- Может быть, это вор?

Далида успокаивает его, предлагает взять на кухне дубликат ключа и подняться, чтобы выключить свет. Ришар, помня о своем пребывании в тюрьме и все время, боясь оказаться в опасности, всегда носил охотничье ружье. Оружие дает чувство защищенности. Видя, что он берет ружье, и зная о его прошлом, Далида собирается пойти с ним. Ришар отказывается; он хочет идти один, на случай, если все это плохо кончится. Но Дали настаивает.

Ришар стучит в дверь, ответа нет. Он открывает дубликатом ключа. Перед ними – мужчина в трусах. Он остолбенело смотрит на них. Ришар теряет контроль над собой, грубо спрашивает:

- Кто вы? Что вы тут делаете?

Молодой человек – португалец, он плохо говорит по-французски. Он продолжает молчать, замерев перед карабином, направленным на него. Под прицелом ружья Ришар уводит его в глубь комнаты, задавая вопросы на повышенном тоне. Злополучный жест, и раздается выстрел! Молодой человек ранен в живот, он пошатывается.

Дали кричит:

- Ришар, что ты наделал! Ты выстрелил!

Ришар осознает свой поступок. Мужчина под влиянием шока обретает дар речи, забыв о ране, которая еще не болит. Кровь течет у него из живота. Он объясняет, что он не вор, а любовник Марии, и что она предоставила ему комнату, потому что ему негде ночевать.

Поняв, что он натворил, Ришар начинает скулить:

- Это ужасно, я снова сяду в тюрьму!

Он уже провел шесть лет в тюрьме из-за ошибки молодости. Действительно, его арестовали после нападения на хозяйку бара, где он работал! Он хотел украсть у нее деньги. Подробности, кажется, были очень мучительны... Далида понимает, что этот поступок и последствия будут стоить ему высшего наказания.

Раненый мужчина еще не отдает себе отчет, как тяжело пострадал. Они тоже. Далида берет инициативу на себя и предлагает, чтобы избежать скандала, придумать план, заставить поверить полицию, что на бедного парня напали, и что они нашли его на улице, уже раненого... Все трое договариваются дать одни и те же показания. Они приедут в больницу узнать новости.

Они помогает ему одеться, спускаются к себе в квартиру, чтобы вызвать Службу безопасности, которой дадут показания.

Они будят друга-адвоката и просят совета. Тот рекомендует держаться своих показаний. Но молодой человек дал в больнице координаты Марии, которая должна немедленно приехать.

Мы ошеломленно слушаем их. Ги советует Дали сказать полиции правду. Но Дали не отступает, она думает о Ришаре. Ги жестко настаивает: их показания не выдерживают никакой критики. Она признается, что позвонила подруге, Ноно, которая живет у них дома, и она в тот же день сделала в полиции такое же признание!

- Лжесвидетельство, да еще и сообщница! Ришар рискует попасть в тюрьму, но и ты тоже! Послушай меня, сделай то, что я тебе говорю! – советует Ги.

Мария, которую предупредил любовник, не верит ни единому слову в истории Джоао Ф.: его рубашка не задета, а на костюме нет следов крови! Выстрел был сделан в упор, констатируют полицейские!

Далида звонит своему личному адвокату, который рассуждает так же, как Ги: она должна сказать правду. «В любом случае, - объясняет он ей, - вы невиновны. Если вы будете настаивать, то станете сообщницей в преступлении, которого не совершали». Он уверяет ее, что, несмотря на ее страхи, Ришара будут судить справедливо.

Далида отказывается. Она не слушает ни советы Ги, ни советы своего адвоката. Ее брат, который обо всем знает, плачет; он крепко ее обнимает:

- Подумай о себе! Что бы ни случилось, истина откроется.

Но Далида продолжает упираться. Территориальная полицейская бригада вызывает ее. На допросе они ведут себя грубо, громко разговаривают с ней, чтобы произвести впечатление. Она возмущается, но через сорок пять минут ломается, не может больше выносить ложь. Она понимает, что если будет продолжать лгать, то сделает виновной саму себя. Она в полной панике, ей кажется, что она переживает кошмар. Ее голос еле слышен, когда она дает новые показания. Комиссар говорит ей:

- Конечно, мадам Далида, это было ребячество. Мы знаем, что вы невиновны. Убийца придумала бы что-нибудь другое.

В соседней комнате полицейские рассказывают бедной Ноно, что Далида созналась. Ноно облегченно возвращается к своим прежним показаниям. Она обожает Далиду, она ее фанатка. Ради нее она дала бы себя четвертовать! Когда Ришар, со своей стороны, узнает, что Далида все рассказала, то чувствует облегчение. Далиду и Ноно освобождают.

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

Выйдя из комиссариата, Дали звонит Ги, чтобы дать ему знать. Он поздравляет ее, объясняет, что другого решения быть не могло. Но Ришар оставался в участке, пока его дело не передадут в прокуратуру.

Следующее, что она делает – звонит своему брату Бруно. Тот немедленно закрывает офис и мчится с Розы на улицу Оршан!

- Я сказала правду! – восклицает она.
- Ее адвокат здесь же; он отвечает:
- Это единственное, что можно было сделать!
- Далида все же продолжает жаловаться:
- Бедный, он сегодня будет ночевать в тюрьме!

Адвокат успокаивает ее. Он этим займется. Ришара освободят под честное слово до процесса.

СМИ, узнав обо всем, наводняют улицу Оршан. Журналисты и фотографы стучат во все двери дома. Бруно, вне себя, выставляет их вон. Это кошмар! СМИ мстят за себя; в прессе пестрят жирные заголовки: «Кровь в доме Далиды!»

В больнице Биша Джоао Ф. лежит в самом тяжелом состоянии. Он признается Марии, что Ришар стрелял в него намеренно. Он должен выдержать несколько операций. Ему уже извлекли пулю из позвоночника, но в спинном мозгу образовался тромб; левая нога парализована. Мысль об этом бедняге, невольной свидетельницей драмы которого она стала, преследует ее днем и ночью. Она думает только о нем. Она отменяет все встречи, все концерты. Ей кажется, что она сходит с ума. Ришара временно освобождают до судебного процесса.

Однажды днем я с удивлением заметила, что наш Будда, который стоял на виду в глубине галереи, поврежден! Кто-то отломал палец, чтобы проверить, не подделка ли это! Накануне вечером мы принимали друзей, но никто не был способен на такой мерзкий поступок. Никто, кроме Ришара! Действительно, он же бывал у нас в гостинной. Он постоянно приходил к нам, даже когда мы с Ги работали. Он чувствовал себя как дома. Он ждал, когда придет Ги в перерыве между консультациями, чтобы поздороваться с ним. Как ребенок, который приходит поцеловать отца.

При виде Будды я пришла в гнев, взяв в свидетели секретаршу:

- Посмотрите, что сделали с Буддой!

Секретарша встала, подошла ко мне и подтвердила повреждение. Видя ее расстроенное лицо, я еще больше разозлилась:

- Будда накажет того, кто сделал эту гадость! Это не принесет ему удачи!

Ришар, услышав мой голос, вышел из гостинной и неуверенно подошел к нам:

- Что это с тобой?
- Что со мной? Я в ярости. Кто-то отломал палец Будды!
- Ты уверена, что он не был таким раньше?

- Ты издеваешься? Посмотри! Его сломали совсем недавно! Я тебе обещаю, я говорю при свидетелях. Очень скоро я узнаю, кто это сделал. Знаешь, как? – говорила я, метая

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

молнии взглядом. – Потому что с ним случится большое несчастье! Это будет знак для меня! Я навожу заклятие: пусть Будда накажет его!

Лицо Ришара исказилось; он бросил мне:
- Тебе не стыдно кидаться такими угрозами?
- А тот, кто испортил статуэтку? Ему не стыдно?

Ги вышел из своего приемного кабинета и увидел в холле маленькое собрание. Он удивленно приблизился к нам.

- Что происходит? Почему ты повышаешь голос? Ты забываешь, что я здесь работаю!
- Смотри, что сделали с Буддой!
- Это не причина, чтобы приходить в такое волнение! Дайте мне спокойно поработать.
- Ты обвиняешь меня? – сказал Ришар.
- Говорю тебе, что Будда отомстит за себя!
- Прекратите, вы оба! Вы ссоритесь, как двое детей. А тебе не стоит устраивать такую драму из-за своего Будды!

Он повернулся к нам спиной и вернулся в офис. Ришар сердито откланялся.

Телефон зазвонил около 21 часа. Тревожный голос Дали раздался в трубке:
- Алло! Моя Жакотта? Ришар у вас?
- Нет!
- Я очень переживаю, он не вернулся домой. Не в его привычках приходить поздно без предупреждения. Я так волнуюсь. Дай мне Ги!

Ги взял трубку, попытался успокоить Дали. Он тоже казался очень озабоченным, когда положил трубку.

- Полиция не забудет так легко эту драму, когда он выстрелил в упор в того бедного парня, который все еще в больнице! Надеюсь, с Ришаром ничего не случилось!

Прошло несколько минут, прежде чем Дали снова позвонила, в слезах:
- Ришар в тюрьме! Полиция задержала его, когда он вышел от вас! – рыдала она.

Дрожь пронзила меня: месть Будды!

Далида сделала все, чтобы вытащить его из тюрьмы. Но когда он вышел, все изменилось: Дали устала и больше не могла его терпеть. Ее все время преследовал образ бедного молодого человека, который перенес три операции. Джоао Ф. поправился; но у него навсегда останется девятнадцатиметровый шрам на животе и частичный паралич. Из-за этого несчастья ей снились кошмары по ночам.

Она взглянула по-новому на любимого человека, флер был сорван; она увидела его истинное лицо, каким он был: яростным, необузданным до безумия! Ее жизнь с ним, ее любовь к нему тихо угасли. Она знала, что не будет жить с Ришаром в своем Дворце, увешанном коврами, на улице Перронне в Нейи. Бедная Далида, прекрасная египетская богиня с открытым сердцем... Еще один выстрел в ее сердце!

После выхода из тюрьмы Ришар становится все более несносным. Она отдаляется от него и мало-помалу отвергает любовь, которую он ей дает. Она больше не желает его. Понимая это, он все больше срывается. Дали занимается его условным освобождением, оплачивает большой залог. Она сделала все, чтобы вернуть его на верный путь, но сейчас уже не может, он зашел слишком далеко. Этот выстрел, без конца звучащий у нее в памяти, убил ее любовь. Она решает оставить его, она говорит об этом. Он шантажирует ее самоубийством.

Тогда она опять уступает и прощает. Увы, в последующие месяцы Ришар, вместо того, чтобы всеми силами пытаться снова ее завоевать, делает прямо противоположное. Он нагромождает страшные ошибки, одни плачевнее других. Он открыто обманывает ее, как с женщинами, так и с мужчинами.

Однажды мы были у бассейна в Сан-Тропе. Ришар ушел на прогулку. Может быть, снова готовить очередную пакость! Дали попросила совета у Ги. Она хотела расстаться с Ришаром, но жалела его. У него не было ни положения, ни денег, она не хотела бросать его вот так.

Я еще слышу, что ответил мой муж:

- Если ты задаешь мне этот вопрос, значит, ты его еще любишь. Фрукт не созрел. Когда созреет, он упадет сам.

Действительно, Дали еще любила его, хотя страсть угасла. То пламя, что ослепляет, заставляет забыть о нравственности, логике, рассудке.

Ришар появляется у нас дома сразу после полудня. Ги на консультации. Ришар ждет, когда кончится его встреча, чтобы спросить, может ли он взять меня с собой и прокатить на новой машине, последней модели «Ламборгини» - подарок бывшей любовницы, которую он знал в молодости. Эта дама, кажется, занялась им после выхода из тюрьмы. Судя по этому подарку, он до сих пор сохранил с ней хорошие отношения...

Ги зовет меня в офис, чтобы спросить мое мнение. Я соглашаюсь, это забавляет меня, тем более что Ришар показал мне в окно свою новую блестящую игрушку, припаркованную перед домом. Вокруг автомобиля уже собралась толпа.

- Доверяю ее тебе, но будь осторожен! Она – вся моя жизнь, - ответил Ги.

Он не знал, как верно сказал! Я испугалась за свою жизнь. Мне пришлось в полной мере испытать на себе его нездоровую натуру, которая теперь страшно смущала меня. На шоссе, на скорости 250 км в час, Ришар сделал мне страстное признание в любви, вилля между сигналившими грузовиками. Он жал на двигатель до упора, чтобы испугать меня.

- Ты безумец, ты убьешь нас!

- Да, я безумец, я без ума от тебя! Я хочу умереть с тобой.

И вот он мчится во весь опор. Мне казалось, что я в металлическом гробу. Автомобиль был очень низким, я видела колеса грузовиков на уровне нашего окна. Продолжая мчаться, как псих, каким он и был, Ришар кричал мне, что я должна оставить мужа, что он слишком стар для меня, и т.д. Я была пленницей этого ненормального, я пережила кошмар. Нужно было успокоить его, но как? Он не слушал меня, гул мотора перекрывал мой голос. Мне в голову пришла идея; я завопила:

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

- Остановись, Ришар, меня тошнит!
- Он немедленно поехал тише.
- Подожди, держись, я выеду на обочину.

Сработало! Он так испугался, что я запачкаю его прекрасную игрушку. Я разыграла комедию до того, что наклонилась к его костюму. Он отвез меня домой, сказал Ги, что я плохо переварила завтрак, что я чуть не испачкала его автомобиль.

- Как странно, - ответил Ги. – Ей никогда не бывает плохо в машинах.

Когда он ушел, я во всем призналась мужу. Не в первый раз Ришар вел со мной страстные разговоры. С тех пор, как Далида его покинула, он хотел заставить ее ревновать, это была некая месть с его стороны; она больше не желала его и отвергала. Это приводило его в ярость. Со мной у него не было никаких шансов, и он это знал. Я не люблю подбирать объедки после подруг, их любовники для меня не мужчины. И, хотя он и был очень красивым парнем, он никогда меня не привлекал. Его поведение казалось мне гротескным. Это был король лгунов, он много фантазировал и хвастался, что он любовник некоторых моих близких подруг. Это была совершенная ложь, они не могли бы его терпеть. Для них это был душевнобольной человек, и они сочувствовали Дали.

Дали знала о его изменах, тем более что по моему совету она установила у себя перехватывающую телефонную связь, чтобы уличить Ришара. То, что она слышала, наполняло ее страхом. Его мерзкие поступки могли лишь усилить неприятие, которая она чувствовала к нему. Но ей было трудно бросить его на произвол судьбы. После девяти лет совместной жизни она не могла так жестоко выставить его за дверь. Она все-таки провела с ним прекрасные годы, такое не забывается. Вот так она еще находила для него слабые оправдания...

Я жалела этого бедного Ришара. Грустно было видеть, как человек так опускается. Без любви Дали его жизнь покатила вниз... Пока он не оказался на дне.

Нас пригласили в ресторан «У Грациано» на Монмартре, чтобы отпраздновать день рождения Дали. Ришар пошел на риск. Нас было двенадцать человек за столом. Я сидела напротив него. Я помню, что я волновалась, глядела в сторону. Он начал говорить мне нелестные замечания, но, зная его, я не обращала на это внимания. Ни в коем случае я не хотела испортить Дали день рождения.

- Что это с тобой сегодня вечером? Почему у тебя такое лицо? – говорил он сердитым голосом.

Я опустила глаза в тарелку, красная от стыда. Люди вокруг него странно на меня смотрели. Я избегала его взгляда, смотрела в никуда. Видя мое равнодушие, он взорвался:

- Что это ты засмотрелась на того типа? Он тебе нравится? Думаешь, я не вижу твоих уловок?

Мне казалось, я вот-вот провалюсь сквозь землю. Я чувствовала взгляды Дали, Ги. Я знала, что Ришар ждал моей реакции, он хотел драмы, я была его жертвой. Бесспорно, он желал, чтобы Дали усомнилась во мне, чтобы Ги устроил мне сцену. Он потерял Дали, он

хотел разрушить все вокруг себя. Но я не давала отпор, я ни за что не хотела подарить ему шанс устроить скандал. Я думала, что Дали и Ги не придадут значения этой сцене.

Но Бруно говорил со мной об этом, уже после того, как все трое умерли. Он был там, он присутствовал при сцене ревности, которую Ришар мне устроил. Ги сказал Дали: «*Если бы это не был твой день рождения, я бы сломал ему шею!*» Бруно признался мне, что был уверен, что я любовница Ришара, судя по тому, как он вел себя в тот вечер.

После этого разговора с Бруно я подумала о своем муже. Почему в тот вечер он не потребовал у меня объяснений? Почему остался при своих сомнениях? Поразмыслив, я уверена, что он разгадал эту макиавеллевскую игру, затеянную, чтобы он потерял меня. Он был врачом, психиатром, он понял, что Ришар хотел разлучить нас. Отсюда его молчание.

После этой сцены я держалась на большом расстоянии от Ришара. Мы все чаще видели Дали без него. У нее начиналась своя жизнь, а у него своя, но он все еще жил под ее крышей. Именно тогда она встретила великого человека.

Конечно, Ги был в это посвящен, в отличие от меня. Она приходила ужинать к нам домой, одна. Она была очень оживленной, мне нравилось видеть ее такой. Она была влюблена в очень интересного человека, которым восхищалась. В нем было все, что она любила. Он был женат, но его брак был свободным. Он женился очень молодым, и положение не позволяло ему развестись... Обычное дело.

Я знала, что его зовут Франсуа... Она часто приходила к Ги, спорила с ним в его офисе. А меня держали в стороне от этого таинственного романа. Мой муж хранил профессиональную тайну. До того дня, когда я бросилась в атаку за ужином в кругу семьи:

- Твой Франсуа случайно не носит на груди сине-бело-красную кокарду?

Дали покраснела, как школьница.

- Ш-ш! – сказала она, понизив голос из страха, что ее может услышать наш слуга Дьялло, подававший на стол. - Об этом никому нельзя говорить.

Как Ришар, такой ревнивый, такой пронырливый, ни о чем не подозревал? Это тайна влюбленной женщины. Зная Ришара, можно предсказать, что узнай он об этой идиллии, он заставил бы все взорваться, как бомбу. И какую бомбу! Но, как ни странно, все происходило тихо до того, как она рассталась со своим любимым чудовищем...

Далида парит в облаках. Роман с Франсуа Миттераном дал ей крылья, веру в себя. Это был соблазнитель. Он привлекает, конечно, не своей внешностью. Его красота заключается в другом, в харизме, которую он излучает, в глубине его личности, в его уме, культуре, власти. Его загадочный взгляд источает очарование, которое он умеет тонко использовать. Столько достоинств, покоряющих исключительных женщин, которые живут на другой планете, которым нужен абсолют... Далида, побежденная этим великим философом, со своей характерной стремительностью начинает читать все его произведения, которыми наслаждается, как гурман. Она хочет доказать ему, что она не только певица! Он к тому же поэт, и одно его стихотворение она знает наизусть... Она читает его Франсуа. Он польщенно слушает:

Капля за каплей, искушение проникает и побеждает,
Каждый хочет освободиться сам,
Растет и мужает.

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

*Гранат ждет, пока может,
Потом лопается. Итак, это неизбежная победа
Познания.
И вот я твой,
Я тебя люблю, ты меня любишь. Поцелуй меня,
О, мир, которого ждут с самого начала.
Длинные струи яркого солнца
Принесут свое послание Счастья и Красоты.*

Франсуа Миттеран придерживается своих границ с женщинами. Он знает, что он не особенно красив, вовсе нет, но он великолепно владеет своей аурой, харизмой. И он играет этим, великий соблазнитель! Своей нежностью, любезностью, разговорчивостью, которые характерны только для него. Он умеет говорить с женщинами, покорять их, потому что он любит их всех!.. Он действует на них своим особенным обаянием, и немногие могут устоять... И Далида не устояла перед ним. Ее интересует не политический деятель, а просто мужчина, все то, что он собой представляет.

Он часто звонит в последнюю минуту, чтобы попроситься на ужин:
- У меня два свободных часа... Я хотел бы пожевать с тобой морских продуктов...

Когда он приезжает не на такси, он едет на машине и паркуется на улице Лепик. Он часто приезжает один, без шофера, без телохранителей. Он сильно рискует, когда не находит места и вынужден делать большой крюк! Он галантно приносит ей розы. Очень шаловливый, он счастлив, как школьник, который прогуливает уроки...

Он любит жизнь, полон юмора, он получает безумное удовольствие, приходя инкогнито, надев кепку, когда обязывает погода. Он все время сомневается в своей внешности и часто спрашивает ее: «Мне это идет?»

Его загадочный взгляд глубоко ее волнует; ей хорошо с ним, потому что он всегда улыбается, всегда в хорошем настроении, в отличной форме. В неофициальной обстановке он очень прост, но обладает аурой, внушающей уважение. У него большое чувство юмора, он любит играть и рисковать! И он действительно рискует!

Однажды утром она проснулась от адского шума с ее улочки. Это стук отбойных молотков. Рабочие ставили фонари. Приказ секретных служб... Они боялись засады для Президента...

Несмотря на власть, в личной жизни у него была маленькая слабость, недостаток уверенности в себе. Ему нужно было все время спрашивать, все ли хорошо... Он хотел быть идеальным во всем. Дали удивляло, что такой мужчина, как он, ведет себя так. Возможно, именно с помощью этого разгромного аргумента он укладывал женщин в свою постель, этот Казанова!

Он считал, что если лишать себя удовольствий жизни, даже запретных, это обедняет человека... Это был его способ оправдания...

Далида пыталась соблазнить сильного мужчину, который мечтал в детстве стать королем или папой! Он воплощал лучшее, на что она могла надеяться: силу, отца... Он ведь стремился стать однажды отцом нации! Навечно войти в историю Франции. Отметить собой после генерала де Голля XX век! Тот, кого назовут «Богом»!

Мы с мужем регулярно присутствовали на ужинах на улице Оршан, с Даниэль Миттеран, ее сестрой Кристин Гуз-Реналь и мужем этой последней, Роже Анином. Меня поразила любезность, ласка, простота Даниэль Миттеран. Она вела себя со мной как член семьи, это была любовь. Я навсегда сохраню бесконечную нежность по отношению к этой даме. Она была для меня необработанным алмазом, который ничто не могло повредить. Я все еще вижу ее, как будто это было вчера, в платье с воротником от Клодин и маленькими пышными рукавами; она походила на маленькую девочку, она казалась такой ранимой. Несмотря на огненный темперамент, позволяющий ей бороться за идеи, которые были ей близки, она вызывала у меня мысли о заблудшей овечке среди политических волков... Однако, не стоит доверять овечкам, которые живут с волками... Это правда! Она подтвердит свой сильный характер, будет упорно отстаивать свои идеи на протяжении всего своего пути в политике, вплоть до сегодняшнего дня!

Я помню, она очень восхищалась своей старшей сестрой, по отношению к которой вела себя покорно. Как и Роже Анин. Кристин властной рукой управляла семьей. Роже был рядом с ней как маленький щенок. Я удивлялась этому. Может быть, это разница в возрасте придавала ей такую властность? Я безмерно уважала ее; она тоже прекрасно относилась ко мне. Мне нравилось быть с ней, она сияла, была очень умна. Это была женщина больших достоинств, верная дружбе.

С ними мы проводили в узком кругу приятные минуты счастья. Очень близкие, очень радостные, можно сказать, мы общались запросто. Мы с Ги обожали их общество. Смутенная ситуацией, которую Дали усердно поддерживала, я задавалась вопросом: а знали ли они о ее романе с Франсуа Миттераном? Не может быть, чтобы они были так слепы, они ведь постоянно были вместе.

В вечер президентских выборов 10 мая 1981 года, около 19 часов 45 минут, зазвонил телефон. Я готовила ужин, трубку снял Ги. В телефоне раздался радостный голос Дали:
- Мой Ги! Миттеран – Президент Республики!

Ее голос дрожал от восторга, когда она поспешно объясняла ему, что находится сейчас в Абу Даби. Жак Аттали только что позвонил ей и сообщил хорошую новость. Он посоветовал ей хранить секрет до 20 часов. Секрет? Она уже предупредила своего брата, который был с Паскалем Севраном. Повесив трубку, она тут же рассказала своим музыкантам, не все из которых разделили ее энтузиазм...

Когда 21 мая 1981 года Франсуа Миттеран, новый Президент Республики, поднимался по улице Суффло к Пантеону. Его лицо было серьезным, восковым, уже застывшим, как некая непроницаемая маска. Было ли это выражение заученным, или он уже осознал ответственность, которая ляжет на него? Власть Президента Республики – высший эшелон, но и самый головокружительный. Достаточно слегка оступиться, чтобы упасть в пустоту...

Далида, в первом ряду, между Гастоном Деферром и Вилли Брандтом, ликовала, размахивая красной розой в руке... Ее пылающие волосы, розовый костюм выделялись в толпе. Она не осталась незамеченной...

Через несколько часов, на площади Звезды, в машине, вместе со своим братом, Максом Гуадзини, руководителем радиостанции NRG, и Антуаном, верным секретарем, она отправлялась на передачу Ги Люкса. Разбушевавшаяся толпа ее узнала. Люди окружили

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

машину, выкрикивая ее имя, стуча в стекла. Она вышла из автомобиля, торжествующая, рискуя, что ее затолкают. Но люди, опьяненные счастьем, понесли ее на руках с криками:
- Это подруга нашего Президента!

Далида старалась не показывать им свою панику, она поняла феноменальный размах своей новой роли. Она разрывалась между радостью и страхом, охватившими ее. Она взяла положение в свои руки, и по-хорошему попросила:
- Пропустите меня. Я сильно опаздываю на мою передачу.

Толпа почтительно расступилась. Ее сердце наполнилось ликованием. Она чувствовала, что входит в новый мир. Пустоту, оставленную Ришаром, она заполнит новым вызовом, который бросит судьбе. Неординарная, страстная женщина, вечно в поиске абсолюта. Она никогда ничего не делает наполовину, всегда идет до предела. Ей нравится прищипывать свою жизнь, чтобы вызывать грандиозные, невероятные ситуации. Сейчас она в розовых облаках...

На другой день пресса всласть награждает ее нелестными прозвищами. Ее называют «советчицей Президента», «розовой пантерой». Нового Президента Республики тоже не щадят. Его непочтительно прозвали «Влюбленным Мими».

Они оба оказались под яркими огнями прожекторов, которые хотят сделать их смешными, испепелить их...

Она закружилась в вихре нового эпизода своей жизни, мы видели ее все реже и реже. Новые друзья из правительства завладели ею. Она была в полной эйфории. Считала ли она себя новой Марианной Республики – она, эмигрантка из Египта, рожденная в каирском квартале, в Шубре? Какой реванш после кошмарного детства и фантастического пути ее судьбы!

Понемногу, вдали от нас, она знакомится со всеми членами правительства, она держит для них дома открытый стол. Она тратит состояние на свои роскошные обеды, чтобы как следует приветствовать своих гостей. Бруно польщен, но встревожен, видя, как его сестра с головокружительной скоростью проматывает свои деньги. Когда он мягко делает ей замечание, она ставит его на место. Кому нужны эти низменные материальные заботы! говорит она ему. В ее жизни открывается новая страница. Ее считают не просто певицей!

Изменив свои привычки, она очень часто выходит. Она попала в политическую вселенную, которая опьяняет ее, она в эйфории, которая совсем на нее не похожа. Иоланда в шкафу, Далида в вестибюле, «Марианна родилась»...

Я смотрю на ее новое ликующее лицо. Я не узнаю ее! Когда она приходит к нам, она много говорит, оживляется, цитирует знаменитые имена своих новых друзей. Ги, видя ее такой радостной, грустно качает головой и советует ей:

- Берегись, моя Дали, ты обожжешь себе крылья. Ты слишком хрупкая, эти люди опасны! Они воспользуются твоей известностью, твоей популярностью, а потом забудут о тебе. Твое присутствие рядом с ними – это неожиданный крупный козырь! Семь лет назад факелом для них послужила Жюльетт Греко...

- Да нет, ты ошибаешься! То, что со мной случилось – прекрасно. Шанс моей жизни!

- По крайней мере, думай о себе. У меня в этом много опыта, я знаю жизнь, людей. Это моя профессия. Я редко ошибаюсь в своих диагнозах... Но я ничего не могу сделать для

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

тебя, когда ты сейчас в таком состоянии. Нельзя требовать от слепого, чтобы он увидел, от глухого – чтобы услышал...

Наедине она приглашала его на ужины в Елисейском дворце и у себя дома, но без меня! Ссылаясь на то, что я симпатизирую правым, и что я, с моим огненным темпераментом, способна делать заявления, высказывать свое мнение! Мой муж, шокированный, разумеется, отказался.

Когда он сказал мне, по какой причине она держала нас в стороне, я улыбнулась. Дали хорошо меня знала. В самом деле, во время беседы с политиками я могла бы задавать им неудобные вопросы или открыто высказать свою точку зрения, хотя я и не имею дело с политикой. Она улыбалась, когда я говорила им, что один батон... нельзя разделить на пятьдесят человек! Весь мир был бы голоден и недоволен! Это был мой образ Франции. Прежде чем перестраивать ее, необходимо было упрочить расшатанный фундамент, то есть:

Я выступала за всеобщее равенство сверху, чтобы у каждого был шанс.

Я была против попрошайничества, но за то, чтобы дать работу тем людям, которые хотят выбраться, чтобы вернуть им достоинство и шанс преуспеть в жизни.

Я была за то, чтобы государство полностью взяло на себя заботу о больных, инвалидах, пожилых людях, детях и т.д.

Я была за то, чтобы всех эмигрантов без исключения оформляли по закону, всех порядочных, трудолюбивых, компетентных, и чтобы тех, кто приезжает к нам за изживенчеством, отправляли обратно, ничего не давая взамен.

Я за то, чтобы в нашей чудесной стране люди находили счастье, радость жизни. Я знаю, о чем говорю, у меня есть хорошие примеры. Я внучка итальянских эмигрантов, мои бабушка и дедушка получили признание во Франции. Франция приняла их, дала возможность работать и выжить. Они были итальянцами, но французами в душе! Мой муж работал 14 часов в день! Я поняла, что успех требует большой работы! Это не тайна. Я была поражена в тот день, когда узнала, что государство все больше наказывает тружеников, буквально давит их все более непомерными налогами. Некоторые, отчаявшись, покидают Францию, чтобы жить в другом месте, где мечтать еще не запрещено. Какой пример имеют перед собой молодые люди? Будущее закрыто. А когда они находят какую-нибудь работенку, то получают нищенскую зарплату, и по максимуму социальных обязанностей! Почему вы хотите, чтобы они работали на правительство?

В некоторых штатах Америки, а именно во Флориде, для тех, кто берет кредит на покупку холодильника или автомобиля, стоимость покупки вычитается из налога. Хитрый способ вертеть экономику страны, внушить людям желание работать и тратить деньги по своему, чтобы позволять им мечтать и наслаждаться жизнью!

Вот чего я хотела для своей любимой страны, и чего я хочу до сих пор. Но это всего лишь утопия, а, к сожалению, отнюдь не программа наших политиков.

Далида, будучи тогда наивной, говорила мне, что Франсуа все это изменит! Даже если бы он и хотел, то не смог бы. Не он один командовал в правительстве!

Она была права, держа меня подальше от этого окружения. Все это были болтуны, жадные до власти. Когда же дошло до дела, ни одному не хватило смелости выполнить свои прекрасные обещания. Некоторые, наиболее порядочные, попытались. Их прогнали...

Вот почему я не обиделась, что она держала меня в стороне; моя искренность сыграла бы со мной дурную шутку... Я была тронута, когда она повторяла нам, что Кристин Гуз-Реналь была встревожена нашим отсутствием:

- С тех пор, как Франсуа стал Президентом Республики, мы больше не видим Питчалей!

Увы, то, что должно было случиться, случилось! Далида стала стеснять Миттерана. Главным для него была власть. Я думаю, что близкие тоже начали покидать ее. Политики, которых она считала друзьями, оставили ее... Она становилась слишком навязчивой. В Елисейском дворце чувствовалась неловкость, тем более, что пресса, радио и телевидение издевались над ней, осыпали насмешками. Она стала жертвой шансонье. Вокруг ее имени звучали шуточки. Президента называли не иначе как «Влюбленный Мими». А ее – «шлюхой Президента». Возле дома на Монмартре люди через стену бросали в ее сад оскорбительные записки. Там были бесчисленные ругательства, смертельные угрозы. Даже улицы Монмартра, ее дом в Нейи были засыпаны записками, изрисованы надписями: «Грязная шлюха Миттерана». Какой кошмар для нее! Ее брат Бруно распорядился убрать все это. Он даже поставил в известность друга, Бертрана Деланоэ. Далида была за границей и не знала обо всех этих происках. По крайней мере, так он думал, но ведь даже в Елисейском дворце ее отвергали. Женщины презрительно на нее смотрели. Она была «приближенной Миттерана»! Мужчины позволяли себе открыто ухаживать за ней. За ее спиной насмеялись. И потом, как она посмела расхаживать, словно победительница, в Елисейском дворце? Это шокировало. За кулисами сплетничали вовсю.

Далида поняла, что весь этот бомонд видит в ней вульгарную куртизанку, которую нужно бойкотировать.

Она скрывалась у себя дома, вся в слезах, как ребенок, который после шалостей прячется дома у родителей. Моя Иоланда появилась снова! Как обычно, мы были с ней, чтобы утешить, сказать, как мы ее любим. Она снова нашла у нас защиту, поддержку, большую дружбу, которая никогда не изменится.

Однажды она звонит мне, вся взбудораженная. Она выступает в «Игре Истины». Очень популярная передача, в которой знаменитости должны говорить только правду.

- Моя Жакотта, знаешь, что случилось? Франсуа только что передал мне письмо через двух мотоциклистов.

- Письмо? А где ты?

- На телевидении! Понимаешь, он так боится, что попросил меня в письме ничего не рассказывать об отношениях с ним.

- Это рискованно. В панике он сам выдал себя. Послать тебе с мотоциклистами личное письмо от Президента Республики – он же сам подписал приговор!

Взрыв смеха в телефонной трубке.

- Ты скажешь правду в передаче?

- Конечно, нет!

- Так ты не сыграешь в игру истины? – подтруниваю я.

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

- Нет, разумеется! Но может быть, однажды, я смогу использовать это письмо! - говорит она в шутку.

В тот вечер я приклеилась к телевизору, чтобы посмотреть, как выпутается моя старшая сестра. Я очень волновалась за нее. Но она вышла из ситуации восхитительно.

Если я говорю об этом сегодня, то потому, что однажды недоброжелатели могут исказить правду, замарать ее. Впрочем, для многих, как это бывает в политической среде, это секрет Полишинеля.

Она пережила с ним прекрасную историю любви. Он был влюблен в нее, как школьник. Как только он освобождался по вечерам после совещаний, он ехал к Дали на Монмартр. Он обожал любовные ужины при свечах. Это был великий соблазнитель, полный обаяния. Их разлучила власть. Мужчина, которого она любила, переделся в костюм Президента. Она, конечно, ожидала этого, но все равно от этого романа в душе осталась огромная рана. Ее очаровал пылкий, внимательный мужчина, эстет, философ, мыслитель, поэт, а вовсе не политик! Ее обычное простодушие, далекое от реальности, заточило ее в мире власти. Она не знала ни о подводных рифах этого мира, ни о деспотизме, ни о чрезмерности, ни о догмах, ни о смертельных укусах...

День за днем я замечала, что ее азарт становился все более напускным. Наши роли поменялись, теперь я была ее старшей сестрой, когда она пряталась в моих объятиях! Меня поражала ее наивность по отношению к людям. Она верила, что те, кого она уважала и кем восхищалась, были неспособны на предательство. Ее горе было необычайно сильным, ведь это была открытая рана. Она так хотела быть любимой. Когда она разочаровывалась, то невыразимо страдала. Но она гордо скрывала страдание от своих близких. Со мной все было по-другому, она была самой собой, она знала, что я ее люблю, что я ее понимаю.

Я любила, когда Иоланда показывала мне свою привязанность, я нуждалась в этом. Я редко звонила ей, не хотела ее беспокоить; я знала, что она очень много работает. Чаще всего именно она напоминала о себе. Она знала, что может позвонить нам в любую минуту дня и ночи. Это успокаивало ее. Если она забывала позвонить, мы ни в чем ее не упрекали. Лучше было знать, что она счастлива вдали от нас, чем несчастна с нами.

Мы с ней были очень романтичными. Обнявшись, мы доверяли друг другу наши разочарования, личные тайны. Ей так нужно было знать, что я люблю ее ради нее самой, сбросить этот панцирь, который на самом деле не подходил ей! Этот легкомысленный костюм, украшенный блестками и стразами. Со мной она была настоящей, неподдельной. Немногие знали ее такой. Мне нравилось ее простодушие, такой она была еще трогательнее, еще искреннее. Она была солнечной, она ослепляла меня. Она находила во мне любовь сестры, наперсницы. Мы чудесно понимали друг друга, потому что я уважала ее больше всех. С моим мужем, с друзьями, она была другой, более... да, именно так... более Далидой... Она часто повторяла мне: «Когда я вижу тебя, моя Жакотта, ты даешь мне силы!»

После разочарований, чувствуя себя обманутой, Дали продолжает потихоньку жить своей жизнью. В ней что-то сломалось. Она понимает, что если преуспела в профессиональной жизни, то как женщина потерпела неудачу. Она уже в начале осени, без ребенка, без настоящей любви. Она боится одинокой старости. Но она еще прекрасна, она не вы-

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

глядит на свой возраст. Годы скользят, не задевая ее. Когда она оглядывается на пройденный путь, у нее кружится голова. Она все время сбивалась с пути, идя по своей жизни, полной ловушек. Она как никто умеет укрощать ураганы, бороться с землетрясениями. Жизнь никогда не дарилась ей подарков. Люди не признают, какого колоссального труда стоило ей подняться на вершину! Какая нужна была смелость, сила, упорство!

Она начинает сомневаться в себе, она боится грядущих лет, которые будут делать ее все слабее. Но она бросает себе новый вызов: ей нельзя сдаваться на этом новом этапе своей жизни, на этом головокружительном повороте. Она боится зеркала, ведь молодость осталась позади... Она решает изменить внешность. Она доверяет свою прекрасную огненную шевелюру постоянному парикмахеру. Катастрофа! Когда она смотрится в зеркало, то больше не узнает себя! Желая следовать моде, сделать себе более современную прическу, помолодеть, она потеряла одно из своих лучших украшений!

По вечерам она плачет перед зеркалом, в котором отражается другая женщина! Она бессознательно наказала себя! Она вспоминает, что мать коротко обрезала ей волосы, чтобы наказать за тайное участие в конкурсе «Мисс Ундина»! Скандал в итало-египетской семье! Она решилась раздеться, как девушка легкого поведения!

Слишком поздно она понимает, что пожертвовала частью своей женственности. Она чувствует, что отчасти изуродовала себя. Ее новый парикмахер и друг, Жорж Сен-Жиль – которого, увы, больше нет с нами – замечательный и очень талантливый молодой человек, несколько приводит в порядок ее прическу с помощью ловкой стрижки, и исправляет ошибки своего коллеги.

Небо создало ее для многих жизней! Как огромная арабеска причудливой формы, полная сюрпризов и всяческих поворотов, Дали хотела устремлять свои мечты к звездам, любила греть сердце на солнце. Одни ее мечты сбылись, другие оборвались и исчезли в пустоту... Не раз ее сердце обжигалось на солнце. Обожженное снова и снова, оно хранит глубокие шрамы...

Ее путь напоминает мне детскую сказку, которую я могла бы читать моим внукам, Виктории и Ванессе:

«Когда она родилась, две феи склонились над ее колыбелью. Злая и добрая. Они долго воевали, и злая победила. Она махнула волшебной палочкой и превратила ребенка десяти месяцев в настоящего уродца. Она поразила ее глаза, хотела отнять зрение. Девочка выдержала много операций, чтобы спасти глаза, но осталась такой близорукой, что ей пришлось носить ужасные огромные очки. Зная о своем уродстве, эта четырехлетняя девочка, которую отвергали товарищи, пряталась в одиночестве, пока не стала взрослой девушкой. Злая фея тяжело заболела и умерла. Добрая фея узнала хорошую новость и поскорее вернулась к своей подопечной! Ей столько нужно было наверстать! Она вылечила ее глаза, создала ей прекрасную фигуру, подарила красивые волосы, красивый голос... Дала ей ум, обаяние. И все остальное, чтобы прожить исключительную жизнь... Она дала ей в руки возжжи, чтобы править судьбой, и сказала:

- У тебя есть красота, ум, и все, что нужно, чтобы встретиться с любовью и самыми сильными бурями. Теперь ты сама должна решать свою судьбу!

Фея навсегда исчезла с ее пути. Иоланда, сильная, смелая, должна будет встретить свою судьбу...»

Я была знакома с Дали в личной жизни, и я знала, что она не такая, как все, что она другая. Инопланетянка на этой земле. Она казалась мне волшебной. Она была разносторонней. Она приспособливалась к каждому человеку. С каждым она была разной!

Но Иоланда никогда не забывала, откуда она приехала, кем она была.

Ей было тринадцать лет, когда умер ее отец. Несмотря на юный возраст, она уже начинала мечтать о побеге в своей синей комнатке, где она закрывалась, чтобы уйти в свою фантастическую вселенную. Она представляла себе, что станет взрослой и очень красивой девушкой, что встретит прекрасного молодого человека, который безумно в нее влюбится. Он увезет ее в далекую страну, прочь от этой нищеты. Он будет милым, щедрым, и ничуть не сердитым, как ее отец!

В 15 лет она, как все девушки, начала становиться кокеткой. Ее фигура вырисовывалась, принимала красивые формы. Она променяла свою мальчишескую одежду на облегчающие платья, позволявшие любоваться ее новым силуэтом. Ее мать была на седьмом небе. Она с облегчением заметила, что дочь стала женственной. На мизерные средства она шила ей своими руками феи восхитительные платья, чтобы ее Иоланда была самой красивой. Она видела, что у дочери прекрасная фигура; жаль, что ужасные очки ее уродуют! Может быть, однажды будет новая операция, и докторам удастся ей помочь?

У Иоланды была чудесная подруга, которой она восхищалась: Миранда, большая мечтательница. Миранда читала журналы о личной жизни звезд, и копировала их внешность. Хотя и считая себя очень некрасивой из-за проклятых очков, Иоланда подражала подруге и позе, которую та принимала, чтобы покорять мальчиков. Миранда была с ней очень мила. Однажды, когда Иоланда жаловалась на свои трудности, она посоветовала:

- Сними их!

Иоланда сняла, но вокруг нее все расплывалось.

- Ты привыкнешь, уверяю тебя! – настаивала Миранда.

В этот момент мимо них прошел молодой человек. Он внимательно посмотрел на Иоланду.

- Видела, как на тебя смотрел этот красавчик?

- Да, в самом деле, - удивленно сказала она.

Она заметила взгляд молодого человека. Она видела без ужасных очков! Она немедленно выбросила их, вызвав восторг подруги. Она поклялась себе, что больше никогда, никогда не будет их носить! Она всегда будет благодарна за это своей подруге.

Она видела еще, как приехала в заснеженный Париж рождественским вечером 1954 года. В карманах пусто, но голова полна мечтаний... В самолете она тренировалась подписываться по-новому: «Далила». С тех пор, как она выиграла конкурс «Мисс Египет», ее жизнь изменилась. Ее заметил человек, разглядевший в ней потенциальную звезду. Этот месье Г., поговорив с ее матерью, пригласил ее пожить у них с женой, пока она не найдет удачу в Париже. Этот человек верил в нее, и когда она приехала, представил ее полковнику Х. Тот оказался суровым, страшным профессором. Обещания месье Г. не исполнились, несмотря на всё его желание. Она не хотела навязываться им и поселилась в маленькой комнатке, которую полковник Х. предоставил ей - в мансарде, без отопления, на 8 этаже, на улице Понтье. Он был хозяином дома. Этот угрюмый человек с громким голосом занимался актрисами, манекенщицами. Он подписал с ней контракт, где обязался оплачивать ее расходы. Когда она будет работать, то возместит их.

Но Иоланда очень быстро поняла, что ее красоты недостаточно. В Париже столько красивых девушек! Она держалась, пережила холод, период крутых яиц... Она смешалась с толпой безработных актеров. Одиночество в этой чужой стране, на чьем языке она плохо говорила. Ее акцент был препятствием! Полковник Х. урезал свои щедроты; ей пришлось переехать в еще более маленькую комнатку на улице Жан-Мермоз.

Напротив ее комнаты была квартира красивого молодого человека, очень сдержанного. Он проходил тот же путь, что и она, в поисках роли. Оба они тяжело трудились, чтобы выжить. Это был Ален Делон! Когда она вспоминала эти трудные дни, проведенные с ним, то всегда улыбалась ему едва уловимой нежной улыбкой.

Полковник Х. был непростым человеком; он вел себя с ней жестоко, но добивался результатов. Месье Г. рассказал ему о голосе этой девушки, полковник посоветовал ей работать над ним. Он устроил ей встречу с тремя профессорами, но лишь один оказался подходящим: Ролан Б. Настоящий профессионал, работавший только с артистами, в которых верил!

Когда он увидел Далиду в первый раз, наметанный глаз подсказал, что перед ним необработанный бриллиант! Конечно, было много работы, она не умела петь, но у нее был прекрасный тембр голоса, и большое преимущество: волнующая восточная красота... Так как у нее не было денег, чтобы платить за его уроки пения, он сделал ей скидку, но взамен требовал усердия, покорности, неизменной серьезности. Со своими учениками он стремился к совершенству и не преподносил им подарков. Его техника – выжать из учеников лучшее. Он знал, что эта профессия очень тяжела, он должен был сформировать их соответственно. Слабые уйдут сами...

Но Ролан Б. никогда не был ею доволен, всегда требовал большего. Далида часто не выдерживала, уходила из комнаты в слезах. Она не могла терпеть всю эту тиранию. Но она хотела добиться успеха, она покажет ему, на что способна! И потом, была ведь ее мать, семья, ради которой она должна была держаться во что бы то ни стало! Она писала им, что счастлива, что все хорошо. Знали бы они, что она выносит! Страдания были не такими, как в детстве, она будет бороться до конца, она верила в свою удачу!

Ролан Б. представил свою подопечную хозяйину «Золотого Сукна», эlegantного клуба на Елисейских Полях, который станет потом называться «Распутин». Сначала хозяин не был убежден. Она показалась ему такой же, как все, не представляющей интереса для него. Разве что этот волнующий взгляд... Он попросил ее спеть и был приятно удивлен тембром голоса. Он пережил шок. Это была эпоха мелодичных голосов, но исполнительницы не были так потрясающе красивы, как эта прекрасная девушка! Как профессионал, он понял, что перед ним жемчужина!

Вот так состоялся дебют Далиды. Ей сделали новое неожиданное предложение: хозяин другого престижного клуба на Елисейских Полях, «Виллы д'Эсте», заметил ее и пригласил. Каждый вечер она выступала в обоих клубах, как было принято в то время. Эти ужины-представления научили ее трудной школе эстрады, ведь публика не проявляла большого внимания к ее дебюту...

В «Вилле д'Эсте» она познакомилась со знаменитым писателем и сценаристом, Альбером Машаром. Он впечатлил ее. Они понравились друг другу. Он посоветовал ей изменить последний звук имени на «Д»: Далилу труднее принять, над ней всегда будут подшучивать из-за созвучия имени с Библией!

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

Вместо двух «Л» будут две «Д», как в слове «Dieu», добавил он в штуку. Благодаря этому человеку она нашла имя, которое будто было создано для нее!

После того, как Дали обманулась в своих друзьях из правительства, она перестала общаться с ними, но в ней что-то сломалось. Ее брат Бруно, при виде ее растерянности, подавленности, печали, придумал, как подбодрить ее: он предложил ей спеть «Песню о чемпионате мира», слова к которой он написал вместе с Мишелем Жуво: *«Когда зажгутся огни над мадридским стадионом, Марианна будет горда спеть гимн Руже де Лиля».*

Далида записала ее с хором Оперы. Вот и новый вихрь, ее фотографируют с Платини! СМИ снова начинают атаку, и в прессе заголовки: *«Теперь Далида взялась за наших спортсменов!»*

ТВ, радио, поклонники бойкотируют ее... Она решает сбежать из Франции, чтобы совершить мировое турне и заставить забыть о себе... Так, она выступает в Южной Америке, в Германии, в Польше, в Испании и т.д. Даже в арабских странах, где ее ждет триумф. Шейхи очень любят ее и устраивают ей овацию.

Ее жизнь – действительно вечная битва! Каждый день она должна бороться, чтобы остаться «Далидой»! Верной себе, чтобы не обмануть публику, которая дарит ей прекраснейшую в мире любовь. Она живет ради нее, благодаря ей! Она будет продолжать давать публике лучшее, что у нее есть, всегда, до конца жизни, до изнеможения! Она продолжает битву, чтобы не погибнуть на поворотах своей судьбы. Она сильная, смелая, трудолюбивая, она уже немало повидала! И она победительница! Она падает, но каждый раз поднимается, высоко подняв голову, хотя ее сердце разбито. Она не любит проигрывать, она знает, что в жизни ничто не дается даром, все надо заслужить, и каждый день нужно всё начинать сначала. Зная об этом, она идет в бой, как львица.

Во время ее долгого отсутствия поклонники требуют ее. Она снова оживает. Нет, с ней еще не покончено! Она все красивее и красивее, подземные толчки не изуродовали ее, даже наоборот. Она стала еще более боевой! Моя Дали не сдастся, это восхищает меня. Ее слабость? Отсутствие любви! После разрыва с Ришаром она безнадежно одинока. Может быть, у него были недостатки, но он был очень любящим, внимательным к ней. Всегда рядом, чтобы поддержать ее. Лично я предпочла бы жить одна, чем с таким человеком! Но многие люди так не считают!

«Чтобы не жить в одиночестве...» Одна из ее песен, которую она часто исполняет, отражает печаль ее души.

Когда она возвращается домой, я рада снова ее увидеть. Мне так ее не хватало! Она рассказывает мне истории о своем кругосветном путешествии, которые заставляют меня мечтать. Например, в Абу-Даби она остановилась в самом роскошном отеле, какой можно вообразить в стране Тысячи и одной ночи: «Эмират-Палас». В этом гигантском дворце, полном вычурной, сногшибательной роскоши, ей дали огромный номер! Ее покрывало было покрыто лепестками роз... В ванной комнате были флаконы с кремом и шампунем в виде куполов. На салфетках, на коврах в ванной – лепестки роз. Неслыханная пышность, повсюду маленькие знаки внимания, вплоть до восхитительного молитвенного коврика с вышитой картой, который постояльцы могут забрать на память... С ней обращались, как с королевой!

Когда она вошла в холл отеля после концерта, то заметила группу арабов в традиционной безупречно белой одежде, окруженную телохранителями. Это было так необычно, что она как будто попала на другую планету! Через несколько минут в ее дверь постучал секретарь. Она удивленно посмотрела на него. Он, очень смущенный, сказал ей:

- Принц хотел бы выпить с вами бокал виски. За миллион новых франков. Никакой двусмысленности, само собой!

У нее округлились глаза, она подумала, что ослышалась! Не теряя чувства юмора, она ответила через приоткрытую дверь:

- Скажите вашему принцу, что я люблю только двойной виски!

Она польщенно рассмеялась, одна в своей комнате. Миллион новых франков за бокал виски! Это было слишком, чересчур! Она помнила, как в 1981 году пела в «Олимпии» перед пустым залом, но не совсем... Некий эмир в сопровождении своего секретаря, в окружении телохранителей, был в полном восторге. Он был королевского рода! Каприз эмира принес ей больше, чем полный зал!

Я любила, когда она рассказывала мне о своих путешествиях. Так мне казалось, что я сбегая вместе с ней.

Когда мы уезжали отдыхать, то делили всё. Она помогала мне готовить, накрывать на стол. Как и я, она была домашней феей. Мне не приходилось ни о чем ее просить, она делала все естественно, в хорошем настроении. Мы делили и личную жизнь.

Когда я мыла волосы, она помогала мне накрутить на затылке бигуди. Сама она привыкла накручивать их сама, профессионально! Мы сушили волосы на солнце и болтали. Раньше она пользовалась пластиковым шлемом, который позволял легко передвигаться. Она купила его в Германии, он был очень практичным. Она хотела подарить и мне такой, но однажды случилось серьезное происшествие: шлем загорелся. Шейла, которая была в соседней ложе, подняла тревогу, услышав крики. Ведь Дали, по ее просьбе, была заперта снаружи! Ришар, бывший поблизости, высадил дверь, чтобы спасти Дали из огня! Каким-то чудом ее волосы не загорелись. Далида очень испугалась, и было отчего! С тех пор она, как и я, сушила волосы на солнце, когда мы отдыхали.

Я видела, как она в наушниках внимательно слушает свой курс английского. Как маленькая девочка, которая послушно учит уроки.

Между нами была душевная близость, я бы даже сказала, единение. Это было взаимно. Нам было хорошо вместе, и куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, это было счастье. Мне нравилось видеть ее счастливой, она была солнцем моей жизни. Она умела ценить, благодарить небо за хорошие минуты, которые проводила с нами. Она была ангелом, исполненным любви. Должно быть, ей не хватало нежности, потому что она была со мной очень любящей, очень ласковой. Когда она была счастлива или печальна, она крепко обнимала меня. Как безумно я скучаю по ней! Какая пустота в моем сердце! Она занимала огромное место.

Она неустанно поднимает свой посох пилигрима. Она как будто снова всплыла на поверхность, вылечила раны, которые ей нанесли друзья из политики и особенно СМИ. Она много выходит, и однажды ей представляют очень красивого мужчину. Ее сердце снова

начинает сильно биться. Она рассказывает нам о нем, но не знакомит с ним. Она не считает это нужным. Мы уважаем ее желание и ни о чем не спрашиваем. Мы знаем только его имя и то, что он руководит учреждением службы безопасности. Она часто говорит мне об этом, но не спешит представлять его Ги; как ребенок, который не хочет разочаровывать отца пока еще неопределенным выбором. Для нее это дань уважения.

Идиллия продолжается уже некоторое время, пока она не приглашает его провести с ней несколько дней на Корсике. Он спрашивает, может ли привезти племянника. Она очень щедра и соглашается от всего сердца. И тут происходит кошмар! Она быстро замечает, что племянник – ни кто иной, как любовник ее друга! Она ждала всего, только не этого, тем более, что мужчина женат, и у него есть дети. Он был к тому же таким мужественным! Вот так вот!

Когда она рассказала мне эту историю, она была полна отвращения, но равнодушна. Я не помню, чтобы она огорчалась. Она повторяла мне:

- Знаешь, моя Жакотта, в наши дни настоящие мужчины встречаются так редко! Тебе ужасно повезло, что ты нашла исключительного человека.

- Знаю. Вот почему каждый день я делаю всё, чтобы покорить его. Ничто не дается даром. Брак так ненадежен... Я оставляю для него дверь открытой, но веду себя так, что ему не хочется уходить... Сколько женщин хотели украсть его у меня! Так как он врач, у многих пациентов есть возможность соблазнить его... Бывает и трансференция! Я – живое доказательство, ведь и я познакомилась с ним как пациентка...

Она любила, когда я рассказывала ей, как встретила с мужем. До сих пор сама она не нашла мужчину своей мечты. Однако, как она утверждала, «чем больше я живу, тем меньше я требую от мужчин».

После всех любовных переживаний Дали нужно было омолаживающее купание, чтобы снова почувствовать себя женщиной. В таком настроении она, как по волшебству, однажды вечером познакомилась с Каримом, когда ужинала у Грациано, в своем любимом ресторане (Грациано мог организовать эту встречу...) Он был франко-египетского происхождения, работал пилотом в частной компании. Очень красивый, высокий, атлетичный. Он был поклонником Далиды. Он знал, что она часто бывает в этом месте.

Они сидели за соседними столиками... Этому фату легко было признаться ей в своей страсти. Ему не хватало только мандолины! Его дерзость, его молодость: он понимал, какое производит впечатление. Она была совершенно очарована им, ведь он умный, культурный. И вот на несколько месяцев она бросилась в новую авантюру. Это не назовешь великой любовью, но он дарил ей свое общество.

Карим, как и его предшественник, не получил права посещать дом. Она очень мало рассказывала о нем, даже Ги. Из-за своего пилотского графика он поздно возвращался с работы, около 23 часов. Дали ждала его у Грациано, чтобы поужинать наедине. Идиллия длилась уже не один месяц. Снова она была наивной, она думала, что чувства молодого человека искренни, но очень скоро заметила, каким он был беспринципным.

Как только он соблазнил диву, его поведение изменилось: у него появилась другая цель. Он хотел проложить себе дорожку среди знакомых Далиды, чтобы осуществить свою мечту: стать киноактером. Эту возможность он получил однажды вечером, снова у Грациано, в облюбованном месте всех звезд кино, шоу-бизнеса, СМИ и т.д. Так как с ним была Далида, урожай обещал быть крупным. Словно бы по чистой случайности, между

Жаклин Питиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

тем как столики были заказаны заранее, Роже Анин и его жена Кристин Гуз-Реналь ужинали за соседним столиком. Роже Анин отметил красоту молодого человека, его внешность, его манеры, его выправку. Этот парень идеально подходил на роль в фильме, который он готовил. Они собрались вместе за кофе, чтобы поговорить об этом. Карим воспользовался моментом, чтобы сказать ему, как хотел бы сняться в кино. Они договорились о встрече, и, в конце концов, его взяли. Без ума от счастья, он согласился на приглашение Роже Анина, как и на роль в съемках одного иностранного фельетона.

Пока Карим был за границей, он никак не давал ей знать о себе. Полное молчание. Вернувшись, он сослался на то, что не работали телефонные линии. Невозможно было дозвониться до Франции...

Дали, хотя и прекрасно видела, что эта авантюра не может длиться долго, учитывая разницу в возрасте, была все же очень обескуражена поведением своего друга. Обезоруживающая наивность опять сыграла с ней дурную шутку. Конечно, она знала, как непрочно эта связь, но сама хотела сказать слово «конец». Опять ее гордость была задета. До сих пор она так и не нашла свой мужской идеал. А существовал ли он вообще для нее? Она вычеркнула его из своей жизни.

Когда она становилась ранимой, когда ее сердце плакало, она укрывалась в объятиях старшего брата Орландо. Она очень его любила и регулярно с ним виделась. Он работал в «Клубе авиации». Он не любил среду шоу-бизнеса, считал, что там все наносное. Он беспокоился за свою сестренку в окружении хищников... Он никогда не заговаривал с ней о проблемах ее профессии. Он был вне этого мира, и радовался этому. Он защищал ее, как мог. Это был совершенно бескорыстный, сдержанный человек. Я бы даже сказала, незаметный. Он очень мало говорил, много наблюдал. Мне нравился глубоко нежный взгляд этого цельного, доброго, щедрого человека. У него было двое детей: Луиджи и Роберто. Любимцем Дали был Луиджи, она была его крестной. Она часто говорила мне об этом; он немного походил на сына, которого у нее никогда не было.

Орландо больше нет с нами; он покоится с ней, рядом с ней в том же склепе на Монмартре...

Далида переживала головокружительный поворот своей новой судьбы. Ришар, в свою очередь, встретил Паулу, красивую молодую миллиардершу, толкнувшую его в другой мир, где он до конца отдастся своему безумию, которое доведет его до смерти. Странная судьба была у Ришара. Действительно, он любил танцевать со смертью...

Однако, то, что случилось 20 июля 1983 года в окрестностях Сан-Тропе, совсем на него не похоже: вместе с Паулой, в маленьком белом наемном автомобиле «R 25», в уединенном месте – которое он якобы выбрал, чтобы покончить с собой, наглотившись барбитуратов и заперевшись потом со своей спутницей – они вроде бы намеренно задохнулись, надыхавшись газом, который поступал в машину через резиновую трубку, надетую на выхлопную трубу. Окна были предварительно закрыты снаружи...

Все-таки поразительно! Он любил блеск, пышность. Почему он и его спутница не совершили самоубийство в белом «Роллс-ройсе», который он взял бы напрокат с помощью недействительного чека, не бросились на нем со скалы... (После смерти никто не преследовал бы его за недействительный чек...) Он любил зрелищность, я с трудом представляю, как он кривляется перед своей подругой, так запросто запираясь, чтобы попрощаться с

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

самой «Госпожой Жизнью», в этой наемной колымаге! Странно, очень странно! Скажу даже, ненормально...

Его тело бросили в общую могилу. Тело Паулы выдали семье. Мы узнали об этом гораздо позже. Дали уже давно не общалась с ним. Думаю, больше двух лет.

Двое мужчин, которых она безумно любила, покончили с собой, хотя и после их разрыва. Люсьен Морисс, когда совершил самоубийство, был женат на Агате. Ришар был с Паулой. Так почему ее обвиняют, что она приносила несчастье мужчинам, которых любила? Ложь! Может быть, они не смогли пережить любовь, которую испытывали к ней? С этим я бы согласилась. Таковую женщину, как она, они не могли забыть!

Однажды вечером, когда мы с друзьями были «У Режин», чья-то рука легла мне на плечо. Я обернулась и узнала Дали! Я не могла опомниться! Не в ее привычках было посещать ночные кабаре. Я освободила для нее местечко рядом со мной на диванчике. Я была так рада ее видеть, это было так неожиданно.

- С кем ты?
- С другом, - сказала она, и ее глаза блестели, как у влюбленной женщины. Она тесно подвинулась ко мне, чтобы соседи не услышали наши секреты.
- Я так счастлива. Знаешь, моя Жакотта, - шептала она мне на ухо, - я сейчас с доктором, как ты.
- Рада за тебя, дорогая.
- Надеюсь, что этот окажется хорошим. Я не переживу новой неудачи.

- Мы прижимались дру к другу, как старые подруги, я ее утешала:
- Зачем такой пессимизм? Ты заслуживаешь счастья и любви с большой буквы. Я уверена, что этот человек – тот, кто тебе нужен. Где он?
 - За нами, он разговаривает с друзьями.

- Я слегка, незаметно повернула голову. Я наблюдала за ним несколько минут. Далида изучала мое лицо, чтобы понять мою реакцию.
- Как он тебе?
 - Красавец! Надеюсь ради тебя, что его внутренняя красота может поспорить с внешней. Как у моего Ги!

- Она меланхолично покачала головой. Далида была очень сентиментальной. Перед ее глазами был пример нашей пары. Тем не менее, в тот вечер я чувствовала, что она решает свою судьбу. Как будто с этим мужчиной она разыгрывала свою последнюю карту.
- Если с этим романом мне не повезет, у меня не останется большого смысла в жизни. Ни любви, ни ребенка, только старость впереди. У тебя есть твой Ги, твоя дочь, а у меня?

Я поражено смотрела на нее. По мне пробежала дрожь. Никогда раньше она не говорила со мной так. Как будто посылала мне сигнал. Ее лицо вдруг застыло, взгляд устремился вдаль. Ее руки похолодели в моих руках. Впервые я видела ее такой. Может быть, это место вывело ее из равновесия? Она казалась потерянной в этом ночном мире, а ее друг не слишком ею занимался, он развлекался...

Жаклин Питиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

- Дали! Что ты здесь делаешь? В первый раз ты в кабаре, «У Режин»! С кем ты? - спросил Ги, подойдя к нам.

Друг Далиды приблизился к нам. Она познакомила его с нами. Его звали Франсуа. Как только я его увидела, он мне не понравился, не знаю почему. Бегающий взгляд, безвольная рука. Со своей интуицией опытной женщины я не почувствовала в нем ничего положительного, я знала, что он заставит Далиду отдалиться от ее близких друзей, от семьи. Он был доктором. Она была очень ранимой. Она потеряла чувство реальности, слишком влюбленная, чтобы быть разумной.

Я рассказала мужу о своем впечатлении, своем беспокойстве. Я чувствовала, что Дали рядом с ним ощущает себя приниженной, потому что он моложе нее. А его взгляд победителя мне не понравился, я не почувствовала в нем ничего хорошего. Между нами не возникло притяжения.

Все происходило так, как я боялась, даже хуже. Дали все больше отдалялась от нас. Ее новый возлюбленный, тот доктор, которого я мельком видела на вечеринке «У Режин», оставался вне нашего маленького круга. Мы понимали, что Дали хочет забыть свои воспоминания, все, что мы пережили вместе. Мой муж вел ее до сих пор. Теперь у нее уже не было права на ошибку, она знала это. У нее была красота, но уже не было молодости. Она не хотела потерпеть неудачу с новой любовью. Может быть, если она уйдет от своего прошлого, этот мужчина почувствует себя на своем месте. Конечно, если позволить Ги общаться с ним, ему будет неудобно, тем более что Дали при каждом слове ссылалась на «Ги». Лично я одобряла ее решение.

Время от времени мы узнавали от нее новости через телефонные звонки, которые становились все реже. Мы смотрели на нее по телевизору. Она изменилась, ее лицо приняло драматичное выражение, ее взгляд был полон печали, которую я помнила с нашей первой встречи. Взгляд раненой птицы. Ее проблемы со зрением уладились, а состояние духа – нет.

Признаюсь, я разозлилась на нее. Обиделась, что она не давала знать о себе. Если бы я видела, что она счастлива, дело другое. Мой муж отреагировал очень резко. Увидев ее на экране телевизора, он выругался:

- Хорошенькое дело! Она в полном упадке. Почему она не приходит поговорить со мной?

Почему? Из-за этого мужчины! Из-за этого доктора, который отделил ее от всех нас, из-за этой любви, которая уничтожала ее. Из-за человека, который сжигал ее на медленном огне, раздувал пламя, как только оно слабело, потом исчезал, возвращался, в своей дьявольской игре. Он играл ее чувствами. Из-за него Дали была в крайне лихорадочном состоянии. Ей было уже не двадцать лет, она начинала терять веру в себя рядом с мужчиной, который убивал ее. Роль в фильме, где она тогда снималась, не давала ей преимуществ, скорее наоборот, выводила из равновесия. Она играла египетскую бабушку в бедной, несчастной стране. История была очень тяжелой. Несмотря на присущую ей силу и храбрость, она была измотана этой ускользающей любовью; еще одно поражение. Только Ги еще мог бы спасти ее. Может быть, у нее уже не было ни силы, ни желания жить без любви?

Однажды она мне позвонила. Грустным, неузнаваемым голосом она сказала мне:

- Моя Жакотта, это Дали.

- О! Моя Дали. Я так рада тебя слышать. Как дела?

- Не очень хорошо. Послушай, моя Жакотта, я могу попросить тебя об услуге?
- Да?..
- Киностудия устраивает торжественный ужин в «Привилеж» по случаю выхода моего фильма. Я хочу, чтобы вы пришли.
- ...
- Знаю, вы упрекаете меня за молчание.
- Вовсе нет.
- Жакотта, я тебя умоляю! Вы должны придти, мне нужно, чтобы вы были рядом. Ги съедет справа от меня, - сказала она со слезами в голосе.

Я была взволнована. Никогда я не слышала, чтобы она говорила так, даже в худшие моменты с Ришаром.

- Ты же знаешь, Ги не любит выходить из дома на неделю... Но я его уговорю.
- Спасибо, дорогая. Я знала, что могу положиться на тебя.

Я задумчиво повесила трубку. У нее был усталый, дрожащий голос. Я вздрогнула. После ее звонка я не позвонила мужу по внутреннему телефону, как обычно, а предпочла поговорить с ним в перерыве между консультациями. Я рассказала ему о звонке Дали. Ответ была немедленным:

- Не может быть и речи, чтобы идти на этот прием. Я очень поздно заканчиваю работу в этот вечер, а на другой день утром у меня встреча. Если она хочет меня видеть, она знает, где искать меня.
- Мы нужны ей, мы не имеем права бросить ее.

Я знала, что он будет рад ее видеть. Такая большая дружба длиной в шестнадцать лет не может потускнеть, она всегда оставалась в нашем сердце. Тем не менее, я понимала его реакцию. Он столько вложил в успех Дали, в ее расцвет, ее восхождение, и все это, конечно, просто из дружбы. Однако, дружба взяла верх, и... нам ее ужасно не хватало.

Когда мы приехали в «Привилеж», Дали не было, но она появилась через несколько минут. Мы с Ги держались в стороне. Она вошла в сопровождении брата. Мы с трудом ее узнали: все еще прекрасная, да, но неузнаваемая. Как зомби, с пустыми, страдающими глазами, она прошла мимо своих друзей, не увидев их. Бруно вел ее, как ребенка.

- Ги побледнел. Не замечая этого, он до боли сжал мою руку.
- Посмотри, в каком она состоянии! Почему она не пришла ко мне?

Дали заметила его, ее лицо просияло. Она не обратила внимания на людей, стоявших рядом с ней, а вместо этого бросилась в объятия моего мужа:

- Мой Ги! Мой Ги! Ты пришел! Как я счастлива. Я думала, что вы меня больше не любите, что вы меня бросили.
- Бросили? Это ты нас бросила, - возразил мой муж, целуя ее. – Что касается нас, ты никогда не покидала наши сердца.

Весь обед она интересовалась только им, упивалась его словами. Ее лицо оживилось, глаза блестели. Наконец, я узнала нашу Дали. Казалось, Уго Тоньяцци слева от нее был озадачен ее поведением. Ги Люкс, справа от меня, сказал мне, что беспокоится о здоровье Дали. Я уже не помню, кто сидел слева от меня. Часто я встречалась глазами с мужем. Он был бледным от ярости, видя, в каком состоянии наша подруга. За десертом он подал мне знак. Я поняла, что он хочет уйти, и что я должна найти предлог. Он притоптывал от не-

терпения. Очевидно, он осуждал Далиду. Он видел ее такой слабой, словно она наглоталась снотворного, а ведь она сияла здоровьем, когда он занимался ею. Это выводило его из себя.

Я поднялась из-за стола, и тут случилось одно происшествие. Подушка от стула пристала к моему парчовому платью! Мне было очень трудно оторвать ее, потому что она приклеилась к моим ягодицам! Безумный смех за соседними столиками. Признаю, я выглядела очень смешно. Все же я не потеряла хладнокровия, меня занимало другое. Пока мне помогали убрать подушку, я повернулась к Дали и прошептала ей на ухо:

- Дали, я не очень хорошо себя чувствую. Я должна уйти.

Она отчаянно вцепилась в меня:

- Уже? Нет, останься еще! Умоляю тебя!

Видя, что я настроена решительно, она сказала мне со слезами в голосе, забыв о гостях вокруг нее, которые онемели:

- Не бросайте меня. Вы мне так нужны.

Я нежно поцеловала ее, у нее была влажная щека... Я мучилась, оставляя ее так. Но Ги ерзал на стуле. Я крепко прижала ее к себе, я прошептала ей со слезами на глазах:

- Клянусь тебе, моя Дали, мы больше не расстанемся, как раньше. В выходные на первое мая мы поедем в Сан-Тропе. В понедельник я тебя навещу. Я покажу тебя нашу фотографию, которую снял Ги. Ты увидишь, она очень красивая ⁴

- Это правда, ты придешь? Ты обещаешь, что мы больше не расстанемся?

- Клянусь! Дорогая, я тебя люблю.

- Я тоже, - сказала она, крепко меня обнимая.

Никогда Дали не говорила со мной с таким отчаянием, растерянностью. Это было на нее не похоже, она как будто была на краю пропасти. Плохое предчувствие охватило меня.

Я уже не помню, как попрощалась с гостями. Я была как в тумане. Осталось в памяти искаженное лицо Ги. Всю дорогу он выражал мне свою досаду. Я повторяла ему, о чем меня просила Дали.

- Мы больше не оставим ее. Мы будем заботиться о ней, как раньше, больше чем раньше, - говорила я.

Он передал мне, в чем Дали призналась ему за столом: ее друг доктор все больше и больше забывал о ней. Она пригласила на этот прием его дочь. Она посадила ее за наш стол.

Дали в тот вечер была тенью самой себя. Я помню, что перед тем, как пройти к столу, она рассказала нам грустную историю, все еще шокированная. В ее голосе были слезы, в глазах гнев. Она призналась, что злится на брата: во время заграничных гастролей он совершил странный поступок. Дали еще переживала из-за этого. Она сказала, что ее брат вроде бы закинул все ее сценические платья в мусорные мешки и отправил их так! Так как она была очень подавлена, этот поступок принял для нее феноменальный размах.

⁴ Это фотография на обложке этой книги. Она так ее и не увидела...

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

Я подумала в тот вечер, что сделаю все, что в моих силах, только бы вернуть ей радость жизни. Я любила ее больше, чем сестру, и ее страдания были для меня невыносимы. Эта надежда поддерживала меня все выходные.

В воскресенье вечером, когда мы приехали в нашу квартиру на улице Клебер, нас встретила дочь, что было не в ее привычках. Ее лицо покраснело от слез. Я забеспокоилась:

- Что случилось?

Она сказала шепотом, с рыданием в голосе:

- Дали покончила с собой! Об этом объявили в вечерних новостях.

Мы с Ги пошатнулись; на наших лицах появился ужас. Я чуть не упала...

- Если бы мы увезли ее в Сан-Тропе, эта трагедия не случилась бы! – сказала я.

- Не надо обвинять себя. Мы здесь не причем.

- Боже мой, Дали, это невозможно! Какой кошмар!

Шок парализовал меня, но все-таки нужно было срочно действовать. Мы бросились на улицу Оршан. Огромная толпа собралась перед воротами. Толпились люди с камерами. Нам протянули микрофоны:

- Вы друзья Далиды? Вы знаете, почему она так поступила?

Вопросов было много, у меня зашумело в голове. Без единого слова мы отвернулись и оттолкнули микрофоны. Удивленные нашим молчанием, журналисты почтительно уступили нам дорогу. В отличие от некоторых членов семьи, мы были слишком подавлены горем, чтобы красоваться перед камерами.

Бруно встретил нас, обнял. Я была в таком смятении! Я не могла поверить, что никогда больше не увижу ее прекрасное лицо. Она сама выбрала день и час своей смерти. Такова была ее воля.

Она, которая всегда сияла с нами от радости жизни, от любви, страсти, безумия. Когда мы отделились друг от друга, она, одинокая, заблудилась в джунглях. Она была такой ранимой, несмотря на свою внешность. Мой муж предупреждал ее, но она его не послушала. Любовь сожгла ее. На нее навалилась та тяжесть, из-за которой происходит столько зла! Ее горячее сердце понемногу охладело в ледяном одиночестве. В своей растерянности она ошиблась дорогой и пошла к аду отчаяния. Как слепая, она брела на ощупь в пустоте, натываясь на стены новой жизни без любви. Бессильная, исстрадавшаяся, она устала от своей боли...

Далида, ты вечная!
Ты была прекрасна, как египетская богиня
Твоя душа была полна химер
Ты не нашла на земле
Принца своей мечты

Мужчины, делившие твою жизнь
Расстоптали в твоём сердце

Жаклин Питиаль
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

*Дворец любви,
Который ты для них построила*

*Ты была слишком романтична,
А они – слишком тираничными
Твоя душа была слишком прекрасной и чувствительной,
Истерзанной несправедливостью,
Постоянными неудачами
Вот почему
Ты решила уйти,
Чтобы не страдать больше!*

*В могиле на Монмартре,
По странному совпадению
В нескольких метрах от Ги,
Который был твоим большим другом,
Поверенным твоего тайного сада,
Ты покоишься...*

*Вы были так дружны,
Так близки друг с другом
Теперь вы соединились навсегда
В вечности.*

Дали больше не с нами, она в прошлом. Пусть даже иногда под моим пером возникает настоящее, воскрешая мое прошлое, которое я снова переживаю.

Я присутствовала на церемонии открытия новой «Площади Далиды». Я стояла рядом с певицей Николеттой, которую знала благодаря Далиде. Мы даже бывали вместе на замечательных вечеринках. У нас были влажные глаза. Нас прижимала друг к другу плотная толпа, которая, словно огромная волна, покачивала нас, и от которой меня мутило. Я была пленницей этой тучи молчаливых, почтительных людей.

Журналисты вокруг нас с трудом прокладывали дорогу, чтобы делать свою работу. Перед моими глазами танцевало лицо Дали. Я представляла себе, как она шаловливо улыбается. Я слышала уже не голос мэра, а Дали, которая шептала мне на ухо:

- Кто бы мог подумать, моя Жакотта, что они назовут площадь моим именем!

Воспоминания волновали мое сердце. Наши вечеринки, наш безумный смех, наша радость жизни. Наши судьбы пересеклись и соединили нас на долгие годы. Передо мной вспыхивали образы. Я чувствовала, что они здесь, но уже мертвы. Несмотря на жару и духоту, я дрожала. Я жалела, что пришла. Мне следовало появиться позже, чтобы пережить это чувство в одиночестве. Мне казалось, я задыхаюсь на этой тенистой площади, где увековечили ее память.

В тот вечер показали передачу, посвященную ее карьере.

Со временем... Страстный и низкий голос Далиды волнует мою душу, мое тело дрожит и покрывается потом, мои руки закрывают лицо. Я чувствую, что сейчас зарыдаю. Мне

Жаклин Питшалъ
Далида, ты называла меня младшей сестренкой...
Перевод Ирины Лиминг

так не хватает ее! Мне так хочется, чтобы она была рядом, чтобы помогла преодолеть мою боль, пустоту после «него». Только она могла бы понять меня. Она передала бы мне то, чему учил ее мой муж все эти долгие годы. Снова научиться жить, заново родиться. Но вот они оба на небесах.

На экране появляется Далида, великолепная, в белом драпированном платье. Я отключила телефон, чтобы меня не беспокоили. У меня сильно бьется сердце, от ее голоса у меня выступают слезы. Однако признаю, что когда она была жива, я не слушала ее диски. Она так хотела, чтобы я любила ее ради нее самой, что у меня дома не было ни одной пластинки! Но в тот вечер я снова услышала ее голос, глубокий, чувственный. Я открыла ее как певицу. Я слушала рассказ о начале ее карьеры, когда она была незнакомкой для меня. О ее встрече с Арно Дежарденом. Потом был этот эпизод с моим мужем, доктором Питчале.

Зато я знала о личной стороне ее жизни. В начале нашего знакомства, в 1971 году, Ги спросил ее:

- Почему ты не поешь песни, которые тебе подходят?
- Он перечислил популярные песенки, которые были ее шлягерами в то время.
- Это коммерческие песни. Только они имеют успех!
- Ты должна попробовать.

Как обычно, Дали прислушалась к нему. Понемногу она стала менять свой репертуар. Какой успех! Я помню премьеру в «Олимпии», люди аплодировали ей стоя. После того, как она спела «Я больна», весь зал от волнения вытирал слезы.

Я смотрела на экран телевизора. Ее образ торжествовал над образом актрисы, так затмевал его, что мне захотелось позвонить ей по телефону и сказать, как я ею горжусь. Я была в восторге, но разве этот восторг не превосходил реальность? И все же видеть ее на экране было невыносимо, она ведь была такой живой, такой реальной в моих мыслях! Каждый по-своему переживает свои страдания. Это было, как вскрывать рану, берeditь ее наточенным ножом.

У меня есть наши личные кассеты: мы в мини-бикини танцуем у бассейна под бразильскую музыку, вставив в волосы цветок...

- Прекрасны! Вы просто прекрасны! Однажды эта кассета станет бесценной! - насмешливо говорил мой муж, снимая нас.

У нее было тело статуи, восхитительная грудь. Уверенная в своей соблазнительности, она умела очаровывать окружающих. Я совершила ошибку, сказав Бруно, что у меня есть кассеты с его сестрой, и что я подарю их ему. Я передумала. Если бы Далида была одна на этих кассетах, проблемы бы не было. Я немедленно отдала бы их. Но мы везде были вместе. Я не хотела бы увидеть эти записи на телеэкране! Это моя личная жизнь!

Он разозлился, так и не простил мне этого поворота. Однажды он позвонил мне и стал угрожать:

- Предупреждаю тебя, Жаклин. Если ты будешь распространять кассеты моей сестры без моего разрешения, я подам на тебя в суд!
- Это не коммерческие кассеты, а мои личные записи. Совсем другое дело! Если бы я хотела их продать, то уже давно продала бы! Я вовсе не хочу увидеть эти частные фильмы по телевизору!

Его удивил тон моего голоса, и он утих. Этот звонок вывел меня из себя. В отличие от него, я не могу вынести, когда призраки тех, кого я любила, оживают так ярко. Я никогда не ставлю кассеты мужа. Когда я слышу пение Далиды по радио, мне хочется плакать. Ее голос воскрешает слишком много воспоминаний. А потом я в глубоком трауре!

Признаю, это к его чести, что он заставляет ее жить вечно, а лично для себя и в финансовом смысле... младший брат Бруно, или «Орландо», упорно, всеми средствами продлевает память о своей сестре, создавая новые музыкальные аранжировки, посвящая ей передачи, чтобы ее не забывали. Вот так он начал, наконец, существовать! через нее... Этот перенос так очевиден. Не воображает ли он себя Далидой?

⁵Он был певцом в 60-е годы, и кажется, имел такой успех в Чехословакии, что там «завод томатных консервов носил в его честь имя Орландо». К счастью для него, это не были банки с корншонами...

Газета «L'Alsace» утверждала: «Каждая его пластинка продана в количестве более чем 60 000 экземпляров. Греко никогда столько не продавала»

Что касается Эдди Баркляя: «Он всегда считал, что карьера Орландо рискует помешать успеху его сестры»

Так что Орландо оставил пение в самом расцвете славы, чтобы посвятить себя карьере Далиды: «Их роли поменяются: из протеже он станет защитником»

Столько самоотречения – и, тем не менее, одна маленькая ошибка: когда на 50-летие Далиды он послал ей букет роз, то пожелал «прожить еще 50 лет».

Что делает женщина, когда ей так жестоко напоминают о ее возрасте? Она плачет! Именно так поступила Далида.

Я никогда не слышала от Дали, что ее брат расстался с пением, чтобы не быть в ее тени! Младший брат Бруно, живший в тени блесков своей знаменитой сестры, стал сегодня великим «Орландо», заимствовав имя умершего старшего брата, которого Далида обожала. Может быть, потому, что он был в стороне от интимного круга сестры, в центре которого были мы, мой муж и я, а он был из него исключен, и он растоптал ее личную жизнь, ее близких друзей, одним из которых была я... Может быть, поэтому я должна прибегнуть к цитатам, чтобы рассказать о нем, и не сказать ни слова из того, что Далида могла бы поведать мне...

Когда я смотрела фильм о Далиде, то не могла удержаться от грустной улыбки. Лично мне кажется, что вторая часть фильма на самом деле ей не соответствует, она показана не с лучшей стороны. Должна признать, что я не знала ее как певицу, больше как женщину. С нами, в узком кругу, она была сдержанной, глубокой, задумчивой, всегда в хорошем настроении. Вовсе не капризной! И совсем не похожей на жертву жизни! Она не была охотницей за молодыми парнями. Те, кем она восхищалась, были мужчинами зрелыми, культурными, властными. Но этих мужчин, как правило, она не привлекала. Кто пожелал бы стать «месье Далида»? Этим звездам нужны мужчины, готовые быть для них шоферами, секретарями, любовниками, будучи свободными для них 24 часа в сутки! Мужчины, настоящие мужчины, не согласились бы на такую роль; вот почему звезды не бывают счастливы, но и мужчины тоже, впрочем...

⁵ Сокращенные цитаты из книги «Далида» (Plon, 1995), биографии, написанной Катрин Риуа в сотрудничестве с Орландо.

В августе 2005 года я была в Сан-Тропе, лежала у бассейна в отеле, принимая солнечную ванну. Около 13 часов Бруно совершил свой шикарный выход. Соломенная шляпа, бежевый костюм из габардина – ему не хватало только большой сигары, чтобы завершить свой образ состоявшегося продюсера... Забавляясь, я наблюдала за ним. После смерти своей сестры он чертовски изменился, он совершенно расцвел.

Уверенный в себе, он направился к столику у бассейна, где двое молодых людей играли в карты, прикладываясь к стакану. Бруно обратился к одному из них. Тот опустил голову над своими картами, не ответив. По его виду я поняла, что Бруно его упрекает. Другой парень казался страшно смущенным. Бруно суетился, жестикулировал, достал расческу, причесался, стал вертеть свою шляпу. Казалось, двух парней напугало его поведение. Но с чего им трястись перед ним? не могла я не подумать. Деньги или власть в шоу-бизнесе дают ему право презирать людей и издеваться над ними? Обращаться с ними, как с ничтожествами?

Я подумала о второй части фильма «Далида», где он ничего не сказал, и конечно, намеренно, что именно мой муж спас ее после первого самоубийства. Он распространял версию, что ей помогли другие люди. Мой муж советовал Далиде продолжать карьеру певицы, потому что она хотела все бросить. Бруно знал это, почему же лжет? Он сфабриковал личную жизнь сестры согласно ее имиджу, без всякого уважения к истине. Это значило предать ее память. Во мне закипел гнев. Мне вдруг вспомнился ответ моего мужа, когда однажды я пожаловалась на одного человека, который отвратительно относился ко мне. Ги посмотрел мне прямо в глаза и ответил: «Почему ты жалуешься мне вместо того, чтобы сказать это ему? Ты боишься его? Ты трусишь?»

Эти слова разозлили меня, и у меня был разговор с тем человеком, который, увидев мою неожиданную реакцию, рассыпался в извинениях. С тех пор он относился ко мне по-другому и стал меня очень уважать. Я вспоминала девиз: Чтобы тебя уважали, надо заставить себя уважать.

Ободренная этой максимой, я завернулась в пляжную юбку, собрала вещи и направилась к Бруно. Он все еще злился и не заметил, как я подошла.

- Здравствуй, Бруно! (Он не выносил, когда его называли настоящим именем)

Солнце слепило глаза, и он не сразу узнал меня. Он удивленно посмотрел на меня, потом рассмеялся:

- О! Жаклин! Ты здесь?

- Ну да! Я как раз хотела поговорить с тобой о том, как меня разочаровал фильм. Ты мог бы упомянуть о Ги! Это было бы более чем заслуженно, зная, сколько он сделал для твоей сестры! Почему ты солгал в фильме? Это Ги посоветовал ей не прекращать карьеру. Это Ги спас ее после первого самоубийства! Почему ты сказал, что это был кто-то другой?

- Это не я, это не я! Все осуждают меня, что я не упомянул вас с Ги в фильме. Но это ошибка режиссера, я тут не причем!

- А! Отлично. Ты не причем? Но ведь это ты руководил фильмом? Мне плевать, что меня нет в фильме, и Ги тоже, но я не выношу, когда лгут!

- Я всегда ценил Ги, уважал его. Я знаю, что он сделал для моей сестры, для ее карьеры.

- Не сказала бы! Ты все забыл.
- Это не я! Уходи! Уходи! Оставь меня в покое, - говорил он мне, с чувством размахивая руками, как буйный сумасшедший, и повышая тон.

Он смотрел на меня, как на дьявола во плоти. Как я посмела говорить с ним, нападать на него – на него, великого Орландо-Бруно! А меня увлекала невероятная дерзость, как будто Далида и Ги заставили меня преподать ему урок и поставить на место. Он предал память о моих любимых умерших, для меня это непростительно. Не сдерживаясь больше, я холодно бросила:

- Если есть какая-то загробная жизнь, Далида и Ги, должно быть, злятся на тебя!

При этих словах лицо Бруно побагровело. Он завопил:

- Оставь их в покое! Им хорошо там, где они есть! – сказал он, показав на небо.
- Откуда ты знаешь, что им там хорошо? Они сами пришли тебе сказать? – сухо спросила я.

Он бросился на меня, как безумный, и яростно ударил по лицу. Я потеряла равновесие и с трудом ухватилась за огромный зонт, стоявший рядом. Держась за зонт, я продолжала отбиваться от ударов.

- Почему ты меня бьешь? Почему так сердишься? Правда колет глаза?

Я была очень спокойна перед этим одержимым. Зато мои слова были пропитаны ядом!

- Я был рад тебя видеть, а ты на меня нападаешь у меня же!
- У тебя? Не знала, что ты владелец этого отеля! – иронично сказала я.

Его лицо было ярко-красным. Двое парней, очень напуганные, не двинулись с места, пока он нападал на меня. Они будто приросли к стульям, застывшие, потрясенные, слишком перетрусившие, чтобы вмешаться. Разумеется, они боялись запоздалого гнева Бога «Орландо-Бруно»! Или просто восхищались, что женщина дала им нравственный урок.

Желая закончить с этой корридой, я отошла и сказала ему:

- Однажды тебе это аукнется! Тебя не возьмут в рай. Я как раз пишу книгу. Я посвящаю одну главу твоей сестре, и там я скажу «е» правду, со всем моим уважением и любовью к ней!

При этих словах я повернулась к нему спиной. Через несколько минут наступил запоздалый шок. Как он смел поднять на меня руку! Если бы Далида и Ги еще были живы, этот поступок дорого бы ему обошелся! К тому же при их жизни он был совсем другим, очень почтительным со мной. Раз он повел себя так, значит, несмотря на видимость, это слабая личность, которая не уверена в себе.

Около четырех часов вечера я вернулась к бассейну. Очень красивая девушка подошла ко мне:

- Вы мама Виржини?
- Да...

Она представилась и спросила меня:

- Что вы сказали Орландо (Бруно), что он так разозлился на вас?
- Мой муж был близким другом Далиды. Я упрекала его за то, что в фильме он не сказал правду, - с улыбкой ответила я.
- Я и раньше не любила этого человека. Теперь я ненавижу его, раз он так поступил с женщиной. Он хам. Сегодня вечером я перед всеми пристыжу его!
- ?..
- Я слышала, что вы сказали ему.

Она с точностью повторила мои последние слова. Я была смущена, мне стало неудобно, что я устроила такой спектакль, хотя и невольно. Так как мы были в отдаленном уголке, я была уверена, что спор пройдет незамеченным...

- Вы слышали? Где вы были?
- С другой стороны бассейна, напротив...
- Напротив! Мы так громко говорили? Так все вокруг это слышали?
- Орландо был несдержан, он громко кричал, он жестикулировал. Когда он ударил вас по лицу, люди были ошеломлены. Это был такой шок, что никто не решился вмешаться. Очень смело с вашей стороны было выступить против этого чудовища, - сказала она мне с чудесной улыбкой. – Сегодня вечером я не упусти его. Я спрошу его, почему он оскорбил мать моей подруги!

Красивая девушка была актрисой, она играла в фильме Жерара Жюньо. В тот вечер Орландо был приглашен на премьеру фильма. Восхитительная девушка сидела за одним столом с ним...

Завтра будет 1 ноября, день Всех Святых. Это очень печальный день, каждый год я боюсь его. Как и для всех, для меня воспоминания о моих дорогих умерших становятся ярче. Они ласкают мне сердце. В этот день я решаю пойти на кладбище повидать Ги и Дали, ведь завтра там будет страшная толпа.

Я звоню Жаку Дессаши. Звонок раздается в пустоте. Я хочу уже положить трубку, когда он отвечает:

- Алло?
- Алло? Жак? Это Жаклин. Надеюсь, я вас не отвлекаю?
- Наоборот! Какой сюрприз!
- Жак, я только хотела сказать, что иду сегодня на кладбище, около 14:30.
- Какая радость! Я буду там!

Он почти тут же положил трубку, испугавшись, конечно, что я передумаю!

Я познакомилась с Жаком Дессаши на кладбище Монмартра. Когда я навещала могилу мужа, двое мужчин подошли ко мне:

- Вы жена доктора Питчала?
- Да... – удивленно спросила я.
- Меня зовут Жак. Мы занимаемся могилой Далиды, я и Люка.
- Ах! – глупо сказала я.

- Мы знаем, что Далида и доктор были большими друзьями, очень близкими. И вот мы следим и за могилой вашего мужа. Вы не возражаете?

- Нет, конечно! Я удивилась, что за могилой так хорошо ухаживают. Так это вы?

- Да! – хором ответили они, красные от смущения.

Оба они были поклонниками Далиды. Они стремились подробно рассказать мне, с увлечением и гордостью, как хлопотали и трудились на могилах Далиды и Ги, чтобы уберечь их от вандализма. Они поведали мне последние сплетни. Я слушала «Радио Кладбища» в прямом эфире. Невозможно было подойти к могиле, они без конца говорили, вспоминали истории.

Когда они отошли от меня, я посмотрела на скульптуру моего мужа в виде голограммы, он как будто улыбался. Когда он умер, я думала, что сойду с ума. Его смерть казалась мне несправедливой. Я представляла себе эту могилу как крик боли и любви. Он живет в камне в виде голограммы, его взгляд следит за прохожими.

Я помню, что в тот день, когда я ходила к скульптору Ришару, чтобы заказать бронзовый бюст мужа, шел сильный дождь. Когда я вышла из его ателье на середину двора, меня привлекла гигантская скульптура, изображавшая прекрасную амазонку с длинными волосами, на белой лошади. Произведение было так красиво, что я остановилась, несмотря на ливень. Я отступила, разглядывая ее лицо. Она смотрела на меня, ее глаза за мной следили. Работа была так оригинальна, что я вернулась к скульптору:

- Я больше не хочу бронзовый бюст! Я хочу бюст, сделанный по той же технике, как и лицо амазонки!

Месье Ришар удивленно посмотрел на меня. Он грустно покачал головой. Его клиентка так переживает, что потеряла голову!

- Не думайте об этом! Это шокирует людей. Я никогда не создавал такие скульптуры для кладбища!

- Ну что ж, так придумайте ее для меня! Его могила будет оригинальной, не похожей ни на какую другую...

- Я не знаю, выдержит ли голограмма непогоду, - настаивал он.

- А как же огромная статуя в натуральную величину у вас во дворе? Ее непогода не портит? Эта работа не для гостиной!

Видя мою убежденность, скульптор согласился выполнить эту работу. Когда моя дочь увидела бюст своего отца, она была неприятно поражена. Я пообещала ей, что это на время. Позже я его поменяю... Прошло семнадцать лет, он все еще стоит... Его даже упомянули в Интернете, так он оригинален... Я уверена, моя смелость понравилась бы Ги... Я посадила вьющиеся розы вокруг белых мраморных колонн. На подставке в любое время года лежат белые цветы. Я хочу, чтобы его склеп походил на могилу любви. Всего в нескольких метрах покоится его друг Далида, такое волнующее совпадение... Люди, которые приходят к ней, обязательно проходят мимо могилы моего мужа. Они останавливаются, вслух комментируют. Это ставит в неловкое положение мою дочь, когда она приходит к отцу:

- Ты могла бы придумать более скромную могилу. Не выношу все эти замечания!

- В них нет ничего плохого.

- Они могли бы проявить уважение к нашему присутствию!

Жаклин Питиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

- Хорошо и так. В этой аллее особая атмосфера, с этим бесконечным движением, туристами, гостями, которые со всего мира приезжают к Далиде... Гид говорит им, что твой отец был ее врачом и другом. Это нормально, что они интересуются им!

Действительно, в любое время, когда я прихожу на кладбище, процессия людей следует к могиле Далиды! Это невероятно, ведь столько лет прошло. Двадцать лет будет в мае! Люка, верный поклонник, не приходит больше на кладбище, его обидело замечание Орландо... Бедный Люка! Я так любила этого человека, очень милого, трогательно преданного. Далида была его Вселенной за всю его короткую жизнь... Он был слишком впечатлительным и не мог вынести несправедливой жесткости Бруно. Он предпочел уйти. Жак Дессаши занял его место. Он моет, чистит, скоблит обе могилы. Он ведет с ними беседы... Это странно, но трогательно. Когда люди спрашивают его, не родственник ли он, он отвечает, что Далида его кузина, а Ги его дядя... Перед оторопевшими взглядами туристов он вешает свою куртку на руку статуи Далиды, или надевает на нее свою ковбойскую шляпу. Так он отмечает свою территорию... Он по-свойски называет моего мужа Гиту, хотя никогда не знал его при жизни. Далиду он называет своей «крошкой». Все его свободное время проходит между двух могил...

Сначала меня шокировало его поведение, немного бесцеремонное, властное. Но он говорил о моих любимых умерших с такой страстью, с такой любовью, что растрогал меня. Когда однажды я спросила его, где он проводил отпуск, что так красиво загорел, он ответил: на кладбище Монмартра!

На бульваре Клиши, который ведет на кладбище, пробка, моя машина движется медленно. Я опаздываю уже на несколько минут, когда замечаю вдали Жака, который шаркает от нетерпения ногами на углу улицы. Я не могу его не увидеть! Хотя на бульваре большая толпа, его силуэт четко выделяется. Он носит великолепную коричневую фетровую шляпу в ковбойском стиле, кожаную куртку в тон, такие же брюки и сапоги. Настоящий техасец! Средний рост, румяное лицо без морщин, глаза лукаво блестят – он хорошо выглядит для своих 69 лет. Он радостно забирается в мою машину, чтобы добраться до кладбища. Он благодарит меня, что я предупредила о своем визите. На самом деле я никогда не звоню ему и не говорю, что еду на кладбище. Он узнает об этом от сторожей. А вечером он звонит мне и признается, как ему грустно, что он меня не застал. Вот почему я позвонила ему сегодня, накануне дня Всех Святых.

Он на пенсии, он недавно потерял свою мать. Он один, у него нет семьи, только несколько верных друзей. Он никогда не был женат.

- Вот почему у меня нет морщин!

Он гордо снимает с пояса пластиковый рекламный брелок вина «Префонтен», купленный на блошином рынке... с фотографией Далиды.

- Я все время ношу его.

До сих пор я никогда не встречалась с «фанатом», я не могу сказать, что я чувствую, может быть, неловкость, да, именно так. Эти люди живут и дышат только своим кумиром. Большею частью это фетишисты. Он показал мне фото угла своей гостиной, где он повесил на видном месте фотографии Далиды. Рядом с фотографиями – фара от маленького черного «Остена», принадлежавшего Далиде... Его жизнь – это Далида. Такое отношение

кажется мне бесконечно печальным. Однако он не выглядит несчастным. Он всегда в хорошем настроении, полон юмора, и, кажется, неплохо живет на свою маленькую пенсию.

Когда мы подходим к могиле моего мужа, Жак начинает разговаривать с ним:

- Видишь, мой Гиту, сегодня я самый счастливый человек на свете, Жаклин сделала мне сюрприз и пришла! Я пойду сказать об этом «крошке».

- Вы всегда говорите с ними так? – пораженно спрашиваю я.

Несмотря на все усилия, я не могу привыкнуть к такой речи.

- Я беседую с ними, как будто они живы! Для меня они всегда здесь. Конечно, я стараюсь не говорить с ними на людях, я боюсь, что меня примут за ненормального и вызовут «скорую»! – шутливо добавляет он.

Мне нужно признать, могила выглядит безупречно. Завтра будет день посещений, он пробудет здесь с утра до самого вечера! Он будет встречать гостей, комментировать... Наденет свой воскресный костюм, красивую шляпу... Я представляю себе лица людей. Светский прием на кладбище!

Жак включил свое «Кладбищенское радио», и, увидев мою улыбку, начал рассказывать истории, одни экстравагантнее других, обо всем, что происходит на кладбище. Это утомительно, я с трудом удерживаюсь от дикого смеха, который против воли душит меня. Так как его анекдоты забавляют меня, он рассказывает дальше. Если есть загробная жизнь, то должно быть, Далида и Ги с ним не скучают. Это герой оперетты, настоящий папац, но он умеет, в конце концов, оставаться почтительным.

- Знаете, Жаклин, я всегда остаюсь до закрытия кладбища. Мне так нравится. Перед уходом я глажу надписи на ее могиле, я посылаю ей поцелуи... Я прошу Гиту присмотреть за ней...

Я тарашусь на него, мне кажется, я брежу! Он говорит, без конца говорит о ней. Здесь его королевство, он властвует на этих нескольких квадратных метрах, между могилами Далиды и Ги. Я смеюсь над несколькими невероятными анекдотами, и это удивляет прохожих. Смех на кладбище, подумать только! Но Жак так рассказывает все это, у него такая круглая физиономия, такие лукавые глаза, что я не могу хранить серьезность. Зная Далиду и Ги, я уверена, что они полюбили бы и оценили этого чудесного человека, с таким щедрым сердцем.

Он понимает, что несколько отвлекает меня, и отходит, чтобы дать мне несколько минут побыть одной и поклониться, наконец, могиле. Я бросаю взгляд на склеп Далиды вдали. Чудо! Впервые там никого нет. Я пользуюсь затишьем, чтобы подойти к ней. «Моя Жакотта», мне кажется, я снова слышу ее голос. Так называла меня только она. В первый раз я обращаюсь к ней с молитвой, я прошу ее дать мне совет по поводу главы, которую пишу о ней в моей новой книге «Синие слезы». Я спрашиваю ее, есть ли жизнь после смерти, видит ли она меня, слышит ли она меня, может ли дать мне знак, чтобы сообщить о своем согласии или несогласии, потому что я чувствовала, как что-то мешает мне писать книгу, но не могла понять, что именно.

Я так сосредоточилась на своей молитве, что не заметила, как кто-то всеми силами прижимается к моей лодыжке. Я опустила взгляд и увидела большого черного кота, который вертелся вокруг моей ноги и с мурлыканьем выгибал спину. Его глаза были ярко-

зелеными и очень ласковыми. Удивительно, но я не подпрыгнула, не пошевелилась. Я вздрогнула, посмотрела на статую Далиды. Это ли был ее знак? Я снова опустила глаза, но кот исчез, и я даже не видела, куда он ушел. Я была озадачена. Все это произошло за считанные секунды. Предзнаменование?

Вдруг я заметила небольшие белые пятна на статуе Далиды, на ее платье, на левой щеке. Жак подошел ко мне. Я спросила:

- Откуда эти пятна? Это плесень?
- Вовсе нет! Это фальшивый мрамор...
- Фальшивый мрамор? Я думала, статуя из камня?
- Нет, это смесь цемента и смолы. Бруно распорядился разрисовать ее под мрамор. Краска не держится... Проступает цемент!... Чтобы защитить статую от непогоды, мне пришлось протереть ее «Рубсоном»... Средство очень дорогое для моего кошелька, но я должен был сделать это для моей крошки!

Разрисованный камень, фальшивый мрамор! Конечно, статуя очень красивая, очень зрелищная для тех, кто смотрит издали. Внешне она красива, как фальшивые бриллианты, как бижутерия, как искусственные меха... Я побледнела, меня затошнило. Жак не решился посмотреть на меня, он знал, о чем я думаю. Он ужасно боялся Бруно. Он дрожал при мысли, что тот запретит ему заниматься могилой своей сестры! Взглядом он просил у меня улыбки, пожатия руки... Безуспешно. Однако благодаря ему за могилой хорошо ухаживают, причем добровольно. Он часами чистит ее, убирает увядшие цветы, которые каждый день приносят люди. Бруно сильно на нем экономит! Не знаю, ценит ли он это, ведь он запугивает его!

Жак вдруг понял, увидев мое лицо, что зря сказал мне правду.

- Он, видимо, поменяет статую, когда она износится. Перед тем, как он тоже умрет. Статуя будет из бронзы.

- На имени сестры он зарабатывает столько денег, что мог бы подарить ей достойную статую сейчас! А может быть, он хочет обеспечить себе бессмертие в объятиях сестры, тоже из бронзы? Он на это способен!

Жаку было грустно видеть меня расстроенной. В конце концов я успокоилась и пригласила его выпить горячий шоколад в баре на углу. Я избегала говорить о статуе, потому что этот бедняга, сидя передо мной, был слишком взволнован. Я знала, он обожает пить в компании горячий шоколад. Этот человек был очень трогательным. На этой планете должно быть много вот таких Жаков, полных любви!

Когда я ушла от Жака, то обратила внимание, как он украдкой перекрестился в мою сторону. Станный человек этот Жак. Дома я чувствовала себя плохо, я была огорчена тем, что видела, тем более, что Далида ясно присутствовала в моем сознании.

Той же ночью мне приснился странный сон.

Далида умоляла меня написать книгу о ней: «Ты же хорошо меня знаешь, ты могла бы описать меня, рассказать обо мне, мы делили вместе столько прекрасного...»

Мы были у нее дома на Монмартре. Она готовилась к уходу. Она собиралась продавать вещи с аукциона. Она протянула мне красивую чашку с блюдцем. Она подарила ее со

Жаклин Питиаль

Далида, ты называла меня младшей сестренкой...

Перевод Ирины Лиминг

словами: «Эта чашка для тебя. Я очень люблю ее. Из этой чашки я пью каждый день за ужином. Так ты будешь знать все мои мысли». Она осторожно пододвинула ко мне толстый конверт, полный купюр, и сказала: «Это для тебя». Когда я смущенно отказалась, она настояла: «Да, да, я очень этого хочу».

Я проснулась, взволнованная этим странным сном. Конечно, я знала, что это мое бессознательное, после случая со статуей. Но тем менее меня это волновало. Может быть, это был ее знак. Кот, разоблачение статуи, сон?

Решение было принято в то же утро, 1 ноября. Я буду писать книгу о ней, опишу женщину, которую знала такой, какой она была с нами.

Далида пережила со мной шестнадцать самых прекрасных лет моей жизни. Они ушли с Ги, сначала она, он через год. Они покоятся по великой случайности на кладбище Мон-мартра, в нескольких метрах друг от друга...